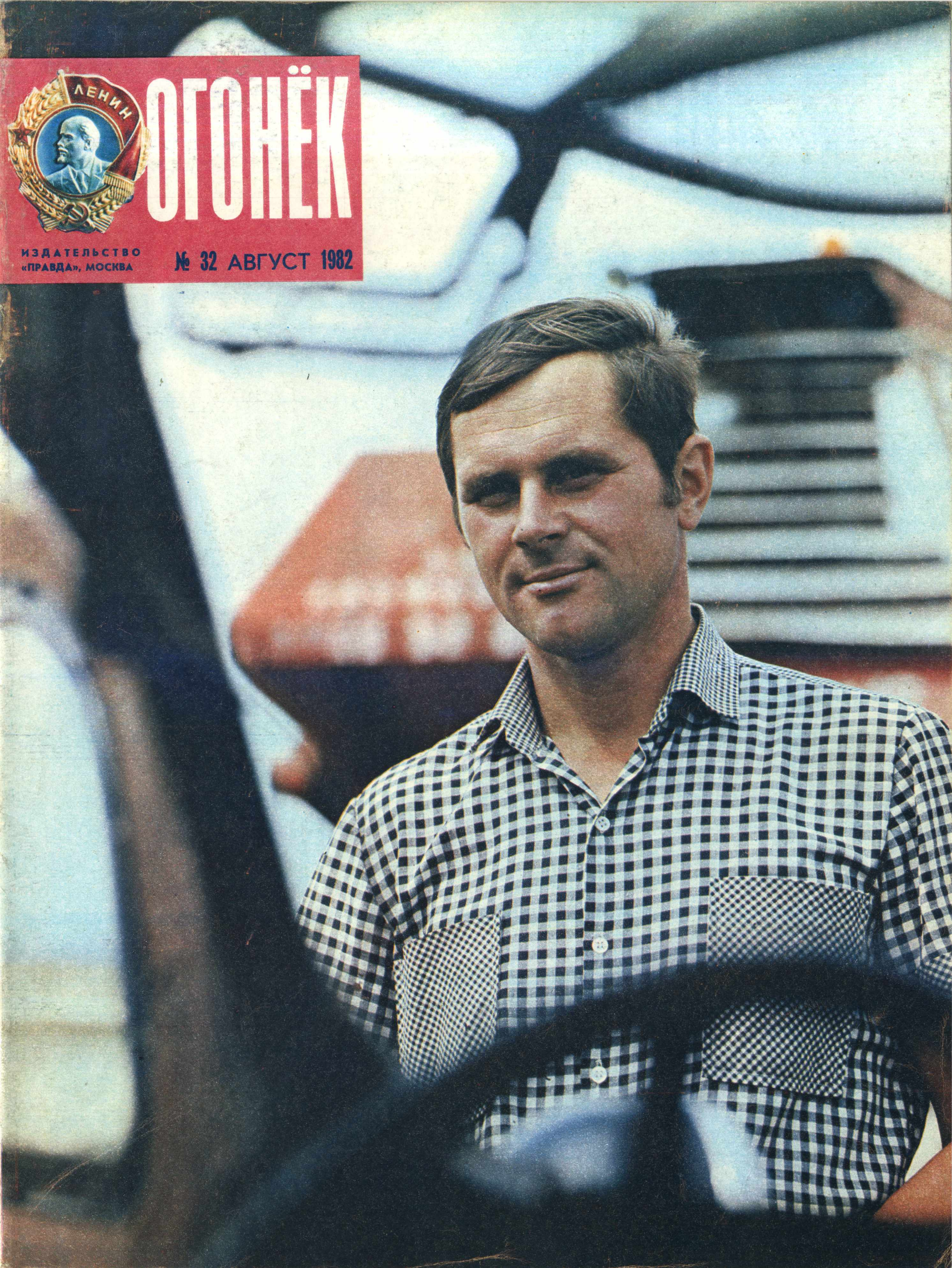

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА
№ 32 АВГУСТ 1982

Украинская ССР

ГОДЫ И СВЕРШЕНИЯ

ПЛОЩАДЬ — 603,7 тысячи квадратных километров.
НАСЕЛЕНИЕ — 50,1 миллиона человек.

НАСЕЛЕНИЕ КИЕВА — 2 миллиона 244 тысячи человек.
ПРОИЗВОДСТВО ПРОМЫШЛЕННОЙ ПРОДУКЦИИ
за 1940—1981 годы увеличилось в 14,7 раза.
ПРОИЗВОДСТВО СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИИ — в 2,1 раза.
ПРОИЗВОДСТВО ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ — в 23,4 раза.

ОКРЫЛЕННАЯ ДРУЖБОЙ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 32 (2873)

7 АВГУСТА 1982

Виталий **КОРОТИЧ**

С чего начать рассказ об Украине? С песен, спетых Евгенией Мирошниченко или Анатолием Соловьяненко? С рассказа о Днепропетровске и Запорожье? О черноземах Полтавщины? О людях, выплавивших металл и вырастивших хлеб? Обо всем сразу? Но в год 60-летия нашего Союза тема братских связей сегодняшней Украины особенно актуальна. Так с чего же начать?

Исторический период, которым статья ограничена, очень недолог — шесть десятилетий. Да и не возьмусь я обозревать его со всей систематичностью составителя энциклопедических словарей. Просто я мог бы уже в самом начале сказать о том, что самая глубокая в мире, даже сверхглубокая скважина на Кольском полуострове бурится при помощи сверхтвердых буровых головок, сделанных в Киеве. И еще напомнить, что самые высокие на свете космические сварные швы выполнены нашими астролетчиками на киевской аппаратуре. И еще...

Но ведь сама буровая установка на Кольском сработана коллективом «Уралмаша», а космонавты стартовали с казахстанского Байконура, и корабль для них строила вся страна. Любой взлет Украины, любая углубленность ее свершений — дело общее, любая наша мечта кристаллизировалась из общих усилий.

Имена братьев? Никто из нас не сумеет перечислить их все — и в этом тоже наша радость. Вы знаете о Захарии Хиталашвили? Самолет его был сбит в начале войны над украинским селом Первая Михайловка на Полтавщине. Всем селом раненого летчика охраняли, лечили и вылечили, возвратили в небо нашей общей Победы. А грузинский колхоз «Шрома» из Махарадзевского района в это же время приютил целый колхоз из оккупированной врагами Херсонщины. В глубине России, в башкирской столице Уфе в это же время работала наша Академия наук. В Кирове строились «катюши» для освобождения Украины, Киевская киностудия снимала свои фильмы в Ашхабаде.

Много раз за свою советскую историю Украина убеждалась в силе и надежности братства, о котором я рассказываю сегодня.

Конечно же, вы немало знаете об Украине. Так или иначе, но жизни наши сращены в общем стремлении, и каждый из нас, где бы ни жил он, воспитан в причастности к нашему советскому сообществу. Такого содружества народов человеческая история не знала. Моя Украина бессмертна, потому что живет в Союзе Советских Социалистических Республик.

Продолжение см. на стр. 13.

Во время встречи Л. И. Брежнева с Густавом Гусаком.

Телефото спец. корр. ТАСС В. Мусаэльяна

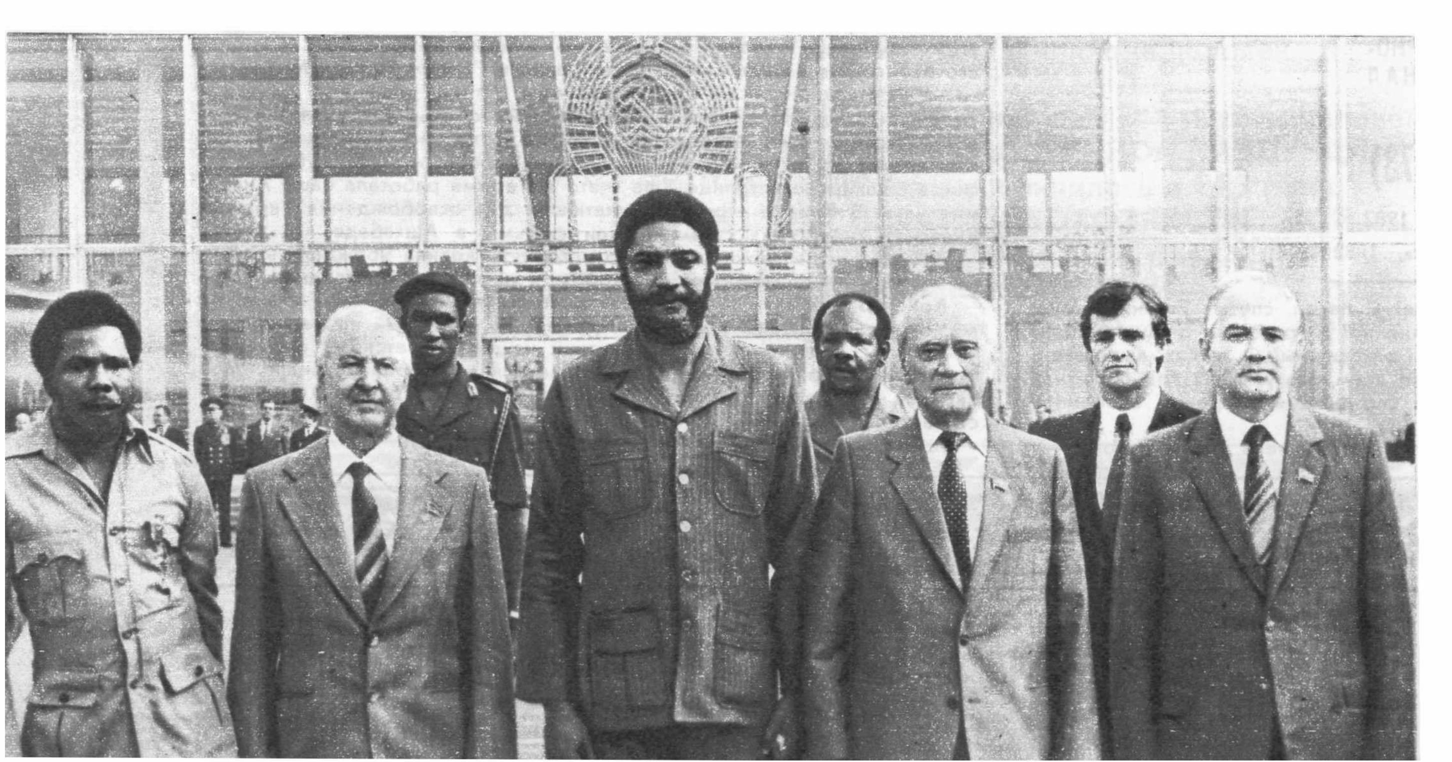
ДРУЖЕСКАЯ ВСТРЕЧА Л. И. БРЕЖНЕВА С Г. ГУСАКОМ

30 июля в Крыму состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева с Генеральным секретарем ЦК КПЧ, Президентом ЧССР Г. Гусаком, находившимся в Советском Союзе на отдыхе.

Л. И. Брежнев и Г. Гусак обсудили ход реализации договоренностей и соглашений, заключенных в последнее время между обеими странами в различных областях, включая экономику. При этом подчеркивалась необходимость новых шагов по пути производственной кооперации, создания действенных и постоянных стимулов развития кооперационных связей, выгодных как для всего народнохозяйственного комплекса обеих стран, так и для отдельных предприятий и трудовых коллективов.

Советский Союз и Чехословакия не намерены отгораживаться от взаимополезных экономических отношений с капиталистическими государствами. Но они не могут не делать выводов из действий империалистических кругов США, которые прибегают к политике санкций и бойкотов. В этих условиях СССР и ЧССР считают делом первостепенной важности дальнейшее углубление экономических взаимосвязей в рамках социалистического содружества. Боль-

ВИЗИТ ЗАВЕРШЕН

27 июля в Кремле состоялись переговоры члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР Н. А. Тихонова и кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС Б. Н. Пономарева с Председателем Политбюро ЦК партии Новое движение ДЖУЭЛ, Премьер-Министром Народного революционного правительства Морисом Бишопом, находившимся в Советском Союзе с официальным визитом во главе партийно-правительственной делегации Гренады.

В ходе переговоров, проходивших в сердечной обстановке, стороны с удовлетворением отметили развитие отношений дружбы и взаимовыгодного сотрудничества между Советским Союзом и Гренадой,

Проводы на аэродроме в Москве.

Фото А. Гостева

шое значение в этом плане придается предстоящему совещанию по экономическим вопросам на высшем уровне.

Л. И. Брежнев и Г. Гусак обменялись мнениями по актуальным внешнеполитическим вопросам. Главный источник осложнений в международных делах — авантюристические действия нынешней американской администрации.

Вашингтон не откликнулся на смелую инициативу Советского Союза, принявшего обязательство не применять первым ядерного оружия. На переговорах, посвященных проблемам разоружения, США и их союзники по НАТО занимают однобокую, совершенно нереалистическую позицию, добиваясь ослабления государств — участников Варшавского Договора, изменения в свою пользу существующего примерного равновесия военных сил.

Перед человечеством никогда еще столь властно не возникала необходимость положить конец гонке вооружений, перейти к разоружению. На этом пути были бы ценны любые действия, снижающие военную опасность,— расширение мер доверия, замораживание ядерных вооружений, установление надежных барьеров против распространения ядерного оружия и др.

Л. И. Брежнев и Г. Гусак с удовлетворением отмечают, что итоги состоявшегося семь лет назад совещания в Хельсинки отнюдь не перечеркнуты развитием европейской и мировой обстановки. Напротив, чем сложнее международные условия, тем более выразительно предстает все значение хельсинкского Заключительного акта, подписанного на высшем уровне руководителями 33 европейских государств, США и Канады. Достойным подтверждением духа Хельсинки могло бы стать успешное завершение мадридской встречи и прежде всего принятие на ней решения о созыве конференции по мерам укрепления доверия, безопасности и разоружению в Европе.

СССР и ЧССР самым решительным образом осуждают преступную агрессию Израиля против суверенного Ливана и палестинского народа, равно как и открытое пособничество Вашингтона Тель-Авиву. Злодеяния израильской военщины привели к тому, что на Ближнем Востоке посеяны новые семена ненависти и вражды. Пропасть между Израилем и его арабскими соседями стала глубже. Нет и не может быть ближневосточного урегулирования на путях аннексии Израилем арабских территорий и истребительной войны против палестинского народа, сепаратных сделок и махинаций. Советский Союз и Чехословакия требуют немедленного прекращения израильской агрессии в Ливане и снятия варварской осады его столицы — Бейрута. Они выступают в поддержку прочного и справедливого политического урегулирования ближневосточного кризиса, учитывающего права и законные интересы всех народов этого района.

В активных поисках путей к миру социалистические страны стремятся расширять международное сотрудничество. Земля должна быть мирной — в этом кровно заинтересованы все народы. И прямой долг ответственных политических деятелей — остановить опасное нагнетание международной напряженности, повернуть развитие международных отношений в русло разрядки, укрепить доверие между странами с различным социальным строем. Опасности, угрожающие миру, велики, но еще более значительны возможности предотвращения военной угрозы. Эти возможности необходимо полностью использовать.

Встреча товарищей Л. И. Брежнева и Г. Гусака прошла в сердечной, братской атмосфере и была отмечена полным единством взглядов.

(ТАСС)

основанных на принципах равенства, взаимного уважения и невмешательства во внутренние дела друг друга.

При обсуждении международных вопросов стороны выразили серьезную озабоченность обострением обстановки в мире, продолжающейся гонкой вооружений, крайне опасной ситуацией, сложившейся в последнее время в ряде районов, особенно на Ближнем Востоке, в результате авантюристической, милитаристской политики империалистических кругов во главе с США.

Обе стороны решительно осудили империалистические происки США в Центральной Америке и бассейне Карибского моря, их попытки политического и экономического диктата в отношении народов этого региона.

28 июля партийно-правительственная делегация Гренады отбыла из Москвы в поездку по стране.

На Внуковском аэродроме М. Бишопа, членов делегации тепло провожали член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ФАКТОР СТАБИЛЬНОСТИ В ЕВРОПЕ

Владимир КАТИН

Прошло семь лет после принятия в Хельсинки Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Практика, время, жизнь убедительно доказали не только целесообразность этого основополагающего для Европы документа, но и его необходимость. На днях, во время встречи в Крыму Л. И. Брежнева и Г. Гусака, с удовлетворением отмечалось, что итоги состоявшегося семь лет назад совещания в Хельсинки отнюдь не перечеркнуты развитием европейской и мировой обстановки. Напротив, чем сложнее международные условия, тем более выразительно предстает все значение хельсинкского Заключительного акта, подписанного на высшем уровне руководителями 33 европейских государств, США и Канады.

Прямым следствием совещания в Хельсинки явилась значительная активизация политических контактов между странами на всех уровнях и в первую очередь — на высшем. Это способствовало улучшению отношений в сфере торговли, экономики, научно-технического и культурного взаимодействия. Все дальше в прошлое уходят предрассудки, порожденные периодом «холодной войны», во время которой Европа была главным полем психологических битв. Не останавливаясь, однако, на достигнутом, социалистические страны стремятся к непрерывному укреплению процесса разрядки в Европе и выступают с новыми инициативами.

Судьба политической разрядки в значительной степени зависит от того, как пойдет дело с решением проблем разрядки в военной области. Именно поэтому пристальное внимание привлекают советско-американские переговоры в Женеве об ограничении ядерных вооружений в Европе — ведь на них речь идет о ключевом вопросе европейской безопасности. Наша страна уже заявила о готовности договориться с Западом о полном отказе от всех видов ядерного оружия средней дальности, нацеленного на объекты в Европе. Более того, стремясь претворить в практические дела дух Хельсинки, СССР в одностороннем порядке уже прекратил дальнейшее развертывание ракет средней дальности в своей европейской части и даже приступил к сокращению значительного их числа. «Не конфронтации и подрыва разрядки требуют интересы европейских народов,— заявил недавно с трибуны Генеральной Ассамблеи ООН А. А. Громыко.— Верная дорога к укреплению безопасности и развитию сотрудничества в Европе проложена в хельсинкском Заключительном акте». Венские переговоры о взаимном сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе тем не менее буксуют, хотя социалистические страны сделали немало предложений, чтобы вывести их на широкий путь конкретных действий. Не чувствуется конструктивного подхода у Вашингтона и к переговорам в Женеве об ограничении и сокращении стратегических вооружений, хотя и здесь нет недостатка в наших инициативах и предложениях.

Через семь лет после форума в Хельсинки приходится констатировать, что разрядка в Европе развивается порой зигзагообразно, а кое-где и затормозилась. И загвоздка не в том, что Восток и Запад исчерпали свои возможности. Трудность в том, что есть силы, которые не устраивает нормальный ритм делового сотрудничества в Европе. Соединенные Штаты всячески стремятся подорвать разрядку. Американская администрация буквально одержима идеей фикс расстроить сделку «газ — трубы». Спрашивается: почему? Оказывается, США считают ее для себя, видите ли, невыгодной, так как тогда Западная Европа может серьезно решить проблему энергоснабжения и занятости, а СССР —реализации своего природного газа. Здесь мы вплотную подходим к вопросу явного нарушения Соединенными Штатами одного из главных положений Заключительного акта — содействовать развитию торговли. В документе четко записано: энергетические ресурсы, в частности нефть, природный газ, каменный уголь, являются подходящими областями для укрепления долгосрочного экономического сотрудничества. Однако США своими действиями пытаются разрушить такое сотрудничество, установить диктат и контроль над всей торгово-экономической и финансовой системой Западной Европы. Этот курс Вашингтона уже получил достойный отпор в европейских столицах.

Жизнь показывает, что в разрядке одинаково заинтересованы и Восток и Запад. Это как бы совместное капиталовложение, которое уже дает прибыль обеим сторонам. Людям в Европе в эпоху разрядки стало безопаснее и интереснее жить — больше появилось контактов, поездок, товаров из других стран, книг, фильмов и т. д. После общеевропейского совещания СССР подписал со странами Западной Европы десятки новых соглашений и программ в области экономического сотрудничества. Своеобразными маяками на этом пути являются заключенные нами с Францией, ФРГ, Италией и Финляндией крупномасштабные долгосрочные контракты. Значительно приумножились культурные связи, обмены в сфере информации, туризма и т. д. Если взять такие показатели, как издание переводных книг зарубежных авторов, прокат иностранных фильмов, постановки пьес, гастроли творческих коллективов и отдельных исполнителей, то по всем этим направлениям СССР идет далеко впереди Запада.

Таковы реальности сегодняшнего дня. Спустя семь лет после исторического форума в Хельсинки Европа следует избранным ей азимутом разрядки, которая, судя по всему, выдерживает серьезные испытания на прочность.

ЗВЕРИНЫЙ ОБЛИК СИОНИЗМА

Владимир КОВНАТ, корреспондент-кинооператор Советского телевидения на Ближнем Востоке

Сегодня, когда мы ели на кухне корпункта Советского телевидения в Бейруте свой «блокадный» обед, внезапно раздался скрежещущий визг пикирующего самолета, и в окно первого этажа было хорошо видно, как над домами поднялся черно-серый клубящийся куст взрыва.

Предшествующей ночью самолеты израильских ВВС, развесив по небу слепящие «фонари» осветительных ракет, атаковали бейрутские жилые кварталы Факхани и Рамлет аль-Бейда. Так как несколько ракет висело прямо над районом улицы Верден, население центра Западного Бейрута быстро укрылось в бомбоубежищах.

Яркие огненные шары медленно, оставляя за собой дымный след, опускались на замерший город. Вот так же во время вьетнамской войны американские пилоты освещали ночью полуразрушенные города Северного Вьетнама, выискивая дома, где еще могли быть люди. Затем следовала атака, пуск ракет или сброс тяжелых авиабомб, и жилые здания в течение секунды обрушивались на землю бесформенными руинами. То же самое происходит и здесь.

В утренние часы наступило короткое затишье, а в середине дня над городом появились бомбардировщики. На этот раз впервые за всю войну бомбы и ракеты ударили по району Рас-Бейрут, находящемуся далеко от палестинских лагерей, вблизи торгового центра столицы.

Увидев в окно взрыв, мы быстро отправились к этому месту, на улицу Австралии.

...Внезапно под колесами машины затрещало битое стекло. Еще сто метров — и впереди сквозь завесу пыли стал виден совершенно обрушенный жилой дом. Бомба ударила в угол десятиэтажного здания, все, кто находился внутри, видимо, погибли.

Пробираемся к руинам по улице, заваленной обломками стен и перекрытий, кусками исковерканного металла, переломанной мебелью. Еще сто метров вперед — и видим, что фасады окружающих зданий разбиты взрывом, окна выломаны вместе с рамами, в стенах пробоины, а в соседнем доме разгорается пожар. Ревя сиренами и разбрасывая колесами куски стекла и остатки алюминиевых оконных рам, к развалинам подъезжают машины с красными крестами. Санитары немедленно оказывают первую помощь раненым прямо у разрушенного здания. Эти раненые — жители соседних домов. Ветер, дующий с моря, относит висящую в воздухе пыль, и перед нами — страшная картина. Ужасающие развалины, из которых не раздается ни криков, ни стонов,— более ста человек убиты на месте взрывом тяжелой бомбы. Тишину нарушают лишь падающие на тротуар осколки стекла и обломки бетона с фасадов других домов.

Спасатели и санитары помогают населению горящего дома выбраться на улицу, тушат пожар. Проходит оцепенение — раздаются крики женщин, плач детей.

Внезапно все собравшиеся на перекрестке бросаются в разные стороны, укрываясь в полуразрушенных подъездах и убегая в ближайшие переулки. Где-то в небе снова заревели турбины самолетов...

Итогом бомбового удара по улице Австралии были более ста убитых, сотни раненых и серьезные разрушения жилого квартала. Точное число жертв станет известным, лишь когда удастся разобрать многие сотни тонн исковерканных бетонных панелей и плит. Одновременно израильские летчики бомбили южную часть Западного Бейрута. Примерно через час израильская артиллерия и многоствольные ракетометы буквально засыпали снарядами и ракетами эти жилые районы. Грохот взрывов катился над Бейрутом в течение двенадцати часов — до двух часов ночи непрерывно.

На следующий день радио Тель-Авива признало, что это были самые тяжелые бомбардировки и артобстрелы ливанской столицы за все дни войны.

А в это время посланник президента США Филипп Хабиб заявил, что он полон оптимизма и ключ к политическому решению кризиса у него в руках.

Ночью мы видели, как сотни тяжелых снарядов и ракет с суши и моря крушили Бейрут. В темное небо вздымались огненные столбы взрывов, один за другим вспыхивали пожары. Но израильская оккупационная армия, осаждающая столицу Ливанской республики, не унималась. С чудовищным упрямством оккупанты всаживали снаряд за снарядом в уже горящие здания. Ослепительные вспышки освещали устоявшие остовы домов и клубы дыма, плывущие над Бейрутом. Менее чем в километре от нас горел южный район. Казалось, будто осаждающие Западный Бейрут варвары подожгли город с четырех концов. Это было высшее пока что «достижение» израильского вандализма, нечеловеческой жестокости.

Радио сообщило, что командир израильской бригады и ряд других офицеров отказались участвовать в этом преступлении. Они заявили, что не хотят воевать в Ливане «по мотивам своей совести». Однако оказалось, что у высшего израильского политического и военного руководства совесть молчит.

Западный Бейрут под огнем

Мы ехали по улице Сакиет аль-Дженэир, чтобы навестить крупнейшего палестинского поэта и публициста Моина Бсису. Внезапно машину тряхнуло, а через секунду раздался грохот взрыва, и над параллельной улицей поднялось огромное серое облако дыма и пыли. Это тяжелая ракета, пущенная с истребителя-бомбардировщика американского производства «Ф-16», ударила в восьмиэтажный жилой дом, заселенный ливанскими и палестинскими семьями, переселенными из полуразрушенных лагерей Южного Бейрута. Как выяснилось позднее, в этом доме погибло 84 и было ранено более 160 человек. Отряд гражданской обороны оцепил рухнувшее здание и соседние дома, в которых пылал пожар и были выбиты все окна, сорваны двери.

В пыли и дыму бойцы гражданской обороны, санитары палестинской и ливанской «Скорой помощи» выносят погибших и тяжело раненных, пытаются вытащить тех, кого завалило обломками, перевязывают и помогают уйти тем, кто пострадал меньше. Молодая женщина в цветном палестинском платье держит на руках двухлетнюю девочку и неотрывно смотрит на развалины и работающих там спасателей. В ее глазах смешались ужас, гнев и надежда. Она с девочкой пошла за хлебом, а в доме остались четверо старших ребят... «Боже, спаси моих детей, выведи их оттуда, верни их мне... Покарай убийц, несущих зло по земле»,— почти беззвучно шепчут ее губы. Под ногами смятые кастрюли, обломки мебели, смешанная с кусками штукатурки и пыли одежда. Куда идти уцелевшим жильцам разрушенного дома?

Озверевшие агрессоры методично разрушают Бейрут — самый красивый и когда-то процветавший город Ближнего Востока, убивают и ранят его защитников и мирных жителей. Их цель — заставить несколько тысяч палестинских бойцов уйти из Ливана (где они находились на законном основании, по соглашению с ливанскими властями и в соответствии с решениями Лиги арабских государств). Ради достижения этой цели, как заявил на днях маниакальный убийца М. Бегин, Израиль готов уничтожить в пятнадцать раз большее число мирных ливанцев и палестинцев. Как свидетельствуют факты, интервенты не ограничиваются геноцидом. Они прочно закрепляются в оккупированных районах и «осваивают их». На штыках 100-тысячной армии Тель-Авив хочет привести к власти в Ливане послушное ему и его заокеанским покровителям марионеточное правительство.

Но несмотря на лишения и неисчислимые страдания, значительная часть ливанцев отказывается покинуть родной город, а его защитники — бойцы ливанских национально-патриотических сил и палестинцы не желают сдаваться на милость агрессору. В этом с полной очевидностью убеждаешься, общаясь с простыми людьми.

В квартале Харет-Хрейк я не был последние две недели. Изуродованных снарядами домов за это время заметно прибавилось, но жителей — в подавляющем большинстве это выходцы и беженцы с юга Ливана — осталось еще немало. Значительную часть времени они вынуждены проводить в подвалах и на лестничных клетках уцелевших домов.

60-летний Казем Хусейни с начала войны уже трижды переезжал с места на место, спасая многочисленную семью. Отправив в родную деревню внуков, невесток, жену, он с двумя сыновьями решил остаться в Бейруте при любых обстоятельствах. Старший сын в рядах отрядов ливанского сопротивления сражается на позициях в районе международного аэропорта, а младший Али — в группе гражданской обороны, где опасность для жизни отнюдь не меньше: враг бомбит и машины с красным полумесяцем и спасателей в белых касках.

Даже раненые защитники осажденного Бейрута не теряют воли к борьбе и сопротивлению. В госпитале «Ан-Наср» весь в бинтах лежит Абдалла Кубара, пораженный осколками снаряда. «Две израильские роты под прикрытием танков пошли на нас в ночь перед мусульманским праздником Аль-Фитр, хотя официально действовало прекращение огня,— рассказывает он.—Но наша боевая группа не была застигнута врасплох. Бой продолжался до 10 часов утра, но интервенты не прошли».

Абдалла женился всего четыре месяца назад, жена осталась в Сирии, старший брат его погиб в тяжелых боях под Дамуром, младший брат находился к началу агрессии на позициях в горах Джермука. «О его судьбе,— говорит

Сегодня снова, как всегда, загремели орудия, а бомбардировщики сбросили на Западный Бейрут многие тонны бомб и ракет. Утром мы побывали в нашем посольстве и увидели, что и в жилой дом торгпредства и на находящуюся напротив через улицу территорию посольства снова, уже в который раз, попали тяжелые снаряды. К счастью, жертв не было, но стены иссечены крупными и мелкими осколками, а в фасаде торгпредства появились новые пробоины.

Сейчас, когда пишется этот репортаж, военные корабли израильтян снова обстреливают район набережной.

Сионистская пропаганда заявила, что, по мнению израильских лидеров, если даже на одного убитого при штурме Бейрута палестинского бойца придется по пять убитых ливанцев, то штурм должен быть предпринят. Людоедская бухгалтерия!

Фашистская, варварская сущность американо-израильской политики совершенно ясна. Оккупанты, официально называемые «армией обороны Израиля», ведут в Ливане грязную войну под крики раненых и изувеченных, под рыдания вдов и сирот.

В политических кругах Ливана с глубоким удовлетворением встретили заявление ТАСС и послание Л. И. Брежнева президенту США о необходимости принятия действенных мер по пресечению агрессии. Здесь отмечают твердую и последовательную позицию СССР, который настойчиво добивается прекращения кровопролития в Ливане и возвращения на эту многострадальную землю мира.

Бейрут.

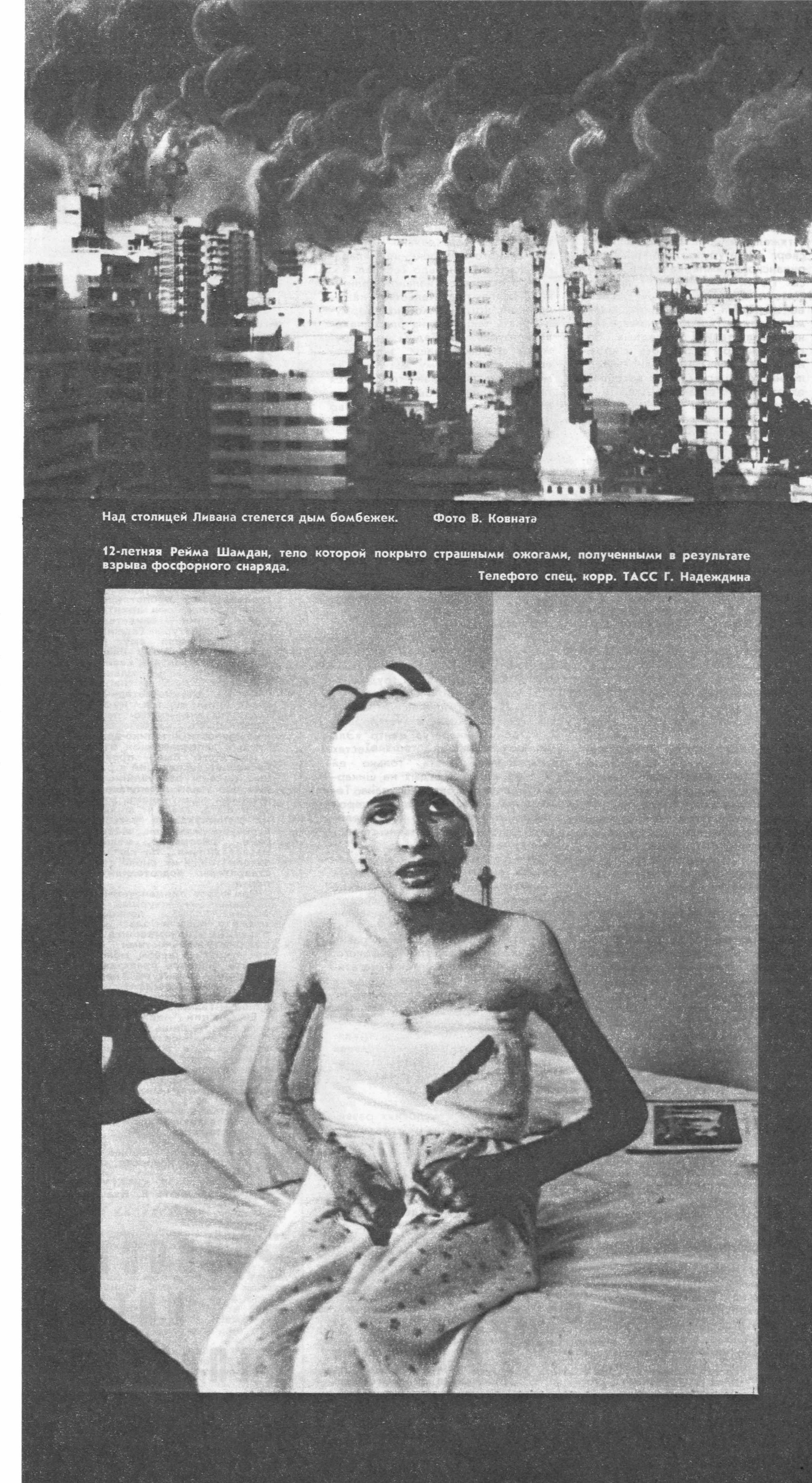
он,— израильтяне отказываются сообщить даже Красному Кресту, как и о судьбе девяти тысяч других палестинцев, пропавших без вести».

...В минуту затишья мы побывали в подвале одного из зданий недалеко от передовой. Майор Селим, активист Демократического фронта освобождения Палестины, командир одного из оборонительных участков, говорил своим бойцам на политинформации: «Это не только израильская агрессия, но и агрессия американского империализма. Американцы помогли Шарону спланировать операцию в Ливане и дали ей «зеленый свет». А теперь вместе с Тель-Авивом пытаются вынудить нас к капитуляции. Почему арабский мир не может помочь нам, палестинцам и ливанцам, окруженным в Бейруте? Потому что США раскололи арабские страны, навязали Египту позорную кэмп-дэвидскую сделку, наложили руку на арабскую нефть и «нефтедоллары» и подрывают изнутри некоторые арабские режимы. Но здесь, в Западном Бейруте, как бы ни было тяжело, патриоты не подчинятся американскому диктату...»

Западному Бейруту трудно, но он не поднимает белого флага.

Бейрут.

Александр СМИРНОВ,
соб. корр. АПН — специально для «Огонька»

Над столицей Ливана стелется дым бомбежек. Фото В. Ковната

12-летняя Рейма Шамдан, тело которой покрыто страшными ожогами, полученными в результате взрыва фосфорного снаряда.

Телефото спец. корр. ТАСС Г. Надеждина

НИКАРАГУА: УСПЕХИ РЕВОЛЮЦИИ

Три года назад народ Никарагуа в тяжелых и кровопролитных боях сверг диктатуру ставленника американского империализма Сомосы. Почти пятьдесят лет правила семейка Сомосы страной, отдавая ее на откуп транснациональным монополиям, которые наживались на эксплуатации природных богатств Никарагуа, на поте и крови никарагуанцев. Но народному терпению пришел конец, восстание охватило всю страну от Атлантического побережья до Тихоокеанского, от гондурасской границы до коста-риканской.

Однако свержением Сомосы борьба не закончилась. Напротив, она вступила, пожалуй, в один из самых сложных своих этапов — этап экономического возрождения, ликвидации наследия, оставленного полувековым безраздельным господством империализма. Нищета, разруха, эпидемии смертельных болезней, голод, почти поголовная неграмотность населения, безработица, массовое безземелье крестьян — вот лишь краткий список проблем, с которыми столкнулось революционное правительство в первые дни. Прошло три года. Невероятно малый исторический срок, если измерять его количеством прожитых дней, недель, месяцев. Если же оглянуться на свершенное за эти три года, то увидишь, как велики, как значительны успехи революции. Проведена кампания по ликвидации неграмотности, тысячи крестьян получили землю, резко снизилась детская смертность, быстрыми темпами развиваются здравоохранение, национальная культура, просвещение, с каждым днем все больше набирает силы и укрепляется государственный сектор в экономике...

Сейчас Никарагуа переживает трудные дни. Собственно, ни один из ее дней нельзя назвать легким. Но сейчас стране особенно тяжело. Северные, граничащие с Гондурасом департаменты стали прифронтовой зоной — перешла в наступление контрреволюция. Тысячи подготовленных американскими инструкторами головорезов из бывшей национальной гвардии диктатора Сомосы просачиваются в Никарагуа с гондурасской территории. Хорошо вооруженные, в совершенстве владеющие наукой убивать, они пытаются посеять панику и ужас среди населения, дестабилизировать обстановку в стране. Ужесточил экономические санкции против Никарагуа Вашингтон. Отказывая в помощи законному правительству страны, Белый дом открыто поддерживает местную буржуазию и все оппозиционные силы, толкая их на конфронтацию с революционной властью.

Тем не менее, несмотря на необходимость тратить огромные средства на оборону, на вооружение и укрепление армии, Сандинистский фронт национального освобождения, стоящий в авангарде революции, не намерен сворачивать ни одного социального мероприятия, направленного на повышение уровня жизни трудящихся. Об этом заявил министр социального обеспечения Никарагуа доктор Рейнальдо Теффел.

— В основе социальной политики нашего правительства лежит принцип, который можно сформулировать так: «Все на благо человека труда». Мы бедны, мы окружены врагами, наша экономика еще слаба, поэтому мы пока не можем сделать жизнь трудящихся такой, какой нам бы хотелось ее видеть. Но все же государство не жалеет ни усилий, ни средств для достижения этой цели.

Нами разработан и претворяется в жизнь ряд программ, имеющих долгосрочный характер. Среди них — борьба с беспризорностью (ведь режим Сомосы оставил нам в наследство сорок тысяч сирот), помощь многодетным семьям, развитие сети домов для пожилых и пенсионеров, программа постепенного повышения размера пенсий как по старости, так и по инвалидности, увеличение выплат трудящимся из фондов социального страхования.

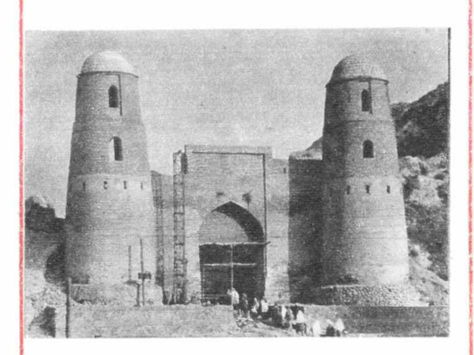
Вот, посмотрите,— министр кивает на кипу чертежей и планов на столе.— Это проекты строительства центра отдыха трудящихся «Эль Транзито». Он будет сооружен на Тихоокеанском побережье. Там уже действует первый в истории Никарагуа центр «Эль Велеро». Раньше в этих местах развлекалась знать, только ей был по карману отдых на шикарных виллах на берегу океана. Теперь на виллах в «Эль Велеро» отдыхают ежедневно 360 человек — рабочие и крестьяне со своими семьями.

Мне хочется подробнее остановиться еще на одной программе правительства, носящей название «Оптика для народа». Не секрет, что очки в Никарагуа — удовольствие чрезвычайно дорогое. Порой стоимость одних очков равна месячному заработку рабочего. Ведь большинство аптек и магазинов оптики находится пока еще в частных руках, и их владельцы не особенно стесняются, повышая цены на свои товары. Поэтому государство решило помочь трудящимся: сейчас рабочий, покупая очки, платит за них треть стоимости, две трети оплачивает государство.

Разумеется, вам, советским людям, живущим в условиях развитого социализма, наши успехи могут показаться более чем скромными, но вспомните, какой была Никарагуа всего лишь три года назад. Отсталая, нищая страна, где рабочий человек был абсолютно бесправен, где над ним довлел аппарат угнетения, где он был лишен элементарных жизненных благ... И тогда вы поймете, как много уже сделано, хотя это лишь только начало. Ведь и наша история, история новой Никарагуа, только начинается. Мы идем в будущее.

Манагуа.

Михаил БЕЛЯТ,
соб. корр. АПН —
специально для «Огонька»

ТАДЖИКИСТАН

ЗАПОВЕДНИК В ГИССАРЕ

Путевку в долгую жизнь получил Гиссарский историко-архитектурный комплекс — одно из интереснейших строений старинных зодчих. Архитектурная мысль XVI—XVII веков, воплощенная в башнях и минаретах, величественных воротах, караван-сарае, полностью сохранена реставраторами. Несколько лет кропотливо восстанавливали они архитектурный памятник — свидетельство древней культуры Таджикистана — и вернули ему первозданный вид. Этому благородному делу посвятили свой труд, свое мастерство не только специалисты, но и народные умельцы. Научно-методический совет Министерства культуры Таджикистана вынес решение организовать на базе старинной крепости историко-архитектурный заповедник.

Для этого были проведены несколько экспедиций в различные районы республики, которые обогатили комплекс бесценными памятниками зодчества и быта. Здесь и жилые дома с причудливой резьбой по дереву, и мавзолеи, старинные бани, рисомолки, мельницы, маслодавильни... На каждый из экспонатов, а их около ста, реставраторы подготовили паспорта.

Чем особо примечателен этот историко-архитектурный заповедник? Главное, пожалуй, в том, что, побывав здесь и внимательно ознакомившись с достопримечательностями музея под открытым небом, можно получить широкое представление об уровне культуры народов, населявших некогда горные и долинные, северные и южные районы Таджикистана.

Гиссарский архитектурный комплекс — лишь один из многих памятников старины, возвращенный к жизни заботливыми руками и талантом реставраторов. Сотни творений древних зодчих, которые не пощадило время, ныне взяты под охрану государства, активно изучаются старинные сооружения, представляющие для потомков интерес.

На снимке: главные ворота Гиссарской крепости.

Т. ХЕТАГУРОВА
Фото В. Иващенко

ЗА ЧИСТОЕ НЕБО НАД ПЛАНЕТОЙ

Мир! — это слово, дорогое миллионам людей на земле, гордо шествует по территории Советского Союза. Участники Марша мира прибыли на гостеприимную землю Украины. Киевляне с радостью встретили зарубежных и советских участников марша. На привокзальной площади состоялся митинг. Гостей приветствовал председатель Украинского республиканского комитета защиты мира писатель О. Гончар. Он сказал, что украинский народ хорошо знает цену миру. В годы второй мировой войны, напомнил он, республика потеряла миллионы своих сыновей и дочерей. Пусть же встречи и беседы с жителями города на Днепре придадут вам еще больше уверенности в торжестве дела мира, разрядки, разоружения.

Выступившие затем ораторы отметили размах антивоенного движения и осудили попытки милитаристов внести раскол в ряды миролюбивой общественности.

«Нет — ядерному оружию в Европе на Западе и Востоке!», «Нет — ядерному оружию нигде в мире!», «За разоружение и мир!» — с такими лозунгами многотысячная, красочная, нарядная колонна участников марша прошла по улицам столицы Украины. К ним присоединились жители и гости города. Среди них были и американские туристы. «Я уже

МИНСК

ПО ОБРАЩАЙТЕСЬ,

Когда в магазин прислали в первый раз план издательства «Наука», товаровед Наталья Васильевна Малашевич растерялась: как определить, какое количество книг заказывать, как хотя бы приблизительно определить спрос? За советом обратилась к ученым. Так у магазина «Академкнига» появились первые советчики и первые друзья. Теперь их много. При магазине существует клуб книголюбов «Братерство». За пять лет тут получили тысячи писем и отправили по разным адресам тысячи книг. «Хочу поблагодарить за присланные книги,— пишет из Пензы Л. П. Се-

•НОВОСТИ• ИНТЕРВЬЮ• РЕПОРТАЖ•

Участники Марша мира-82 на площади Ленинского комсомола. Телефото А. Поддубного и Ю. Мосенжника (ТАСС)

пятый раз посещаю Киев,— поделился впечатлениями Гарольд Чайдкел.— И каждый раз убеждаюсь в непреклонном стремлении вашего народа к миру».

Сторонники мира посетили ряд промышленных предприятий Киева и обменялись мнениями о дальнейших путях развития движения защитников мира, участия в нем людей доброй воли всех стран и континентов. В парке Вечной славы они возложили цветы к могиле Неизвестного солдата.

Участники Марша мира, который проходит по маршруту Москва — Киев — Будапешт — Братислава — Вена, соберутся 6 августа на массовом международном митинге против угрозы ядерной войны в австрийской столице, где к ним присоединятся делегации из Великобритании, Италии, Греции и других стран.

СТРАНЕ СОВЕТСКОЙ

ПОЖАЛУЙСТА!

ребрянова.— Но еще бо́льшая радость — план выпуска литературы издательством «Наука».

И прилагает список нужных ей книг. Только по индивидуальным заказам с начала года из магазина ушло множество бандеролей и посылок в самые разные адреса. Магазин организует выставки-продажи книг в Академии наук БССР, на предприятиях, в вузах.

А. ЩЕРБАКОВ, собкор «Огонька»

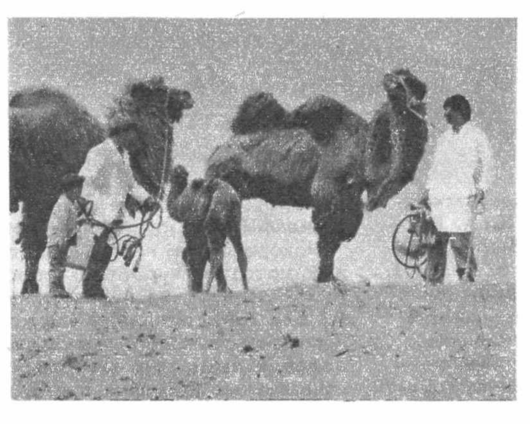
На снимке: в магазине «Академкнига».

Фото А. Мызникова

В ПУСТЫНЮ ЗА ШУБАТОМ

КАЗАХСТАН

«Сарытаукум» — в переводе с казахского «горы желтого песка». Перевод полностью соответствует действительности — пески и пески, куда ни глянь. Машина пробиралась по ним словно ползком, жара сгущалась почти осязаемо, и безумно хотелось пить. Чем может заниматься совхоз на таких землях?

— А вы пробовали когда-нибудь шубат?— спросил Едиген Джунусбенов, директор «Сарытаукумского».

— Что это такое?

— Напиток песков,— то ли пошутил, то ли серьезно ответил директор.— Попробуешь его, и жажды как не бывало. Сами сейчас убедитесь...

Машина вползла на бархан. За ним я увидел стадо верблюдов. Они шли степенно, и горбы их, похожие на мини-барханы, плавно покачивались. Потом верблюды вдруг побежали, сокрушив легенду о своей невозмутимости. «Пить хотят,— пояснил мой спутник.— там дальше колодец, вот они и спешат...» Так для меня рухнула еще одна легенда, будто верблюд спокойно может обходиться без воды... если, конечно, она рядом. Но вообще это животное удивительное. Неприхотлив, вынослив, добродушен, хотя добродушие и замаскировано под надменность, щедр. Общеизвестны великолепные качества его шерсти, но он дает еще и дешевое мясо и молоко. В Казахстане верблюдоводством занимаются уже 270 хозяйств. «Сарытаукумский» существует пять лет, и за это время верблюжье поголовье увеличилось вдвое, сегодня здесь уже 1600 голов. Темпы очень хорошие, если принять во внимание, что каждая верблюдица обычно приносит лишь одного верблюжонка и только один раз в два года. План приплода у совхоза — 37 верблюжат от сотни маток, а на самом деле тут в среднем получают по 50, а чабан-рекордсмен Турдыахун Кутпанкулов — даже по 64 ежегодно. Вот он-то и угощал нас «напитком песков» — шубатом, сброженным верблюжьим молоком. Густое, терпко-кисловатое, прохладное, оно действительно прекрасно утоляло жажду. И когда мы снова вышли в зной, пить уже не хотелось.

Ю. ЛУШИН. Фото автора

СЛОВО О ЛЕГЕНДАРНОЙ АРМИИ

Е. Я. САВИЦКИЙ,
маршал авиации,
дважды Герой Советского Союза

Открываешь книгу и сразу переносишься к трагическим и героическим событиям уже далеких, но незабвенных дней Великой Отечественной войны.

...В середине апреля 1943 года дивизии 3-го истребительного авиационного корпуса Резерва Верховного Главнокомандования (РВГК), которым я командовал, сосредоточились на аэродромах в районе Курска. Здесь назревали события, вошедшие в историю войны как битва на Курской дуге. Но нашему корпусу участвовать в этих боях не довелось: пришло распоряжение срочно перебазироваться на Северо-Кавказский фронт.

Начальник штаба корпуса, передавая распоряжение, посетовал:

— Такую махину — двести с лишним самолетов — предлагают «своим ходом» перебросить почти за тысячу километров. Может, попросите пару дней на подготовку, товарищ генерал?

Начштаба в принципе был прав: организовать такой перелет без подготовки действительно сложно. Но недаром мы — соединение РВГК. И раз нас посылают на Северо-Кавказский фронт, значит, нужны мы именно там, и нужны срочно.

Командующий ВВС Северо-Кавказского фронта генерал-лейтенант авиации К. А. Вершинин, которому я доложил о прибытии первых полков корпуса, ввел меня в обстановку. После тяжелых зимних боев за освобождение Северного Кавказа в авиации фронта самолетов было вдвое меньше, чем у противника.

— Положение, прямо говорю, тяжелое,— подчеркнул командующий.— Особенно трудно на плацдарме юго-западнее Новороссийска. Называют этот плацдарм Малой землей. По сути верно — там всего около тридцати квадратных километров. Но дела на Малой земле вершатся огромной важности. Плацдарм не только приковывает к себе большое количество немецких войск, но и очень важен для успешной борьбы за Таманский полуостров, Новороссийск и даже за Крым.

Генерал Вершинин на крупномасштабной карте показал точное расположение плацдарма, перечислил опорные пункты обороны, характерные ориентиры для полетов. Я слышал родные, знакомые с детства названия: Федотовка, мыс Любви, Суджукская коса, Мысхако, Станичка. Да, именно здесь, в пригородном поселке Станичка, на Варваровской улице, прошли мое детство и юность. А теперь здесь война.

— Положение наших войск на плацдарме,— еще раз подчеркнул Вершинин,— тяжелое. Особенно последние два дня. Противник постоянно атакует и обстреливает позиции. Но главное, беспрерывно бомбит и наносит штурмовые удары авиацией. Поэтому, кроме вас, Ставка прислала еще два соединения — бомбардировочное и штурмовое. Ваша задача, как истребителей, прикрыть плацдарм с воздуха. Защищает его десантная группировка частей 18-й армии — командующий генерал Леселидзе. Положение на Малой земле тяжелое, но отступать ее защитники не думают. Вот, прочитайте письмо-обращение Военного совета 18-й армии к защитникам плацдарма.

Конечно, это обращение я дословно не запомнил, но смысл, суть его остались в памяти сердца. Позднее, через много лет после войны, в своей книге «Малая земля» Леонид Ильич Брежнев приведет несколько фраз из этого письма-обращения: «Клянемся своими боевыми знаменами, именем наших жен и детей, именем нашей любимой Родины, клянемся выстоять в предстоящих схватках с врагом, перемолоть его силы и очистить Тамань от фашистских мерзавцев. Превратим Малую землю в большую могилу для гитлеровцев!» Такие слова могли родиться только у людей, которые решили стоять насмерть и победить!

Да, трудно рассказать о том, что происходило на Малой земле семь с половиной месяцев, и особенно весной сорок третьего. В апреле немецкое командование решило во что бы то ни стало сбросить десантную группировку с плацдарма. В этом мы, летчики прибывших авиационных корпусов, убедились при первых же вылетах в район Новороссийска и Малой земли. То, что увидел я на месте родного города, потрясло. Да, я мог предположить, что Новороссийск сильно разрушен, но такого не ожидал. Руины, руины, руины...

Новороссийск никогда не отличался пляжной красотой курортных городов: ни стройных кипарисов, ни белоснежных дворцов. Мы, жители города, видели его красоту в отрогах гор, где добывалось сырье для цементных заводов, в дыме труб этих заводов, в гуле многочисленных причалов порта, в виноградниках на склонах Мысхако. И вот теперь ничего нет. Первое впечатление — внизу ничего живого. Один летчик после вылета так и сказал: «Поле, вспаханное плугом смерти». Оживляли его только вспышки выстрелов, трассы пулеметных очередей. По линии передовых позиций — дым да пыль от взрывов.

Летчики нередко обижались на наземные войска за то, что те не всегда четко обозначали свой передний край. Здесь этой претензии предъявить нельзя. Сколько бы я ни летал в районе Малой земли — днем, ночью, на закате, на рассвете, всегда были видны вспышки выстрелов. Внизу круглые сутки шли бои — или наступал противник, или наши войска не давали ему покоя.

Я смотрел на плацдарм не только глазами летчика, но и человека, хорошо знавшего эту землю. Я пытался представить: как же там живут люди? И не просто живут, а воюют...

Так в жизнь летчиков нашего корпуса, в мою жизнь вошла легендарная Малая земля и ее защитники — воины 18-й армии. Хорошо помню, как в общежитии летчиков одного из авиаполков увидел необыкновенный плакат. На нем изображены контуры плацдарма 18-й армии на Мысхако. Ярко-красная территория с крупной надписью «Малая земля» окаймлена морем, а над всем этим огромные черные крылья с крестами. И надпись: «Летчик! Ты читаешь эти строки. Значит, ты дома, в безопасности! Ты можешь сейчас даже отдохнуть. А там, над Малой землей, черная тень черных крыльев! Торопись на взлет! Иди в бой! Уничтожь фашистского стервятника! Он уже готов сбросить свой груз на доблестных защитников Малой земли!»

И летчики торопились в бой! В первые же дни отличились С. А. Лебедев, В. С. Конобаев, В. И. Меркулов, А. Т. Тищенко, А. Б. Манукян, С. П. Шпуняков и многие другие. А ведь они были молодыми истребителями, без боевого опыта. В эти же дни А. К. Янович, С. И. Маковский и И. В. Федоров таранными ударами своих истребителей уничтожили фашистские самолеты. Уничтожили и сами остались живы. А Спартак Маковский сумел даже приземлиться на своем «ЯКе». Все они получили высокие награды Родины и дошли до Берлина.

Но не только победами кончались воздушные схватки с противником. В ожесточенных боях и мы теряли своих боевых товарищей. Только в 812-м авиаполку погибло девятнадцать летчиков. Особенно трудными были бои в двадцатых числах апреля, когда немецкое командование бросало в сражение все новые и новые силы. Вот как описывал эти бои начальник политотдела 18-й армии Л. И. Брежнев: «Трудно мне передать, что творилось в небе. Куда ни глянешь, то в одиночку, то звеньями сходились в смертельных петлях наши и немецкие самолеты. Черные шлейфы сбитых машин, пересекая друг друга, тянулись к земле. За три дня боев наши летчики сбили над Малой землей 117 вражеских самолетов».

Мы, летчики, не могли видеть то, что происходило на земле в апрельские дни 1943 года. И не потому, что летали высоко в небе. Даже на бреющем полете трудно было что-либо разглядеть — над плацдармом стоял сплошной дым и висела пыль от разрывов бомб и снарядов. Лучше всего обратиться опять к свидетельству очевидца, к словам Леонида Ильича Брежнева: «Горела земля, дымились камни, плавился металл, рушился бетон, но люди, верные своей клятве, не попятились с этой земли. Роты сдерживали натиск батальонов, батальоны перемалывали полки. Накалялись стволы пулеметов, раненые, оттолкнув санитаров, бросались с гранатами на танки, в рукопашных схватках бились прикладами и ножами».

Восемнадцатая в сражениях за Родину. М., Воениздат, 1982, 528 стр.

В. Сидоренко. Род. 1953. СТРАДА (из триптиха «МОЕ ПОКОЛЕНИЕ». 1981).

С. Овсепян. Род. 1947. ДЕТСКИЙ МИР. 1981.

В книге «Восемнадцатая в сражениях за Родину» говорится: «Отражение вражеского наступления, срыв его операции «Нептун» достался дорогой ценой. Войска армии только за четыре дня потеряли 2351 человека, в том числе 568 человек убитыми... Однако и противник недосчитался до 7 тысяч солдат и офицеров...»

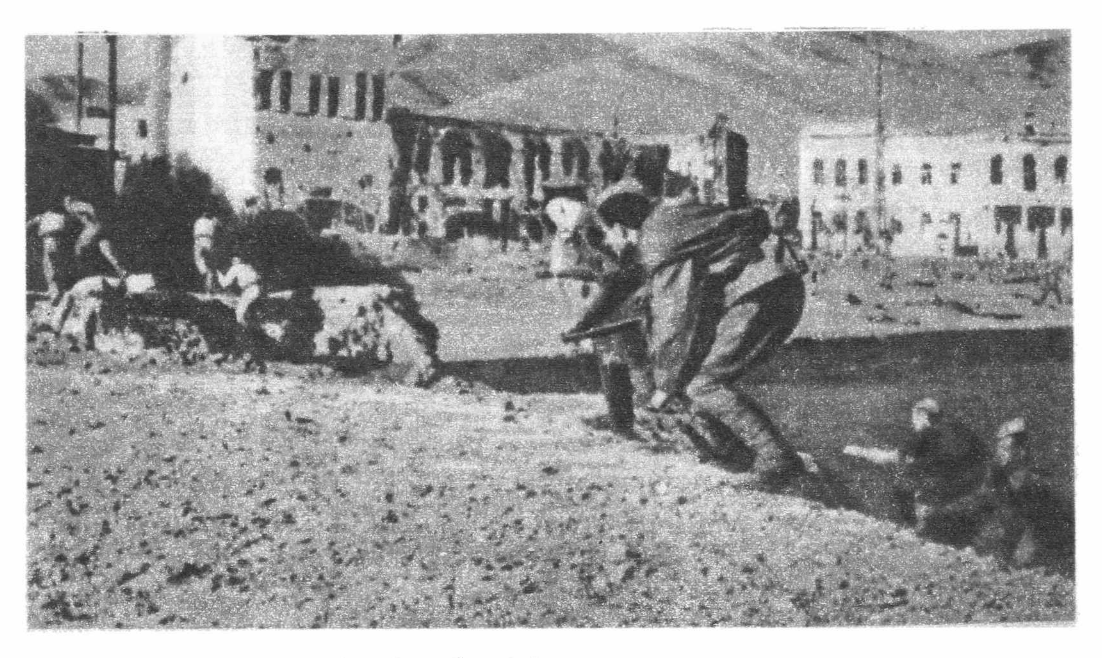
Защитники плацдарма, воины 18-й армии выстояли, победили и, когда пробил час борьбы за Новороссийск, сыграли решающую роль в его освобождении. А бои, начавшиеся в небе над Малой землей, переросли в известные воздушные сражения, определившие исход борьбы за стратегическое господство между советскими ВВС и фашистскими «люфтваффе». В трех воздушных сражениях: в районе Новороссийска при попытке уничтожить нашу десантную группировку, над станицей Крымской во время наступления войск Северо-Кавказского фронта и при прорыве «Голубой линии» противник потерял 1100 самолетов, практически целый воздушный флот. Более 800 из них были сбиты в воздушных боях. Летчики 3-го авиакорпуса РВГК, открыв счет в небе над Малой землей, записали в него 445 фашистских самолетов.

Я не случайно рассказываю о сражении десантной группировки 18-й армии на плацдарме Мысхако. Немало было трудных схваток с врагом за время войны, тяжелых, кровопролитных. Но таких, как в небе Малой земли, не было. С этим, я думаю, согласятся все, кто участвовал в тех боях и дошел до Берлина.

Мы, летчики, видевшие наземные бои сверху, многого не знали. Могли только предполагать, какое мужество проявляли в боях солдаты, как умело командиры организовывали боевые действия, каким высоким было военное искусство командования и штаба 18-й армии, какой всеобъемлющей, конкретной и эффективной была партийно-политическая работа партийных и комсомольских организаций, политорганов, всех политработников, возглавляемых начальником политотдела армии Леонидом Ильичом Брежневым. Об этом — лучшие страницы книги.

Летом 1943 года наш корпус по приказу Ставки был переброшен на другой фронт. Но как о хорошем, надежном боевом товарище мы ловили каждое известие, каждое слово о 18-й армии. А они были по-военному скупы. Самые достоверные — в приказах Верховного Главнокомандующего, где отмечались войска, отличившиеся в той или иной операции. Мы сражались в небе Украины, и я с двойной радостью за свой родной город и за успех 18-й услышал слова приказа о том, что при освобождении Новороссийска отличились войска генерал-лейтенанта Леселидзе. А вскоре снова части и соединения 18-й отличились при освобождении Тамани и форсировании Керченского пролива. Мы в составе 4-го Украинского фронта дрались в Крыму, а войска 18-й освобождали Западную Украину. Наш корпус был переброшен в Белоруссию, воевал в Польше, участвовал в битве за Берлин, а бойцы 18-й армии отличились в боях на горных перевалах Карпат, при освобождении многих городов Чехословакии.

У каждого солдата, у каждой роты, у каждого крупного войскового объединения в войне два боевых пути: свой, не пройденный никем другим, и общий — со всей Советской Армией — путь к Победе. Так и у 18-й армии был свой, неповторимый, особенный путь. Перечисление только крупных операций, направлений главных ударов, широко известных географических названий говорит о многом. Оборона Малой земли и освобождение Новороссийска, форсирование осеннего Керченского пролива и поход по весеннему бездорожью Украины, бои в болотах за Ужгородом и на крутых перевалах снежных Карпат — вот далеко не полный перечень этапов боевого пути 18-й армии. А если к этому прибавить тяжелые, но всегда активные оборонительные бои, которые вела армия во время драматических событий первого периода войны, то можно сказать одно: армия прошла через самое трудное, что только могла создать для солдата эта война. И всегда армия была на острие главного удара, первой пробивала оборону противника, развивала общий успех. Недаром воины армии двадцать раз отмечались в приказах Верховного Главнокомандующего. Недаром Маршал Советского Союза Г. К. Жуков за одну из операций особо отметил, «...что своими решительными действиями 18-я армия нанесла тяжелый урон основным силам 1-й немецкой танковой армии и тем самым оказала большую помощь войскам фронта...». Недаром сто воинов армии удостоены высокого звания Героя Советского Союза, а сто тысяч награждены орденами и медалями.

Высадка десанта в Новороссийск. Сентябрь 1943 г.

В успехах 18-й заслуга всех: солдата и командарма, взводного командира и комдива, политрука роты и начальника политотдела армии. Именно в этом, в массовом героизме, сила армии. В книге «Восемнадцатая в сражениях за Родину», хотя и скупым языком исторического исследования, но очень ярко показаны многочисленные эпизоды, когда солдаты, офицеры, политработники совершали свой подвиг, добивались своих, пусть небольших побед, из которых 9 мая 1945 года сложилась большая Победа всего советского народа.

Вот стрелковая рота, которой командовал младший политрук Х. Б. Андрухаев, отбивает одну атаку за другой. Даже раненый, младший политрук не покидает поле боя. Кончились патроны. Он приказывает бойцам отойти на новые позиции, а сам прикрывает их отход. Осталась последняя граната. Андрухаев подпускает к себе фашистов и взрывает их вместе с собой...

Вот корреспондент армейской газеты капитан С. А. Борзенко во время форсирования Керченского пролива повел за собой десантников на дзот, из которого бил пулемет...

Вот командир дивизии полковник В. Ф. Гладков с первыми подразделениями своей дивизии переправляется через пролив и лично руководит действиями по расширению плацдарма на Эльтигене...

Вот комсорг роты сержант Н. А. Алексеев и рядовой Б. А. Дьяченко в боях за освобождение Чехословакии закрывают собой амбразуры вражеских дотов...

Их тысячи и тысячи, свершивших свой подвиг. О многих рассказано в книге. Очень и очень важно, что за анализом операций и работы командования армии не потерялся, как это иногда бывает, рядовой солдат, младший офицер, ротный политработник, из шагов которых и сложился славный марш боевого строя 18-й армии.

В этом строю шли люди особого склада. Шли они рядом с бойцами. Но своими помыслами, высотой духа, пониманием величия дела, которому мы все служим, преданностью этому делу всегда были впереди. Это политработники. Они несли идеи партии в массы воинов, пламенным словом укрепляли их дух, личным примером увлекали товарищей на подвиг.

В книге глубоко и всесторонне показана деятельность политорганов, партийных организаций, политработников всех звеньев в трудных боевых условиях. Улучшение стиля работы отделов штаба армии и снабжение бойцов обувью в весеннюю распутицу, награждение отличившихся орденами и обеспечение эвакуации раненых, подготовка к крупной операции и поддержка снайперского движения, активизация войсковой разведки и улучшение быта девушек-бойцов — все эти и другие вопросы всегда были в поле зрения политотдела армии, его начальника Леонида Ильича Брежнева.

«Л. И. Брежнев заботился о людях, о высокой боевой готовности и боеспособности войск. Он требовал от командиров и политработников тщательно и всесторонне готовить воинов, особенно молодых бойцов, к предстоящим боям, индивидуально подходить к каждому из них, помня указания В. И. Ленина о том, что «мало собраний и митингов, нужна личная агитация, надо обходить мобилизуемых, надо внушить каждому в отдельности, что от его храбрости, решительности и преданности зависит окончание войны» — рассказывают о начальнике политотдела армии авторы книги. Они приводят много убедительных примеров, когда именно личное участие, вмешательство Леонида Ильича Брежнева решало успех дела.

«К вечеру... немцы прорвались к штабу батальона, и тогда мы вызвали на себя огонь нашей артиллерии. Другого выхода не было!.. И в этот момент я увидел, как по нашей траншее под огнем бежит высокий черноволосый комиссар и кричит солдатам: «Держитесь, товарищи! Скоро придет подмога!» Так описывает свою первую встречу с Леонидом Ильичом Брежневым бывший комиссар минометного батальона А. Н. Копенкин. И таких фактов, когда начальник политотдела армии Л. И. Брежнев оказывался в самом горячем месте боя, сам брал в руки оружие и отбивал атаки противника, немало.

Летом 1943 года летчики нашего корпуса по приказу Ставки покинули небо над боевыми порядками 18-й армии. Разошлись, как принято говорить, наши фронтовые дороги. И вот состоялась новая встреча с воинами этой славной армии. Встреча на страницах замечательной книги «Восемнадцатая в сражениях за Родину». Эта книга — и строгое военно-историческое исследование и живой рассказ о людях. В ней удачно сочетаются четкость военного мышления, глубокое знание военного искусства и страстность повествователей, строгость, убедительность архивных документов и эмоциональность документов человеческих — писем, дневников, воспоминаний участников войны не только во время победных боев, но и в период драматических, даже трагических событий.

Книга интересна для любого читателя. Ветеран-фронтовик снова переживет и увидит войну такой, какой видел своими глазами. Молодежь узнает то, что невозможно узнать из художественных произведений и кинофильмов о войне. Военный читатель, командиры и политработники найдут в ней непреходящий боевой опыт, солдаты — образец для подражания в выполнении своего воинского, патриотического и интернационального долга.

ШЕМЕЛИНКИ: ТР

Александр ПОПОВ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСКОЕ КРЕДО

Как выяснилось потом, этот трактор на стройке председатель приметил еще накануне. Приметил и сделал для себя зарубку. Утром следующего дня, переговорив с механизаторами двух бульдозеров С-100, спросил:

— До распутицы управитесь? Только честно.

— Вряд ли, вот если бы еще одну «сотку».

— Эх, если бы да кабы...— вздохнул Иванов,— придется ехать на поклон. Может, повезет? А?

Через полчаса мы ехали в поселок Барятино, на окраине которого строились очистные сооружения, где Иванов и высмотрел новый бульдозер.

В дороге выяснилось, что в дальних лугах хозяйства остается около двух десятков скирд сена. Стога огромные, по восемнадцать — двадцать тонн. Своя колхозная техника их не берет, а мощных С-100 на весь район раздва и обчелся. Те два, которые Иванову удалось выбить в ПМК-10, как стало ясно, не успевали до половодья перетащить все скирды к фермам. До зарезу нужна была третья «сотка». Иначе скот в конце весны мог остаться без корма.

Мы ехали по начинающей подтаивать дороге. Солнце припекало сквозь ветровое стекло. Тени, голубые мартовские тени, падали на еще искрящийся снег. Но с каждым днем воздух тяжелел и наполнялся влагой. Неуловимое напряжение установилось в природе, когда зима еще окончательно не обессилела, а весна не набрала в легкие воздуха, чтобы мощным выдохом зажечь снега.

Напряженным было и лицо Иванова. Мне показалось, что он собирается с силами, как солдат перед марш-броском.

— Мне кажется, сегодня выгорит,— ободряюще улыбнулся он, когда мы приехали на стройку.

Но с первых же попыток уговорить тракториста «помочь труженикам полей в выходные» стало ясно, что предчувствие — обманчивая вещь. «Черт, не тот тон взял!» — и председатель решил зайти с другой, апробированной стороны... На что последовал философический ответ: «Не в деньгах счастье».

Я знал, Иванов человек вспыльчивый, резкий, но здесь он проявил неожиданно завидное хладнокровие. «Так чего же нужно тебе, батя?» — мягко спросил он. «Отдохнуть,— так же невозмутимо ответил тракторист,— на то они и выходные». Но, встретившись глазами с Ивановым, неожиданно добавил: «Договаривайтесь с начальником. Скажут — поеду».

«Знаю я его начальника, где сядешь — там и слезешь»,— проговорил председатель, когда мы отправились разыскивать человека, который распоряжался бульдозером. На этот раз интуиция Иванова не подвела. Начальник ни в какую не соглашался отпустить трактор на субботу и воскресенье в колхоз. «Машина новая, не обкатанная, еще двигатель запорете...— заладил он на все уговоры Иванова,— знаю я ваши стожки,— скалы, а не скирды... Спохватились, когда пришла весна. Куда раньше смотрели?!» «Туда и смотрели,— начал закипать председатель,— всю зиму пороги у начальства обивал, ждал тракторов три месяца... Ну, выручи же, наконец! Может, и мы когда на что сгодимся». «Перестань, проку от вас с гулькин нос,— отмахнулся начальник.— А если угробите трактор, кто будет отвечать?» «Сам вместе с твоим трактористом за рычаги сяду, я же механик — ты знаешь, технику понимаю,— мертвой хваткой уцепился Иванов.— Так что, по рукам?» «Какой быстрый,— не сдавался начальник,— а если мне потом дадут по рукам?» «Обещаю, все будет в норме!» — прижал ладонь к сердцу Иванов...

Прочитав Иванову длинную нотацию, что обо всем надо заботиться заблаговременно, на что председатель согласно кивал головой, начальник сдался.

Мы ехали из райцентра в Шемелинки, центральную усадьбу колхоза имени Кирова, где работает председателем Владимир Данилович Иванов, по шоссе, не зная горя и печали. Именно горя и печали — каждый, кто хоть сколько-нибудь знаком с жизнью глубинки центральной России, знает, сколько (скажем помягче) неудобств вызывают нечерноземные дороги. Наша машина шла по хорошо укатанной гравийке ровно и без натуги. Когда миновали лесозащитную полосу у железной дороги, мне вспомнилось лето 1979-го. Тогда, в самый разгар июльской жары, мы долго пробивались на автобусе в хозяйство Иванова и вот здесь в низинке у этих кустов сели по самую ось. Сейчас, почти три года спустя, мы проехали злополучное место, не охнув, а тогда, ругаясь и проклиная коварные проселки, перемазавшись как болотные кикиморы, с трудом вытолкнули машину на сухое место.

Тогда Владимиру Даниловичу было тридцать два. К моменту нашего знакомства он отработал руководителем хозяйства чуть больше года, только начинал примеряться к председательской упряжке. Но как человек, поработавший уже и рядовым колхозником, и на руководящей должности — несколько лет был механиком, и просто как крестьянский сын хорошо знал и чувствовал, что нужно хозяйству.

«Строить надо больше,— убежденно считал молодой председатель,— всеми силами и всеми средствами: дома, дорогу, фермы, мастерские». Это убеждение стало председательским кредо Иванова.

И что же изменилось за три года в Шемелинках? А изменения, вот они... Прежде всего — дорога. Два года строил ее колхоз. «Она стоила мне полжизни»,— признается потом Иванов. Сами насыпали полотно, сами возили песок и гравий. Дорожники только ровняли да укатывали. На центральной усадьбе отстроилась новая улица: хозспособом поставили двенадцать домов. Возвели удобную для ремонта техники мастерскую. Появилась красивая столовая, новая контора, ферма на 150 голов, овчарня...

В волосах председателя брызнула ранняя обильная седина. Это отбеливали голову председательские заботы. Видимо, почувствовав мой пристальный взгляд, Иванов потянулся, нехотя отрываясь от своих размышлений.

— А день-то на диво сегодня,— зажмурился он от солнца.— Фортуна улыбается нам. Приедем в контору, закажу область, надо переговорить с калужскими строителями. Год начинаем без фондов, плиты есть, а вот с кирпичом худо... Напомню о себе, вдруг повезет, как и с трактором. Деньги-то нам отвели на строительство, а вот как их освоить?

Проблема эта для Иванова старая. Едва робко взялись за мастерок, как перед колхозом встали два вопроса: кто будет строить? И чем строить?

Но уже в 1980 году в хозяйстве понастроили на 230 тысяч рублей, хотя было отпущено на жилье и фермы 150 тысяч. Прошлым летом освоили 120 тысяч. В этом году Иванову отвели на строительство такую же сумму. Выходит, могут в этом хозяйстве распорядиться с толком средствами. Чего же тогда задаваться вопросом, как освоить деньги? Как строили, так и стройте. И вот здесь у Иванова невольно опускаются руки.

Он знает, что стены будут класть ловкие, бедовые ребята с Северного Кавказа. Штукатурить и возводить кровлю задумчивые бородачи из самых разных НИИ Москвы, Ленинграда, Калуги. Все те порядочные и хитрые, пробивные и рубахи-парни, которые с наступлением тепла, как весенние птицы, прилетают в отдаленные нечерноземные колхозы и совхозы, предлагая свои ловкие руки руководителям хозяйств, и которых давно уже коротко и емко окрестили шабашниками. Строят они быстро, и часто неплохо. Но, заметим, и получают немало.

До тридцати процентов от сметной стоимости обычно выплачивает им Иванов. Он понимает, это очень дорого для его хозяйства, но деваться некуда: своих людей нет, хотя еще двадцать пять лет назад из Шемелинок плотницкие бригады уезжали на сезон строить в целинные края. И ему приходится заключать с шабашниками договор. Так находятся те, кому строить.

Второй вопрос: чем строить — куда сложнее. Не ошибусь, если скажу, что история с трактором типична для председательской практики многих хозяйств центра России. Председатель зачастую как восточный бог о нескольких головах. Он не просто администратор, он еще экономист, идеолог, воспитатель, пропагандист и... нередко обыкновенный толкач-зазывала.

Своей специальной техники в колхозе нет, районная межколхозная строительная организация слаба. Сколько кабинетов обошел Иванов с протянутой рукой, чтобы выписать тот цемент и кирпич, который пошел на жилье. Но всем необходимым для масштабного строительства колхоз и наверху обеспечить не могут, чаще начальство разводит руками — «нету». Поэтому председателю приходится брать инициативу в свои руки и находить другие источники для пополнения фондов стройматериалами или чтобы разжиться техникой. И Иванов едет к знакомому председателю меняться излишками, в соседний район, где договаривается с местными строителями на взаимовыгодных условиях: они, например, машины и цемент, колхоз — песок и щебень из своего карьера. А можно положиться на вездесущих и оборотистых шабашников,— они-то достанут все из-под земли. Но с ними и до беды недалеко, возьмут то, что припасено не для них. Поэтому все приходится добывать самому, оборачиваться и серым волком и Иваном-царевичем. «Иначе пока не получается... Все приходится изыскивать с боем, пробивать, выколачивать... Слова-то какие тяжелые, разрушительные придумали — «пробивать»... Стена, что ли, какая стоит перед нами! Куда ни сунешься, везде рогатки да препоны. Кто их ставит?»

Такими словами закончил свой рассказ в машине Владимир Данилович Иванов. Мы подъехали к конторе, зашли в новый председательский кабинет. «Если уж строить, то строить прочно, красиво,— сказал Иванов, усаживаясь за стол.— Ага, свежая почта. Какие весточки пришли?» Он распечатал первый конверт сверху в стопке газет и писем. Внимательно дважды прочитал и протянул листы бумаги мне: «Взгляните, имеет прямое отношение к нашему давешнему разговору».

Это было письмо из кировского ДСУ-2 (дорожно-строительное управление из соседнего райцентра Кирова). Дорожники напоминали председателю, что в июле прошлого года ими заасфальтирована территория рядом с правлением колхоза и площадка на току для хранения и подработки зерна. Всего выполнено работ на 19 161 рубль. ДСУ требовательно извещало, что заработанные деньги колхоз до сих пор не перечислил на расчетный счет дорожников. «В случае непоступления от вас денег,— решительным тоном сообщалось в письме,— будем вынуждены обратиться в Госарбитраж для принудительного взыскания указанной суммы».

Я вернул письмо Иванову:

— Грозит долговая яма?

— Не до шуток сейчас,— пасмурно отозвался председатель.— Думаете, мы не пытались перечислить деньги в ДСУ... Но наш Барятинский банк не пропускает эту сумму в Киров. Мотивировка одна,— объекты внеплановые и работы выполнены не по проекту. Да, внеплановые! Да, не по проекту! — стукнул ребром ладони по столу Иванов.— Но ссыпать зерно в грязь — это каким-нибудь проектом предусмотрено? Ходить весну, лето, осень в резиновых сапогах — тоже в проекте записано? Нет таких проектов — планов и быть не может. Летом у меня подвернулась возможность положить асфальт у конторы и на току за несколько дней. Договорился с ДСУ: мы своей техникой завозили щебенку и песок, они укладывали асфальт и укатывали. Кинулись — своих машин нет: разгар сенокоса. Я к знакомому начальнику автоколонны, поладили на девяти «КамАЗах»... И все было сделано в три дня. Хорошее дело провернули: хлеб не будет теперь в жатву пропадать, и любо-дорого поглядеть, как уютно стало у конторы, в центре села. Весной там деревья посадим, совсем другой вид будет. Душа у людей сейчас красоты и порядка просит... Казалось бы, радоваться надо, а что получилось? Не можем рассчитаться с теми, кто нам доброе дело сделал. Теперь сунешься в ДСУ за помощью, и слушать не станут. Хватит, скажут, ученые, ищите дураков в другом месте, по судам с вами за свой рубль таскаться. Вот и обидно становится. Не строить сейчас — преступление. Начинаешь шевелиться, опять в прогаре остаешься. В банке на меня кричат: перерасход допустил! У нас баланс! Выходит, пусть лучше деньги остаются мертвым грузом лежать, что часто и бывает, лишь бы на бумаге все было гладко. Кому нужно это буквоедство? В жизни не

И ГОДА СПУСТЯ

все по ранжиру установишь.

— Но что бы там ни было, мы будем строить,— прикрыл ладонью письмо Иванов.— Удобным жильем, дорогами, хорошими условиями труда сможем мы привлечь сюда людей. Уже сейчас поехали бы в деревню. И к нам приезжали: только за последние три года тринадцать семей. Но приедут, посмотрят на наше запустение, жить негде, и ходу обратно. А нам много людей нужно. Хроническая нехватка механизаторов: на сорок один трактор — одиннадцать трактористов. Фермы пока еще держатся на женщинах предпенсионного и пенсионного возраста да на девочках-выпускницах, которые приходят к нам после школы на год поработать. Не хватает специалистов. Не от хорошей жизни мне приходится бегать везде самому — нет помощников. Сейчас по штату колхозу нужны: два механика, зоотехник, экономист, бухгалтеры. Не говоря уже о среднем звене, у нас нет ни одного бригадира со специальным средним образованием, бригадиром назначаем мало-мальски грамотного человека, только бы записывал, кто где работает. Бывает, что и наряды закрыть некому... По нашим землям, у колхоза пять тысяч гектаров угодий, нам нужно шестьсот работающих, а у нас на сегодня только сто трудоспособных. Так как же не строить! Ждать, пока наши последние жители уедут? Нет, этого не будет.

Проблемы...— задумался после всего сказанного Иванов,— их сейчас как никогда много. И это неизбежно — в деревне целая революция. Но посмотрите, что нас больше всего волнует. Улучшение производственной и социально-бытовой жизни на селе, увеличение продукции. Правильно, это главное для людей. Но не забываем ли мы за тоннами, центнерами, литрами, что существует еще вторая половина жизни человека — духовная? Меняется производство — созвучна изменениям и психология, душа крестьянина. А ведь в ней начало начал... Поскольку все определяется человеком. В том числе и производство и быт. Поэтому я сейчас думаю, что вслед за большими изменениями в производстве должен прийти на село и новый человек.

После этих неожиданных председательских слов вспомнилась встреча с Марией Ефимовной Шатовой. Необычным человеком мне показалась эта простая деревенская женщина...

КОМУ ЖИТЬ В ДЕРЕВНЕ!

У нее нет громкой славы передовика, героических поступков в биографии. Мария Ефимовна родилась и выросла в здешних краях. Рано осталась без родителей: мама умерла, отец без вести пропал на фронте. Воспитывалась у тетки. После семилетки пошла на ферму, где и работает вот уже более тридцати лет, до сих пор. В деревне Высокая Гора, где она сейчас живет, вышла замуж, родила четверых детей.

И возможно, не состоялось бы у нас откровенной обстоятельной беседы потом, если бы Мария Ефимовна не обронила во время общего разговора с доярками всего одну фразу. Но такую, которая сразу развернула тон наших коллективных рассуждений на сто восемьдесят градусов. Вот что сказала тогда она (цитирую без изменений): «Новыми семенами нужно засевать почву, обрабатывать и сорняки удалять». Произнесла эту фразу Мария Ефимовна к слову. Разговор у нас шел с доярками о том, кто заменит их, когда уйдут они на пенсию. Большинство работниц Высокогорской фермы предпенсионного возраста. «Выпускники придут»,— помню, сказал кто-то из доярок. Имелись в виду ребята местных средних школ, которые обычно всем классом остаются на год в родных местах: парни работают механизаторами, девушки — на фермах. «Выпускники ничего не решат,— заметили в ответ,— они чувствуют себя здесь временными и отрабатывают год в колхозе как трудовую повинность. Им ферму да и вообще жизнь в деревне не поднять». После этой реплики и вступила в разговор Мария Ефимовна Шатова.

Я попросил Марию Ефимовну пояснить свою мысль.

— Вот что я разумею,— ответила Мария Ефимовна,— сельской местности нужны не просто парни и девушки — механизаторы и доярки, а смелые активисты. Я наблюдала за девочками-выпускницами, которые работали у нас на ферме после школы, в этом году их оставили на центральной усадьбе, в Шемелинках... И вот какая закономерность заметна от выпуска к выпуску. Сначала они трудятся с большим рвением, сердце вкладывают в работу. Видела, как некоторые плачут, когда теленочек заболеет. А потом, когда глубже узнают нашу жизнь, начинают киснуть. Угасает азарт, появляется разочарование, стойкость пропадает. К концу года с нетерпением на календарь поглядывают, ждут, когда их сменит другой выпуск.

— А перед чем ребята опускают руки?

— Вот так одним словом и не скажешь. Можно, я буду говорить, как в жизни бывает? День получки мы обычно ждем со страхом. Тогда не удивляйся, если к ферме корма не завезут,— механизатор, который обязан это делать, загулял. А на следующий день не вышел на работу скотник — хлебнул вчера лишнего. Он может появиться под хмельком только на третий, четвертый день. Ферма утопает в навозе. Перегруженный транспортер мотор не тянет, тогда скотник начинает рвать его нараскачку... Перегорает мотор, летит транспортер. Девочки видят такую картину один раз, второй, третий... Потом начинают думать, что так будет постоянно. Как тут не скиснуть?! Или спешит куда-то другая доярка, все делает швырком-пырком, коров выдаивает кое-как, на скорую руку. Животное страдает, потом от него большого молока не жди. А какой это пример отношения к своим обязанностям для девчонок? Нередко видят они и другое, когда телятница, свинарка, скотник несут беззастенчиво и безнаказанно домой комбикорм. А парни, их сверстники, которые работают механизаторами, знают, кто ссыпал налево за литр бункер зерна, отвез домой мешок цемента. Часто такое случается на их глазах...

— А что сами-то ребята?

— Если уезжают потом, значит, закрывают на безобразия глаза. Хотя у некоторых и бывают сначала робкие попытки возражать, скажут как-то заученно на собрании: «имеются у нас еще отдельные недостатки», и все... А тут нужна борьба, чтобы выполоть с корнем сорняки пьянства, разгильдяйства, растаскивания колхозного имущества. Вот для этого и нужны сейчас деревне смелые активисты, которые не боялись бы идти на скандал, потерять славу «своего» человека, когда рядом нечестный на руку напарник по звену, пьяный на работе «кореш», который гробит казенную технику, безразличная к реву голодных телят соседка по улице...

— Но ведь таких ребят надо готовить. И как это делать?

— Не бояться говорить детям правду, что в жизни, к сожалению, немало зла. Учить дома честности, доброте и состраданию — самым великим качествам в человеке, которые должны устоять перед любыми искушениями. А в школе обучать не только задачи решать, а на конкретных жизненных примерах готовить к активной жизни... Почему не рассказывать ребятам, что еще пьют, крадут, творят беззаконие и что с этим им в будущем придется столкнуться? И спросить тут же: а как они поведут себя в ситуации, когда нужно будет или схватить воришку за руку, или для своего личного спокойствия, мол, меня это не касается, отвести глаза в сторону? Почему не доводят до ребят правду жизни? Ведь не на облаке живем... Или считают, что сами узнают все и разберутся? Но поздно уже бывает занимать твердую позицию, когда под руку нашептывают «битые жизнью» умники: «Не ввязывайся. Плетью обуха не перешибешь. Один в поле не воин». Вот об этом, мне кажется, нужно исподволь, толково рассуждать с ребятами, нашей сменой. Кому-то из них в деревне жить, не все в город уедут.

Сколько раз я вспоминал Марию Ефимовну на встрече с выпускниками Барятинской школы, которые снова всем классом решили остаться на год поработать в деревне! Перед ребятами выступала секретарь парторганизации колхоза имени Кирова Мария Ивановна Степыкина (сейчас она главный бухгалтер хозяйства), говорил Иванов, брала слово директор школы Анастасия Степановна Комкова. Были теплые слова, что «стало доброй традицией каждый год оставаться всем выпуском в родных колхозах и совхозах», что «село очень нуждается в кадрах и с нетерпением ждет молодые сильные рабочие руки» и что этот год «станет настоящей школой гражданской и социальной зрелости»... Правильные, верные слова — без сучка без задоринки. Но ребята молчали, словно в полуха прислушиваясь, сидя в теплой комнате, к монотонному шуму дождя за окном. Я подумал: «Вот если бы Марию Ефимовну Шатову сюда с ее словами: «Новыми семенами нужно засевать почву...» Встрепенулись бы эти парни и девушки? А если... Я вызвался выступить...

Сказать, что класс взорвался рукоплесканиями или что все наперебой заговорили, я не могу. Но девочки зашушукались, парни нахмурили брови. «У нас нет пьяниц и расхитителей народного имущества!» — остановил брожение голос учительницы. Мои соседи слева — два рослых десятиклассника, потупившись, улыбнулись. «Наши девочки и мальчики идут в село граждански зрелыми»,— поправила директор школы. Почему-то я почувствовал себя неловко в роли поучающего. Чтобы как-то разбить неловкую паузу, спросил у десятиклассников, кто решил остаться после года в деревне навсегда. Желающих, увы, не было... Потом вдруг неожиданно поднялась девушка. «Я бы осталась у себя дома, но страшно, что буду одна, без сверстников... Хотя кому-то обязательно начинать надо. Поэтому... может, и останусь... навсегда»,— сказала она. Я спросил ее имя. «Галина Шатова»,— представилась девушка. «Дочь Марии Ефимовны»,— шепнул Иванов...

Случайное совпадение? Нет, закономерное стечение обстоятельств.

Мне сразу вспомнились слова Галиной мамы, что кому-то из подрастающего поколения и в деревне жить, не все покинут родные гнезда. Справедливые слова — их подтверждает жизнь. Как бы ни была сложна и противоречива сейчас жизнь на селе, но в деревне остаются молодые ребята. Приведу такой пример. За последние три года на фермы района пришли двенадцать десятиклассниц. Пусть пока немного, но остаются парни механизаторами. Только в колхозе «Красное знамя» еще несколько лет назад было всего два тракториста, сейчас в хозяйстве на тракторах — восемнадцать комсомольцев. Многие учатся и возвращаются домой молодыми специалистами. Видимо, всех, кто остался, проблема выбора волновала так же глубоко, как Галю Шатову, и каждый из них не смог одним махом разорвать связь с деревней. Приносит свои результаты и большая работа по профориентации. Но просто остаться, этого сейчас мало. Важно еще стать активистами — людьми сильными духом, людьми чистой и беспокойной совести. Материнским сердцем, видимо, поняла это Мария Ефимовна Шатова...

Важно понять это нам всем.

* * *

Может показаться, что первая часть этого очерка противоречит второй. В самом деле: действия Иванова иногда расходятся с тем, к чему призывает Шатова. Да, Иванов бывает вынужден поступать не по прописной морали. Но ведь не прописную же мораль исповедует и Шатова! Действия председателя вызваны недостатками, еще бытующими в сельском хозяйстве. Но и Шатова борется — только другим путем — с теми же недостатками. И в этом их взаимное притяжение и взаимодополнение. Так чаще всего и бывает в практике. Но вот что, думается, главное — то, над чем рассуждает Иванов, что его беспокоит и тревожит, все это так или иначе обязана разрешить та активная молодая смена, которая должна прийти на село.

Барятинский район,
Калужская область.

Ю. Ф. ВЫШЕСЛАВЦЕВ, начальник ордена Ленина всесоюзного промышленного объединения «Оренбурггазпром», Герой Социалистического Труда, кандидат экономических наук

ГАЗ, ЧЕЛОВЕК, ПРИРОДА

— Как известно, десять лет назад газ Оренбургского месторождения впервые был поставлен на службу человеку. Ныне в Оренбурге один из самых мощных и четко работающих комплексов советской газовой индустрии. Расскажите, пожалуйста, коротко о достигнутом за это десятилетие.

— Оренбургские газовики при проектной мощности комплекса 45 миллиардов кубических метров газа в год выдали в прошлом году без малого 49 миллиардов. Замечу для масштаба — в 1960 году все месторождения страны давали газа столько же, сколько мы сегодня.

Наш газ питает, как известно, промышленные центры страны и поступает в страны социалистического содружества по трансконтинентальному газопроводу «Союз». Комплекс называется Оренбургским, но мы ведем строительство и эксплуатацию объектов, расположенных на территории Башкирской и Татарской АССР, Уральской области, Казахской ССР, вышли ныне в устье Волги. Капитальные вложения окупились полученной прибылью уже в 1980 году.

Таковы цифры. А за ними — напряженный творческий труд 20-тысячного коллектива, который в течение всей десятой пятилетки удерживал переходящее Красное знамя ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ и 30 кварталов подряд выходит победителем в социалистическом соревновании коллективов газовой индустрии страны.

Рассказ о сегодняшнем дне Оренбургского газохимического комплекса был бы неполным, если не остановиться на вопросах социального развития коллектива. Жилой фонд газовиков приближается к одному миллиону квадратных метров. У нас 26 детских яслей-садов. В общеобразовательных школах, построенных на средства газовиков, занимается ныне 7160 учащихся. Вступила в строй поликлиника на шестьсот посещений, наша медико-санитарная часть — крупнейшее медицинское учреждение областного центра.

В социальной программе коллектива на одиннадцатую пятилетку — развитие собственного производства овощей и продуктов животноводства. Сегодня у нас три подсобных хозяйства, на очереди создание четвертого, оказание помощи подшефным колхозам и совхозам, в частности прокладка газоотводов к сельским населенным пунктам, строительство 38 двухквартирных домов.

— Оренбургское газоконденсатное месторождение — специфическое. Каковы главные его компоненты, в какой степени и насколько рационально они используются?

— Одно небольшое уточнение. Нам, газовикам, привычнее называть такое месторождение не специфическим, а уникальным. Во-первых, оно уникально по составу газа. Во-вторых, по сложности геологического строения Оренбургское газоконденсатное месторождение не имеет себе аналогов в мире. Отдельные его участки, растянувшиеся в широтном направлении более чем на сто километров, по условиям залегания пластов резко отличаются друг от друга, что создает серьезные трудности в процессе их разбуривания и эксплуатации. Мы производим ежегодно, кроме товарного газа, более миллиона тонн серы, два миллиона тонн стабильного конденсата, сжиженные газы: гелий, этан. Причем себестоимость нашей серы в полтора-два раза ниже самородной. Особо остановлюсь на производстве солнечного газа—гелия.

Его называют еще газом будущего. Во все больших масштабах он необходим энергетике, для освоения Мирового океана и сварки особо ответственных конструкций. Для оренбургских газовиков гелий — плановая продукция первой очереди гелиевого завода. Две трети ее отмечены почетным пятиугольником. Пока что, однако, гелий мы выделяем из газа не полностью.

Дело в том, что последующие очереди завода строятся исключительно низкими темпами. Руководители строительных подразделений Минэнерго, расположенных в Оренбурге, не считают вопреки плану этот объект в числе важнейших. И это в то время, когда на строительной площадке завода скопилось на 28 миллионов рублей неустановленного оборудования и материалов.

В результате искусственно сдерживается рост выпуска гелия и производство нового вида продукции — этана, который ждут в Казани, на предприятии, возводимом совместными усилиями стран—членов СЭВ. Понимаете, что получается? Высококачественный этан на отечественном оборудовании мы научились получать, кадры подготовили, а промышленный выпуск развернуть не можем.

— В наше время вопросы экологии, охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов приобрели особую остроту. Как известно, осенью прошлого года в Софии проходила международная научно-техническая конференция стран—членов СЭВ по малоотходным и безотходным технологиям. Создан специальный совет для координации сотрудничества. В газодобывающей промышленности принцип безотходной технологии особенно важен. Даже в незначительных количествах отходы вступают в противоборство с природой, вместо пользы приносят вред человеку. Что делается для того, чтобы «джинн», выпущенный из недр земли, не стал «злым духом»?

— Читателей «Огонька» интересует, разумеется, что же сделано конкретно в этом направлении. Начнем хотя бы с того, что все оборудование, аппаратура и трубопроводы, эксплуатируемые у нас, изготовлены из специальных марок сталей, стойких к сероводородной коррозии. Надежно работает закрытая система сбора, транспорта и промысловой обработки газа и конденсата. Для хранения углеводородного конденсата созданы подземные хранилища. Сооружены полигоны по закачке трудноочищаемых промышленных стоков, большая часть стоков очищается и используется для орошения. Стала правилом рекультивация земель — уже возвращено хозяйствам области около 14 тысяч гектаров. Осуществлена автоматизация широкой — и постоянно растущей — сети средств контроля за технологией и состоянием окружающей среды.

Предмет нашей особой заботы — предотвращение загрязнения бассейна реки Урал. Здесь выполнен ряд оздоровительных мероприятий. В их числе — сокращение в 2—3 раза времени продувки скважин после капитального ремонта и кислотных обработок, установлены датчики загазованности с выводом сигналов на пульт диспетчера. Полностью устранен сброс промышленных стоков в бассейн реки Урал за счет внедрения замкнутой системы водосброса.

Словом, сделано немало. Только в минувшем году объем капитальных вложений на строительство природоохранных объектов составил без малого четыре миллиона рублей. Не дешевое это занятие — борьба с «джинном», как видите... Помогает нам и соревнование наших многочисленных коллективов за призы и премии журнала «Огонек». Ведь в условиях этого соревнования есть такой пункт: «Отсутствие нарушений режима работы и аварий...» А что это значит — «без нарушений и аварий»? Неукоснительное соблюдение охранных мер по отношению к окружающей среде всеми участками комплекса — при бурении, добыче, переработке и транспортировке газа.

— Вашему объединению поручено освоение Астраханского газоконденсатного месторождения, газ которого еще более агрессивен, чем оренбургский. Как решается эта задача?

— Осуществление Продовольственной программы, намеченной партией, выдвигает на первый план увеличение производства минеральных удобрений. Решению этих крупнейших проблем будет способствовать освоение Астраханского и Карачаганакского в Казахстане газоконденсатных месторождений. Эта задача доверена оренбургским газовикам. Итак, до конца 1984 года мы должны на Астраханском газовом комплексе ввести в эксплуатацию мощности по добыче и переработке трех миллиардов кубических метров газа, а в 1986 году удвоить их. Первая очередь завода будет давать стране, кроме очищенного газа, два миллиона тонн газовой серы, стабильный конденсат и сжиженный газ. Для этого необходимо пробурить два десятка скважин, обустроить промысел, построить газоперерабатывающий завод, автомобильные и железные дороги, причал и водозабор. Предстоит построить крупный жилой комплекс с инженерным обеспечением, предприятия социально-культурного назначения, создать подсобное хозяйство и многое, многое другое. Но дело не только в объеме работ. Огромные средства, отпущенные государством, предстоит освоить в короткие сроки, не имея фактически мощной строительной базы, налаженных транспортных связей, при значительной удаленности жилья от будущей промплощадки. Сроки строительства и освоения аналогичного комплекса в Оренбурге были более длительными, а условия работы менее сложными, чем сейчас в Астрахани.

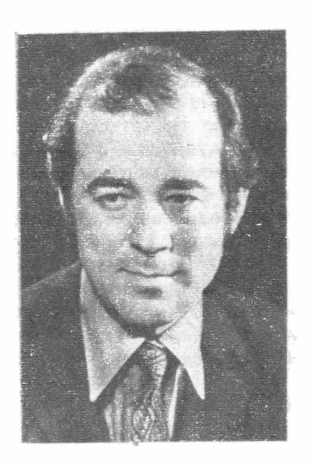
И с самых первых шагов в центре нашего внимания вопросы экологии. Волга—голубой большак России, наша национальная гордость. Уже сегодня, на начальном этапе, ученые, проектировщики, строители, монтажники, энергетики заняты разработкой и осуществлением природоохранных мероприятий. И все будет сделано для того, чтобы не было ни единого выброса в атмосферу.

Центральный Комитет ВЛКСМ объявил освоение Астраханского газоконденсатного месторождения Всесоюзной ударной комсомольской стройкой. Мы ждем на объекты комплекса молодых задорных парней и девчат, демобилизованных воинов. В соответствии с принятым постановлением за рабочими и специалистами, приехавшими осваивать Астраханское месторождение, по их прежнему месту жительства бронируется жилье на весь период работы на комплексе.

Большое дело начато. Будут приложены все усилия для того, чтобы в завершающем году одиннадцатой пятилетки страна получила астраханский газ, серу и конденсат.

Беседу вела Г. КУЛИКОВСКАЯ.

ОКРЫЛЕННАЯ ДРУЖБОЙ

Начало см. на стр. 1.

Виталий Коротич

Об этом не раз писали и говорили, об этом надо говорить и писать всегда. На опыте Советского Союза последних шести десятилетий можно выстроить последовательнейший урок для многих стран и народов. Исторический опыт Украины определил ее революционный выбор. Мы возникали исподволь, из Киевской Руси, из колыбели трех — русской, украинской, белорусской — братских культур. Все плохое, что происходило с моим народом впоследствии, означивалось стремлением врагов разорвать крепость выверенных исторических связей, загнать Украину в отъединенный угол и грабить; все славное, все надежнейшее — стремление друзей хранить союзы, беречь братство как залог общего могущества и расцвета. Сквозь ночи многих нашествий, сквозь костры великих боев мы пришли к своему советскому дому. И не случайно уроженцы Черниговщины Павел Дыбенко и Владимир Антонов-Овсеенко были среди организаторов штурма Зимнего дворца. Навсегда памятно нам ленинское внимание к судьбе украинского языка, культуры, долгие годы запрещенных в царской России, а затем влачивших жалкое существование. В год создания Советской страны Владимир Ильич говорил: «Наш опыт решения в течение пяти лет национального вопроса в государстве, содержащем в себе такое обилие национальностей, которое едва ли можно найти в других странах, всецело убеждает нас в том, что единственно правильным отношением к интересам наций в подобных случаях будет максимальное их удовлетворение и создание условий, которые исключают всякую возможность конфликтов на этой почве». Это было сказано твердо и реализовалось последовательно.

Так с чего же все-таки начать, рассказывая о братстве и нашей жизни по законам его?

Ну, можно с того, что до революции у нас было неграмотных куда больше, чем в любой из просвещенных стран континента. Перед революцией в Киеве было менее четырехсот инженеров и техников. Сейчас специалистов с высшим образованием у нас больше, чем в любой из европейских стран, и процесс этот устремлен в будущее: ныне у нас 170 студентов на 10 тысяч населения, больше, чем в Англии, Франции или Бельгии. У нас 80 профессиональных театров и около 30 тысяч любительских, 20 тысяч народных хоров. И здесь же упомянем, что за советское время объем промышленного производства в республике возрос почти в сто раз.

Мы стали счастливым, могучим народом, а расцвет народа, нации тем и велик, что творится он многими — с нами и для нас. Украиной в ее нынешнем облике гордятся сотни миллионов людей, потому что в нынешнем своем виде она создавалась и была защищена сообща. То, что производственная и духовная сферы нашего бытия сочетаются на столь высоком уровне, определено общей высотой советского бытия. Под любым достижением Советской Украины — усилия, самоотверженность, даже кровь многих народов. Наверное, раз я пишу статью о наших взаимосвязях, необходимы фамилии. С кого же начать? С полководцев и солдат гражданской, когда в одной шеренге, под одним знаменем сражались сыны Украины, России, Грузии, Латвии, Армении, Средней Азии? Недалеко от Каховки похоронены латышские стрелки, павшие в бою за свою и нашу свободу; Микола Бажан рассказывал мне об азиатском прищуре красноармейцев, проходивших сквозь родную его Умань на бой с Деникиным — за свою и нашу свободу. Или поведать о юном комбриге Василии Киквидзе — уроженце Кутаиси, чьи конники освобождали Киев? Или назвать имена творцов пятилеток, героев многонациональных отрядов строителей Днепрогэса и Харьковского тракторного? Но я ведь не знаю поименно и тех украинских крестьян, которые 60 лет назад собрали три миллиона пудов зерна в помощь голодающим крестьянам Поволжья. Как-то в итальянской крепости Санмарко я видел поименный список солдат батальона, взявшего в начале прошлого века твердыню. Тогда же и подумал, что выпустить бы у нас книгу с именами всех защитников Сталинграда или всех героев освобождения Украины (только при форсировании Днепра в минувшей войне Героями Советского Союза стали около двух с половиной тысяч воинов), которые спасли мне жизнь, радость, дом...

Вспомните, как Леонид Ильич Брежнев в «Воспоминаниях» рассказывает о памятнике рабочему-Прометею, высящемуся в Днепродзержинске. При всей обобщенности первых наших монументов они определялись духом времени, потому что были обращены сразу ко многим. Массовый героизм, из которого кристаллизовались души и поступки первых наших героев, через годы воплотился и непременно еще будет воплощаться уже в поименных памятниках. Сегодня в одном только Донбассе высятся бронзовые рабочие люди — Никита Изотов и Алексей Стаханов, Паша Ангелина и Иван Стрельченко... Тот самый рабочий, Прометей с днепродзержинского пьедестала-колонны, пришел в жизнь как хозяин. Мне не раз приходилось бывать на металлургических заводах Приднепровья, и главное воспоминание об этих поездках — ощущение человеческой надежности и государственности мышления рабочих людей.

Героев у нас, конечно, гораздо больше, чем памятников им. И герои эти многонациональны. Современная Украина ярка созвездием личностей, воспитанных Советской страной и выросших в ней. Качество их жизни определяется новым качеством их мышления, новой высотой контакта с эпохой, в которой мы — и творцы и хозяева. В «Целине» у Леонида Ильича Брежнева рассказано об одном из таких Прометеев, о Герое Советского Союза Данииле Нестеренко, который погиб, спасая технику в казахстанской степи. В палатке у Нестеренко остались саженцы вишен, которые он привез с Украины. Все это накрепко соединилось и соединяется воедино — целеустремленность подвига и красота жизни. У Максима Рыльского, одного из самых мудрых украинских поэтов советского времени, есть слова о единстве «роз и винограда — красивого и полезного», о том, что сосредоточенная целеустремленность в труде и красота должны быть неразделимы в народной жизни. Как неразделимы они у нас сегодня.

Интернационализм спасителен и всемогущ. Я уже говорил, что технический и культурный расцвет Украины по смыслу своему представляется мне удивительно близким. Мы овладевали мощью и богатством своей земли одновременно с тем, что осознавали себя владельцами ее духовных сокровищ. То, что в годы последних пятилеток Украина производила основное в стране количество угля, сахара, стали (только ли их?), и то, что за это же время в республике двадцать актеров стали народными артистами СССР, а пять художников — народными художниками СССР, характеризует само качество нашей жизни, все проявления которой формируются на одном грунте и скрепляются в одном сплаве. И когда заходит речь о дружбе народов, я не знаю, с чего начинать. Может быть, с того, что мы чужды самолюбования — как любой человек, занятый своим делом. Великое чувство дружбы и взаимопомощи давно уже перестало быть темой исключительно для восторженных ахов даже у плохих журналистов,— мы понимаем, что труд для общего дела — это лучший способ укрепления сообщества. Как недавно говорил член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Украины Владимир Васильевич Щербицкий, «...все мы должны действовать и действовать активно, целеустремленно, с надлежащим напряжением. Там, где надо, удвоить, утроить, как призывал Леонид Ильич Брежнев, свои усилия».

Нам никогда не было легко и просто — тем более научились мы ценить все достигнутое. Минувшие шесть десятилетий были полны такими сложными стройками и трудностями возрождений, так нелегко добытыми победами, что только упоминание о пяти миллионах жителей Украины, павших в минувшей войне, о 714 разрушенных городах и шестнадцати тысячах погибших заводов и фабрик республики должно доказательно продемонстрировать кому угодно цену завоеванного нами мира и цену пепла, из которого мы восстали. Наше стремление к миру всенародно, всесоюзно, и Украина искренне и естественно борется за возможность трудиться и радоваться в мирные времена. Для себя и для всех борется...

Гонорары от издания многих книг полностью передаются в Фонд мира. На заводах работают в Фонд мира, зачисляя в состав бригад героев, павших в Великой Отечественной войне, проводя Вахты памяти. Последние две Ленинские премии, полученные в республике поэтом Миколой Бажаном и певцом Анатолием Соловьяненко, лауреаты передали в Фонд мира. Председатель республиканского Комитета защиты мира, один из самых ярких наших интеллигентов, писатель Олесь Гончар, ведет отсчет собственных усилий в борьбе за мир с тех времен, когда душа его формировалась в огне Великой Отечественной. Возвратившись с поля битвы с честным грузом солдатских медалей на гимнастерке (среди них — две «За отвагу»!) он принес в ранце маршальский жезл своего романа «Знаменосцы» и посвятил жизнь битве за мир — самому великому и гуманному из возможных сражений.

...О чем вам рассказать еще? О том, как из далекой Кустанайской области Казахстана в самом конце войны, в канун мира, почти сквозь четыре тысячи километров перегоняли к нам огромные стада коров — к нам, на Украину, еще не отдышавшуюся от битвы. Это могло бы стать основой для великих произведений искусства — история того, как многотысячные коровьи стада с самоотверженными пастухами-ветеранами шли через всю страну,— знаком мира и братской щедрости, невиданных отношений людей в социалистической стране. И если я здесь же скажу, что украинские комбайнеры вот уже много лет выезжают на целину, помогая собирать тамошние урожаи, что удивительного для вас будет в этом? Мы очень мощная, богатая и высококультурная республика — на свете немного стран со столь высоким промышленным и культурным потенциалом. Но я все пробую рассказывать о том, как любой из мускулов наших наращивался сообща, любой из наших шрамов залечивался в великом всесоюзном сообществе.

Мы привыкли к хорошему, и мы заслужили такую жизнь. Ощущение себя, ощущение своей жизни в братском кругу, ощущение взаимосвязи и плеча брата — примеры можно множить и множить. Ну, как бы я решился похвастаться перед вами любым из наших производственных достижений, выделяя его в отдельную графу, только в украинское завоевание, если из 6200 главных промышленных предприятий, восстанавливавшихся в стране после войны, 4100 всенародно строились на Украине? Всей страной строились. За первые три послевоенных года мы получили из России и других союзных республик 45 тысяч комплектов промышленного оборудования.

Разговаривая сейчас с читателями «Огонька», я — один из тех, кто родился и всю жизнь прожил на Украине,— искренне говорю: мы с вами соединены общим действием и надежным знанием друг друга. А что касается цифр, то при всей своей кажущейся абстрактности они порой несут в себе огромный заряд информации. Невозможно представить себе то, что с нами происходило, вне всего комплекса жизни человечества и нашей Советской страны; невозможно представить нас вне революции, в которую мы вросли шестьдесят пять лет назад и которая стала общей для всех советских народов, да и для всех трудящихся на планете. То, что УССР явилась одной из основательниц Организации Объединенных Наций, тоже логично, потому что украинский опыт, бесспорно, важен для всего человечества: мы его осмыслили и умеем отстаивать.

В прошлом году в составе нашей делегации на очередной сессии ООН был писатель Юрий Мейгеш из закарпатского города Мукачево. Он приехал в Нью-Йорк из тех мест, которые недавно еще были известны в мире как зона голода и нищеты (в украинской литературе одни из самых горьких, самых печальных страниц написаны писателями старого Закарпатья), откуда недавно еще на атлантическое побережье Америки попадали лишь обнищавшие хлеборобы и лесорубы, пересекшие океан в поисках куска хлеба. Перемены, случившиеся в народной жизни за шесть последних десятилетий — а в западных областях за тричетыре,— поразительны.

Мы стали больше, потому что у нас стало больше друзей.

Ощущение огромности Украины — а оно непременно должно быть и у вас — это не география, вернее, не только она. Республика простерлась на 900 километров с юга на север и на 1300 — с востока на запад. Но пределы ее куда более широки. В начале этого лета мне довелось быть в Закарпатье, на самом западном из рубежей Советской страны, и я рассказал там, как недавно был на рубеже самом восточном — во владивостокском порту — и встретил там молодого бригадира грузчиков по фамилии Чобей. Родом со станции Чоп, где его родственники и сегодня работают машинистами, один из лучших бригадиров дальневосточных докеров, Николай Чобей не видит в своей судьбе ничего необычного. Он стал знаменитым портовиком, депутатом, награжден за мирный труд по восстановлению Вьетнама, поплавал по океанам на кораблях самого разного назначения, и мир его просторен, гораздо просторнее, чем у представителей предшествующих поколений его рода. Пожалуй, это можно бы назвать и важнейшим жизненным уроком — не только для одного человека, но и для всего народа, уроком истории.

Если прослеживать все многообразие связей Украины, то в их распространенности и крепости немало от глубинного опыта великой славянской нации, честно завоевавшей и берегущей свой интернационализм. То, что именно Советская Украина выступила в числе инициаторов создания СССР, было очень естественно и выразило во всем ее историческом опыте, противостоящем разъединенности, изоляции, стравливанию народов. Мы очень изменились за шесть прошедших десятилетий. Мы изменились к лучшему.

В год юбилея вы прочтете много статей наших государственных мужей, партийных работников, хозяйственников и ученых, вы услышите о новых самолетах, кибернетических устройствах и хирургических операциях, которыми славится Украина. Но как самолет взлетает и летит, покуда его крылья крепки, а моторы работают, так и любой из живущих на Украине понимает свою силу как часть нашей общесоветской силы, а крылья наши — одни на всех, в общем небе, над единственным нашим миром.

СТИХИ

Микола
БАЖАН

ПРОЛОГ К ВОСПОМИНАНИЯМ

На дне моих годов, как
в онемевшем кратере,
бушует пепел, воет тишина.
Я вспоминаю снова руки матери.
Она живет. Во мне живет она...
Все кажется: едва покой нарушу,
мысль напрягу — и, обретая плоть,
воспоминанья властно ступят
в душу,
чтобы забвенья тлен перебороть.
Все кажется: едва свернуть
нежданно,
пройти два шага торною тропой,
как выплывет из тонкого тумана
такой знакомый век пережитой.
Все кажется: едва напропалую
подняться по ступеням тишины,—
душа коснется порванной струны
и вновь услышит музыку былую.
О, горький запах трав, пчелиный
гуд
и тонкой мглы серебряная пена,
овитый зеленью, в истоме затхлой,
пруд,
и всхлип весла, и сладкий плач
Шопена!
Войти в минувшее и заблудиться
в нем,
в наполненной органным гулом
чаще,
перебирая в памяти неспящей
дорог соцветья, сомкнутые сном.
Тяжелый труд рожденья,
обновленья,
восстановленья призабытых
слов,—
и вдруг тебя пронижет свет
виденья
твоих былых и будущих основ.
Отбушевавший шторм клавиатуры,
над мостовой — тачанки острый
стук,
обложка первой ленинской
брошюры,
что взял, как хлеб, из материнских
рук.
Ты никакой ценою не оплатишь
синь этих жилок выцветшей руки,
и ловишь ее слабый пульс,
и плачешь,
как плачут ночью только старики.

Борис
ОЛЕЙНИК

ЛАДОНЬ

Было — вспоминается...
Да минули сроки.
И сентябрь вливается
в октября затоки.
Осень моя,
веслами
весело греби,
ждут лукошка
рослые
росные грибы.
Правь скорее к берегу —
полетел по свету
из пролива Беринга
леденящий ветер.
Укрывайся в яблоко,
в ядра слив тугих,
забирайся в ямбы,
а хочешь — в белый стих.
А засвищет режуще
вьюга распроклятая,
попросись в убежище
под ладонь оратая,
где меж линий светятся
звезды вечных дат,
где двенадцать месяцев,
как младенцы, спят...

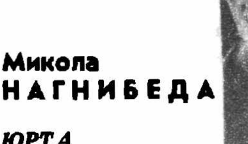

Лина
КОСТЕНКО

* * *

Я вырастала в Киевской Венеции.
Цвели у нас под окнами акации.
А паводок вздымался по инерции
и напрочь заливал коммуникации.
Качались и причалы и привозы,
киоски, как киоты, серебрились.
Широким половодьем чернолозы
под небом в серебристый пух
укрылись.
О, как нам было ветрено и весело!
На чердаках мы жили и террасах.
А синь махала крыльями
и веслами.
Жевали козы сено на баркасах.
Когда в челнах залитыми
кварталами
под вечер возвращались мы
из школы,
звенели смехом, солнцем
и гитарами
балкончиков причаленных
гондолы.
И слушал месяц золотистым ухом
ночные были про князей и ханов.
И проплывал рыбак столетний
Трухан.
Труханов остров... остров
Тугорханов...
А после бомбы дверь сорвали
с петель!
Обугленных ступеней шли
трапеции...
А после половодье смыло пепел
моей дощатой, вербовой
Венеции.

Перевел Ю. МЕЗЕНКО.

Микола
НАГНИБЕДА

ЮРТА

Где странствуешь теперь, скажи
мне, юрта,
Что на лугах высоких Ала-Тау,

УКРАИНСКИХ ПОЭТОВ

На тех паласах, что тысячелетья
Без устали все ткали, ткали горы,
Как бы в искусстве состязаясь
с небесами,
Что звездами расшили свой шатер,
Приветила сердечно так меня
И новый мир открыла, не тая.
А где хозяин твой — властитель
табунов
Коней, как ветер, вольных,
огнеоких,
А все-таки покорных его силе,
Сказать вернее — щедрой
доброте,
Где он теперь —
казак широкоплечий,
Мудрец, в движениях неспешный,
но способный
Коней, зверьем испуганных,
догнать
И повернуть их бег безумный
вспять?
А где хозяйка черноокая твоя,
Дитя степей горячих,
беспредельных?
Сюда, за тучи, вознесла ее
любовь,
На буйнотравье, на ковры
тюльпанов,
Которые она повышивала
На кофтах, белоснежных
полотенцах,—
А все ж печаль ее ручьи несут
В долину, в степь, где сестры все
живут.
Еще скажи, гостит ли Санюке
В июле знойном под твоею сенью?
Созрела, видно, красота ее
девичья,
Что с детства скалы дикие
пленяла,
Во всех озерах горных отражаясь,
Как и в душе моей когда-то,
изумленной...
Благословенны вы, отец и мать,
И те пути, что ей одолевать!
Где ты, поведай, дружеская юрта?
О, ты меня навеки одарила
Своих хозяев добротой сердечной,
И высоту открыла Ала-Тау,
И радугу всех-всех цветов
на свете,
И все оттенки щедрости
людской,—
Всю жизнь сиять мне будет этот
свет...
Прими же, странница, сердечный
мой привет.

Платон
ВОРОНЬКО

НОСТАЛЬГИЯ

Старушка гуцулка рушник свой
полощет в реке
Святого Лаврентия. Капля горит
на щеке
Холодным лучом заходящего,
низкого солнца.
Горянская хата в четыре незрячих
оконца
На том рушнике и сосна... Голубая
скала,
Кипение Прута в межгорье,
где сивая мгла.
Ключом журавли пролетают
на том рушнике —
И видят их старые очи в родном
далеке,
И старые руки дрожат... Журавли
оживают
И в небо вечернее с ткани льняной
отлетают,
На крылья берут и несут,
как ребенка, в Карпаты,
На синие скалы уносят, до дому,
до хаты,
Спешит она к речке — рушник
полоскать у воды,
И падают капли, мережат былые
следы,
Одна по щеке потекла —
из родимого Прута...
Взяла на язык, а та капля посолена
круто.

Степан
ЛИТВИН

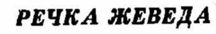
ПОБРАТИМЫ

Как они встречались — тучи
исчезали,
А как песни пели — птицы
умолкали.
Тот со Стугны, этот с Ладоги
Песню дружбы, песню ладную,
Словно во поле два колоса,
Заводили на два голоса,
Удивляли,
Чаровали.
Все делили они, их дорога едина:
И тебе половина, и мне половина.
Все: и детскую радость, и гнев
благородный,
И горбушку в окопе, и подвиг
народный.
«Почему, Андрей, над Ладогой
Украинской мовы ласковой
Звуки так напевно стелются?
И давно ль там песни селятся?»
«Издавна, говорят...»
«Славно, брат!»
А над ними зарницы сверкали
ночами,
И про судьбы планеты они
не молчали,
Про неправду и зло и про
тяжкие доли —
И сердца их взрывались, сгорали
от боли.
Рвался голос прощально, а боль —
все острее:
Побратим горевал над могилой
Андрея.
Закипала слеза, тяжко падая,
чтобы
Замерзать на холодной
поверхности гроба.
Но слова огневые — они
замерзали?!
О, как много, поэты, вы нам
не сказали!
Со Славуты льются, с Ладоги
Волны дружбы, песни ладные,
Песни молодости — строфами
И Малышко и Прокофьева.
Нам — на верность,
Им — на вечность.

Олекса
ЮЩЕНКО

РЕЧКА ЖЕВЕДА

Жеведа протекает на границе трех республик: за Сеньковкой, возле Жеведы, возвышается монумент Дружбы.

Тихо льется-вьется Жеведа,
И живая в ней течет вода.
Три границы сходятся на ней.
Ну, а люди дружат с давних дней.
Из Васильевки «Лявониха» звенит,
Из Юркевичей — «Комаринский»
в зенит,
А в Сеньковке лихо пляшут
«Гопака»—
Ох и славная ты, Жеведа-река!
Синей лентой вьется среди жит
Жеведа, без устали бежит,
По лугам зеленым, по лесам,
Побывать спешит и там и сям.
Запах трав доносит ветерок,
Собрались цветы у трех дорог:
Чернобривцы, мальвы, васильки
Хороводы водят у реки,
Рута, мята и любисток есть —
Как имен людских, цветов не
счесть.
А над речкою поднялся знак,
Дружбы трех сестер-республик
знак,
А над знаком — знамя, словно
мак.
Там журчит-играет Жеведа,
Там свобода юная всегда.
Речка-украинка там бежит,
Речка-россиянка там журчит,
Речка-белоруска там звенит,
Вдаль спешит, светла и хороша,—
Триедина у нее душа.

Перевел **Е. КРИЖЕВИЧ.**

Борислав
СТЕПАНЮК

* * *

Немало мы пережили с тобой,
Разлука мост разводит над
теченьем,
Каким еще грозит она мученьем?..
За серою туманной пеленой,
Как за стеной,—мое сердцебиенье.

Нас разделяют горы и ветра,
Которые и в полночь не стихают,
А поезд мой на стыках
громыхает...
Пусть мрак сгустила поздняя
пора,
Но за окном глаза твои светают.
А я как будто распростерт лежу
На гулком неостывшем поле боя,
Израненный, прощаюсь я с тобою,
Упав на кровью взятую межу,
Как пращур-воин над Каял-рекою.
Но лишь коснулась ты своей
рукой,
Очнулся я под громом канонады.
О Ярославна! Через все преграды
Явился предо мною образ твой —
И на ноги я встал под
Ленинградом.
Из века в век — одни бои, бои!..
Хотя давно простились мы
с войною,
И поезд мчит дорогой ветровою,
Твои глаза, слезинки две твои —
За сотни верст, а словно предо
мною.

Перевел **А. ЧЕРНОВ.**

Павло
МОВЧАН

* * *

На вечер, на холмы, на белый
свет
открытый взор летит легко и
прямо:
какая даль — идти по склону лет
и небо на плечах нести упрямо.
Луна — как сена чистого стожок,
такого серебристого —
потрогай!—
течет сквозь пальцы лунный
порошок,
клубится над мерцающей дорогой.
Все дальше горизонт мой, а
за ним —
широкий дол горит в июньском
цвете,
и много новых лет и новых зим
кукушка обещает на рассвете.
И солнце неизбежное опять
спасает зелень от ночного
тленья...
Чтоб мне хоть листик завтрашний
сорвать,—
остановись, грядущее мгновенье!
Когда ж, перенасыщен через
край,
остановлюсь и развяжу ботинки,—
зеленая пружиночка травинки
толкнет меня:— Ну что же ты?
Шагай!

Перевел **В. ПУЧКОВ.**

Николай
КАРПЕНКО

* * *

Уж тяжесть лет ложится мне
на плечи,
Уж полдень мой, как друг, со мной
на «ты».
Все чаще повторяю я под вечер:
Да, жизнь прожить — не поле
перейти.
А юность, хоть она за далью
росной,
Былой войны прокатит колесо:
И поле, друг мой, перейти
не просто,
Когда оно пристреленное все...

Перевел **Б. ПРИМЕРОВ.**

С. КАЛИНИЧЕВ,
фото Н. КОЗЛОВСКОГО

ГОРОД ДЛЯ ЛЮДЕЙ

Днепродзержинск. Обычный город — таких в стране немало.

Днепродзержинск — известный город! И в этом он не одинок...

Мы привычно говорим: город-труженик. И видим за этим определением заводы и фабрики, коллективы которых несут сейчас почетную трудовую вахту в честь славного 60-летия.

Но ведь и у труженика есть свободное время!

Мы и рассказываем о том, как и где отдыхает город, как набирается сил, бодрости, энергии, здоровья... В этом тоже ярко видны наши достижения и постоянная направленность политики партии и многонационального Советского государства: «Все во имя человека, все для блага человека!»

У проходной их поджидает специальный автобус. На следующий день этот же автобус отвезет на завод. И так — три с половиной недели, не прерывая работы. Человек здесь хорошо отдыхает, проходит полный курс необходимого лечения, а в свободное время может загорать и купаться, искать грибы, удить рыбу или ходить на лыжах, если попал сюда зимой. По вечерам — кино или развлекательная программа в концертном зале.

В течение года здесь таким образом отдыхают и лечатся (сохраняя при этом свой законный отпуск) около трех тысяч человек. Согласитесь, что для одного предприятия эта цифра внушительна.

...Наша обратная дорога из профилактория бежала вдоль соснового бора. Кстати, этот лес был высажен здесь, на сыпучих прибрежных песках, около двадцати лет назад по инициативе городских властей — уже тогда тут предусматривалась большая зона отдыха. Сейчас на въездах в лес стоят щиты с названиями баз отдыха, пансионатов, спортивных лагерей. У одного из них мы свернули и вскоре оказались в сосновом лесу, где до самого берега рассыпаны дачные домики. Оставив машину на стоянке возле красивого здания столовой, мы зашли в один из таких домиков и там познакомились с Николаем Гавриловичем Ермаковым. Нам сказали, что он смотритель базы отдыха «Нептун», принадлежащей Приднепровскому химзаводу. Николай Гаврилович внес поправку:

собирается защищать докторскую...

Цех, которым Сичевой руководит, построен недавно. Здесь впервые в мировой практике осуществлены блестящие технические новшества, соавтором которых является и Анатолий Петрович. Размещен этот цех так далеко, что мы на автомобиле полчаса пробирались по территории «Дзержинки», объехали вагоностроительный завод имени газеты «Правда», вклинившийся в территорию металлургического, пока не достигли корпусов, за которыми начиналась степь.

— Трудно было подбирать коллектив,— вспоминает Анатолий Петрович о днях становления цеха.— Кто пойдет сюда, к черту на кулички, если точно такая же работа есть и в других, ближе к городу цехах! Тогда я понял...— И тут он высказал мысль, которая запомнилась особенно: — Если рабочий после смены будет сломя голову бежать к автобусу, если у него не появится желание задержаться тут хотя бы ненадолго — коллектива, дружной команды мы не создадим.

Сейчас из этого цеха действительно не хочется уходить. Сверкающие кафелем душевые превращены в своего рода купальный салон: тут и парилка, и сауна с бассейном, и самовар с горячим чаем, резные двери и кованые светильники. Все это переоборудовано собственными руками: нашлись свои чеканщики и кузнецы, резчики по дереву и художники. С не меньшим вкусом оформлены столовая и книжный магазин (даже он имеется тут).

Есть в цехе и медсанчасть, и техническая библиотека, и цветочная оранжерея. Активно работают несколько спортивных секций, а на Днепре — турбаза «Мрія», в переводе с украинского «Мечта».

Конечно, в создании всего этого комплекса — большие усилия профсоюза, партийной и комсомольской организаций. А душой дела был начальник цеха. Он и предложил лозунг, что на огромном полотнище красуется в главном пролете: «Создадим цех высокой культуры труда, быта и человеческих отношений!»

Сам Анатолий Петрович Сичевой — активный деятель клуба охотников и рыболовов. Да, есть тут и такой клуб. Он занимает две комнаты в главном корпусе.

Оленьи рога на стенах, чучела животных, дубовые столы, вместо занавесей рыбацкие сети, а деревянное колесо от чумацкого воза ловко приспособлено под люстру. Есть у клуба свои довольно обширные охотничьи угодья по речке Орели. Каждый из сорока членов клуба активно причастен к его заботам — патрулирование для борьбы с браконьерами, заготовка сена, желудей, устройство кормушек для зверей, искусственных гнездовий...

Да и территория цеха превращена в живописный уголок природы. В обнимку стоят березы и каштаны, в небольшом пруду нежатся ленивые карпы, а воздух наполнен запахами не горячей окалины, но пышно цветущих роз. Для рабочих горячего цеха это не только элемент производственной эстетики, но и средство психологической разрядки.

Я не касаюсь дел чисто производственных. Скажу только, что этот цех выпускает по самой передовой технологии 80 процентов осей ко всем железнодорожным вагонам, которые изготавливаются в Советском Союзе.

На металлургическом заводе имени Ф. Дзержинского цех — один из лучших. Однако нечто подобное можно было бы рассказать и о других подразделениях предприятия. Славные заводские традиции во многом определяют уровень человеческих отношений, сложившихся в этом рабочем городе. И хоть в советские годы рядом выросли новые индустриальные гиганты, душой города остается «Дзержинка». Это понятно: здесь на заре века вожаками рабочих были революционеры ленинской гвардии И. В. Бабушкин, Г. И. Петровский, С. И. Гопнер. В 1905 году тут был создан один из первых на Украине Совет рабочих депутатов. В советское время здесь вырос и возмужал талант инженера и партийного руководителя Леонида Ильича Брежнева. А в послевоенные годы секретарем парткома «Дзержинки» работал Владимир Васильевич Щербицкий.

Город бережно хранит и развивает традиции «Дзержинки». В его микрорайонах, кварталах активно действуют депутатские группы, общественные советы, женские клубы. Тут, как говорится, всем миром заботятся о том, чтобы возле дома были и детская пло-

Поезд проплывал меж белых облаков цветущей акации — ее посадки вдоль полотна тянутся на десятки километров. Одноэтажные окраины города, растянувшиеся по высоким приднепровским холмам правого берега, утонули в садах, а дворы многоэтажной застройки в центре похожи на тенистые парки. В них под окнами, под увитыми плющом и виноградом балконами цветут жасмин и чайные розы.

А с берегов близкого моря доносится аромат изнывающего под солнцем соснового бора. Здесь, на берегу Днепродзержинского водохранилища, недавно построили профилакторий производственного объединения «Азот». Уютные жилые комнаты, столовая, киноконцертный зал, зимний плавательный бассейн. Распахнутые два крыла огромного здания выходят окнами с одной стороны на песчаный пляж, а с другой — в сосновый бор. Не менее внушительно выглядит и лечебный комплекс. Лечатся здесь люди практически здоровые, у которых до больничного листа дело еще не дошло. Слесарь или аппаратчица, начальник смены или оператор после работы едут сюда, чтобы улучшилось самочувствие.

— Вся база большая, не одна сотня домиков. А на моем попечении только те, что принадлежат ремонтно-механическому цеху.

Тут хозяин — цеховой комитет профсоюза. Он продает путевки (каждая стоит рубль двадцать копеек) своим рабочим, и в пятницу они, некоторые и с семьями, приезжают сюда. Получают постельное белье, спортивный инвентарь, лодки. В столовой им обеспечено трехразовое питание. А в воскресные вечера база пустеет. Но не совсем. Некоторые проводят здесь и свой отпуск. В будни они пользуются всем необходимым бесплатно. Правда, пищу готовят себе сами. К их услугам большие электроплиты, холодильники.

Каждый цех имеет несколько десятков дачных домиков.

— Но это не единственная база отдыха нашего химзавода,— уточнил Николай Гаврилович.— Кроме «Нептуна», есть еще «Ландыш» и «Чайка».

На знаменитой «Дзержинке» я познакомился с начальником осепрокатного цеха Анатолием Петровичем Сичевым, человеком, щедро наделенным чувством юмора, талантливым прокатчиком, начинавшим свой путь рядовым рабочим. Сейчас он кандидат наук,

Бригада коммунистического труда Н. П. Логвиненко строит кислородно-конвертерный комплекс Днепровского металлургического завода имени Ф. Э. Дзержинского * Монтаж главного корпуса кислородно-конвертерного комплекса.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Своеобразным символом Днепродзержинска стал обелиск, увенчанный фигурой Прометея * Участники народного ансамбля «Днепр».

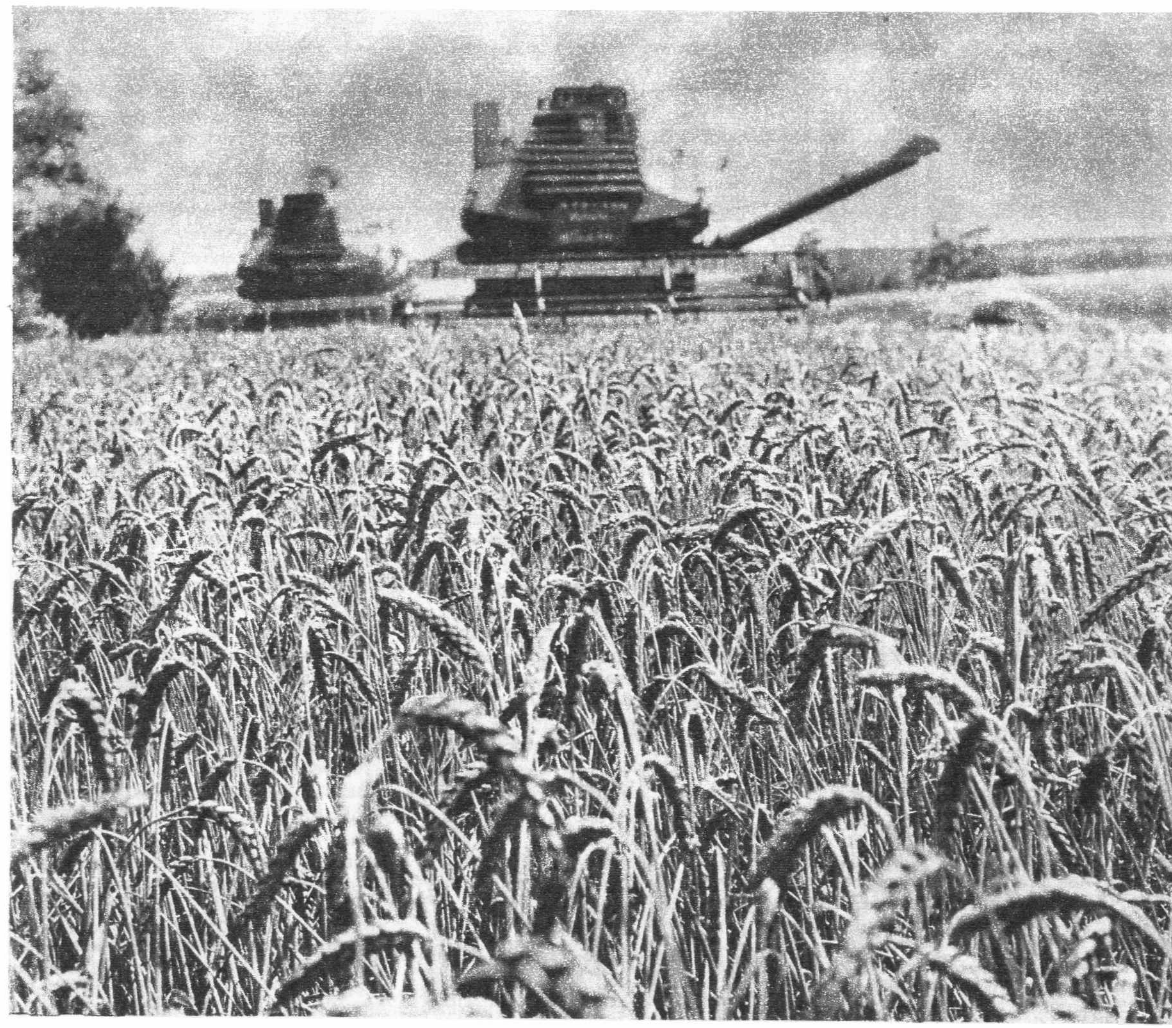

щадка и «лягушатник» — бассейн для малышей и чтоб дворы утопали в зелени, чтоб и пионер и пенсионер воспринимали двор, улицу, город как продолжение своей квартиры, своего родного дома.

Мы видели дворцы культуры и стадионы, плавательные бассейны и теннисные корты, коллективные сады и учебно-производственные комбинаты Днепродзержинска, где все без исключения школьники обучаются рабочим профессиям... Хотелось бы упомянуть и о яхт-клубе, о любительской киностудии, литературной студии, народных коллективах художественной самодеятельности, о большой работе, которую ведут ветераны труда и старые большевики.

В одном микрорайоне мы заглянули в шахматный клуб, занимающий почти весь цокольный этаж большого дома. Нас встретил старший педагог-организатор жэка Леонид Алексеевич Мошняга. Он рассказал, что в клубе занимаются 86 человек, что спортивные детские группы тут работают с 14 до 18 часов, а вечером играют все желающие. В городе несколько таких клубов...

— Наш клуб,— говорит Леонид Алексеевич,— входит в комплекс микрорайона. Вот напротив — школа, рядом — детский комбинат, во дворах ближайших домов — спортивные площадки, есть детский городок отдыха, детские клубы «Юный техник», «Золотая ракетка», «Зеленый патруль», интернациональный клуб. Все это рядом.

Уборка на полях Украины.

Само собою понятно, что если на местах активно действует общественность, то городскому комитету партии и горисполкому легче сосредоточиться на решении более масштабных задач. Скажем, тут уже нет очереди на устройство детей в ясли и садики, больше десятка технических училищ готовят рабочих по всем специальностям, которые нужны городу,— от сталеваров и химиков до строителей, хлебопеков, сантехников.

Целенаправленно ведется работа по сохранению окружающей среды. Для города, сердцем которого является металлургический гигант с его поднебесными свечами-трубами, для города с несколькими химическими великанами и аглофабрикой такая задача особенно важна. Но вот уже «ушел с Днепра», как тут говорят, Приднепровский химзавод, теперь здесь налажен замкнутый цикл водоснабжения и очистки. Аналогичная же цель поставлена и перед другими предприятиями. А как оценить такую работу, как перевод всего городского хозяйства на централизованное теплоснабжение? За последние годы ликвидировано около пятисот мелких котельных. Их осталось всего пять или шесть, но и они вскоре будут погашены.

Своеобразно и смело решается в Днепродзержинске жилищная проблема. В шестидесятых годах обсуждались несколько вариантов развития города. Наиболее удобные, сулящие быструю отдачу были, однако, связаны с тем, что пришлось бы уйти от Днепра в степь и занять плодородные земли. Но городской комитет партии, горисполком предложили проектировщикам свой, вначале казавшийся несбыточным, план: строить новый город на левом берегу Днепра, где пески да комариные болота, где нет поблизости ни метра дорог, водопровода, электросетей, канализации.

История нашего градостроительства знает случаи, когда на пустом месте вырастали современные города, но то было связано со строительством таких гигантов, как КамАЗ, «Атоммаш», Волжский автомобильный. Новые города эти возникали рядом с предприятиями, и возводила их вся страна. А тут приходилось рассчитывать только на собственные силы, да и площадки, как таковой, не было. Но идея казалась настолько заманчивой и в будущем сулила столько удобств, что работы на левом берегу начались еще задолго до окончательного утверждения плана. Несколько лет земснаряды высасывали из старого русла Днепра песок и покрывали им овраги, болотца, камышовые заросли. В некоторых местах толщина намытой песчаной подушки составила около восьми метров.

В первую очередь строились дороги, коммуникации, и притом с большим заделом на будущее. Это было весьма и весьма хлопотно: отвлекались большие силы строителей, расходовались средства и материалы, а отдачи в виде готовых квартир не было...

Несколько лет назад, когда мы впервые встретились с председателем горисполкома Николаем Михайловичем Ктитаревым, на левом берегу стояли всего два или три дома — как многоэтажный хутор, переброшенный через днепровский разлив. Николай Михайлович вынул из стола выцветший листок бумаги с оборванными углами и показал мне. То было объявление, написанное от руки: «Меняю трехкомнатную квартиру на левом берегу на двухкомнатную в старом городе».

— Я эту бумажку сорвал на автобусной остановке,— сказал он.— Расстроила она меня. Трудно привыкают люди к новому, необжитому месту. Но я берегу это объявление. Не пройдет и двух-трех лет, как люди поймут, почувствуют все выгоды и удобства левобережья.

И он стал рассказывать, что левобережье превратится в зону отдыха, отделенную от промышленных предприятий рекой и лесом, и о том, какие удобства получат тут жители. С той нашей встречи прошло несколько лет. Теперь на левом берегу живут около тридцати пяти тысяч человек — почти каждый седьмой днепродзержинец. Здесь уже есть две школы и четыре детских комбината, поликлиника, торговый центр. Поднялись, зазеленели на бульварах деревья, цветники. Весь массив с трех сторон омывается водой. Тут от любого подъезда до пляжа — рукой подать.

Первый секретарь горкома партии Алексей Федорович Гордиенко, перечисляя преимущества молодого района, заметил:

— Теперь многие готовы обменять большую квартиру в старом городе на меньшую, но на левом берегу.

Как видим, сбылось предсказание председателя горисполкома. Да и первые трудности теперь окупаются сторицей. Оказывается, строить дома на слежавшейся песчаной подушке экономичней, чем на обычных грунтах: под них не нужны глубокие котлованы и массивные основания.

Конечно, кое-какие неудобства еще остаются. На левобережье ощущается нехватка мест в детских садах. Новоселы — это чаще всего люди молодые, и семьи растут. Да и в школах тесновато. Но теперь эти проблемы решаются быстрее.

Сейчас наиболее важный вопрос, сдерживающий развитие левобережной части,— транспорт. Автобусы ходят по узкой ленте шоссе, проложенной по плотине Днепродзержинской ГЭС. А все промышленные предприятия — на правом берегу. Но уже утвержден проект, и скоро начнется строительство мостового перехода через Днепр общей длиной около шести километров. Он свяжет старый центр с новостройкой напрямую. И тогда еще привлекательней станут новые кварталы города, где все подчинено тому, чтобы человек жил красиво и удобно.

●

Левобережная часть города. 9-й микрорайон * У витрины магазина «Счастье» * Молодежный клуб «Пламенные зори» индустриального института имени Арсеничева * На территории осепрокатного цеха завода имени Ф. Э. Дзержинского цветут розы.

ДЕЛОВАЯ ИГРА

Как и чему учить человека, чтобы помочь ему стать изобретателем? Вот главная задача, которую призван решать общественный Центр методологии изобретательства, созданный по инициативе республиканского совета ВОИР Азербайджана.

Наш корреспондент встретился с научным директором ЦМИ Т. Э. ИМАМАЛИЕВЫМ.

— На одном из занятий я показал слушателям макет мозга трески и предложил им составить перечень признаков, характеризующих это учебное пособие. Слушатели называли цвет, форму, указывали даже на расположение отдельных долей мозга, но никто не заметил подставки, на которой макет был выполнен. Этот зрительный феномен — прямое следствие психологической инерции.

— Всем ли она свойственна?

— Да, всем. Особенно при решении задач в условиях неопределенности.

— А может быть, тут сказывается психологический груз знаний, получаемых в вузах? Не мешает ли он подчас специалистам?

— Из стен наших вузов в основном выходят люди знающие и целеустремленные. Но это специалисты по «пройденным» задачам. То есть люди, подготовленные для поисков и нахождения более интересных и более точных вариантов решения. Среди них, к сожалению, сравнительно мало тех, кто умеет ставить перед собой задачи.

Существующие институты и факультеты повышения квалификации четко выполняют функции послевузовской подготовки специалистов — улучшение качества их труда. Но сегодня очень важно, чтобы специалист, решая ту или иную задачу, не торопился бежать в библиотеку штудировать технические справочники, а сначала внимательно познакомился бы с самой задачей, разглядел бы ее сущность и ту «подставку», из которой она выросла.

У нас на занятиях большая роль отводится преподавателю. Он, как и руководитель группы альпинистов, ведет начинающих изобретателей по новому (как для них, так и для него самого) маршруту. И пусть преподавателю неизвестен конкретный путь, но он всегда обязан знать основные принципы, как его пройти. Это и есть секрет производства, который не могут заменить никакие учебники.

— Какое же отношение имеет все это к изобретательству?

— Отвечу вам словами Гельвеция: «Знание некоторых принципов с лихвой покрывает незнание некоторых фактов». Слушатели ЦМИ после нескольких занятий могут спокойно «вгрызаться» в области, казалось бы, далекие от их основной специальности.

— Представьте себе, что к вам обратился какой-то композитор или художник и категорически заявил: «Хочу стать изобретателем». Не покажется ли вам это желание абсурдным?

— Скорее наоборот. Отсутствие специальных знаний можно восполнить при необходимости. Правда, студенты Азербайджанского общественного института изобретательского творчества (а именно он является учебной базой ЦМИ) в основном молодые инженеры.

Однако нередко к нам приходят учителя, научные работники, новаторы производства, кандидаты и доктора наук, старшекурсники из самых разных вузов и даже школьники. Так, студент МВТУ имени Баумана Павел Калинников, еще будучи школьником, окончил АзОИИТ. Несколько его заявок на изобретения — поистине «визитная карточка» бывшего азоиитовца. Впрочем, почему бывшего? Наверняка он еще вернется.

Другой пример — Николай Бестужев. Работал он электриком на Бакинском шинном заводе. Пришел к нам по объявлению. Проучился недолго, бросил — так сложились обстоятельства. Но через два года вернулся снова. И что же? Быстро приобретя навыки в электронике, он вскоре стал наладчиком электронного оборудования, создал специальную группу и установил на своем заводе первую автоматическую линию. Заявшись вскоре решением ряда задач в области медицинской техники, он стал руководителем экспериментальной исследовательской лаборатории в республиканском управлении «Азермедтехника» и одновременно преподавать у нас.

— Настало время открыть «секрет» — как вы, собственно, учите изобретать?

— Такой или подобный вопрос задают нам часто, и всякий раз мы оказываемся в неловком положении. Ну, нет у нас секретов! Никаких. Хотя наши занятия — это далеко не академические лекции, которые читаются в вузах. Они скорее напоминают заинтересованное обсуждение, и степень этой заинтересованности можно ощутить, только побывав на занятиях.

Никаких «писаных законов». Хочешь выйти покурить — ради бога, уйти совсем — пожалуйста. Но побывайте на одном из занятий, и вы увидите: курить не выходит никто. Все работают — решают очередную задачу, поставленную чаще кем-то из слушателей, нежели преподавателем.

В принципе это деловая игра. Не важно, что в ней участвуют люди разных уровней подготовки, разных профессий. Школьник работает с кандидатом наук, медик — с инженером, гуманитарий — с технарем. И не хватайтесь за голову, если своим нестандартным решением выдвинутой задачи кто-нибудь из них ставит под сомнение один из законов самого Архимеда, — это вполне серьезно.

Сегодня инженер занимается методом прогнозирования серьезной болезни, завтра медик задумывается над совершенствованием промышленного робота, биолог конструирует прибор диагностики, необходимый для металлургической промышленности... Видимо, не скованный рамками обязательных решений и не отдавая себя во власть психологической инерции, о которой мы уже говорили, человек способен изобретать. Не случайно же общественный Центр методологии изобретательства представлял нашу систему обучения изобретательству на XVI Международном конгрессе по истории науки.

— Несколько слов о процессе обучения в АзОИИТе, об основных дисциплинах, которые читаются здесь.

— Полный курс рассчитан на два года. Занятия проходят по воскресеньям, на неделю каждому слушателю дается определенное задание... Дисциплины, на мой взгляд, интересные. Постараюсь их перечислить: развитие творческого воображения; психология творчества; методология изобретательства; патентоведение, основы информатики; структурный анализ; логика и морфология технических решений; основы истории изобретательства и другие. По окончании второго курса слушатель защищает дипломную работу, состоящую из двух частей — решение технических задач на уровне изобретения с отправкой заявки на это изобретение и проведение исследования в области методологии изобретательства.

— Можно ли показать экономический эффект от обучения у вас?

— Могу сказать, что ценность изобретений, созданных слушателями во время обучения и после его окончания, более чем в 16 раз превысила затраты на организацию обучения. Кроме того, прошедшими обучение слушателями за десять лет существования общественного института получено более 700 авторских свидетельств — от разработок систем защиты промышленных предприятий от землетрясений до сугубо медицинских или биологических задач.

Эффективность обучения в системе Центра, конечно, нельзя сводить лишь к экономике. Количество полученных авторских свидетельств — не решающее. Формирование активной жизненной позиции у слушателей — вот высокий нравственный итог нашей работы.

Беседу вел Л. АРИХ.

Валерий ГАНИЧЕВ

Дорога на Парфеньево негладкая, и, подскакивая на очередном ухабе, удавалось ухватить взглядом зелень полян в темном обрамлении елей, синий отсвет небольших речек и озерец. Тесно толпящиеся леса как бы еще не решались ступить на место исчезающих деревушек: «В прошлом году тут еще одна старушка жила...» И снова лесистые взгорья, распаханные поля, и, кажется, вот-вот вынырнет из-за этих лесистых далей благословенный град Китеж.

А Парфеньево, этот небольшой райцентр в северной части костромских лесов, действительно прямо-таки посетила благодать. Здесь, в старом посаде, родились два замечательных наших русских писателя: Сергей Васильевич Максимов и Сергей Николаевич Марков.

Вот очередной подскок — на виду Парфеньево с его насыпным холмом для храма, ровными улицами, старинными купеческими строениями и веселыми деревянными домами.

«Я родился в Парфеньеве, Кологривского уезда, Костромской губернии,—писал в своей автобиографии С. Н. Марков.— Нас, уроженцев старинного посада Парфенева в глубой костромской стороне, издревле называли парфянами. Как родилось это античное прозвище северян, сказать трудно. Может, над парфеньевскими людьми решил подшутить какой-нибудь монастырский книжник, читавший Плутарха? Но парфяне на Нее упоминались в грамотах XVI века».

Как-то писатель то ли в шутку, то ли всерьез говорил, что название Парфеньево, может быть, происходит от греческого Парфенона. Фантазия все позволяет, и если внимательно всматриваться в черты старого города, то действительно начинаешь чувствовать, что стародавние зодчие замысляли его по законам красоты, соразмерности и соответствия окружающей природе.

В райкоме партии встретили делегацию московских, ленинградских, костромских литераторов и родственников писателей радушно. Рассказали, как водится, о делах, экономике, культуре. О том, как чтят память замечательных своих земляков-писателей. А книгу в районе любят. Здесь на 10 тысяч жителей более 200 тысяч книг. И все равно не хватает.

Рассказали и о том, как пытаются в последние годы удержать молодежь на селе. В том числе обращая внимание на его красоту, показывая исторические традиции, раскрывая богатства духовные, порожденные костромской землей. И в немалой степени по-

могают этому местные краеведы, земляки-патриоты. Известно, что на Руси много этих энтузиастов, собирателей всего ценного, оставшегося от многовековой культуры нашего народа. Вот недавно умер настоящий охранитель сокровищ Оптиной Пустыни Василий Николаевич Сорокин. Он, бывший редактор районной газеты, последние свои пенсионные годы посвятил охране памятников, уничтожаемых годами, непогодой, злой волей. Или, скажем, живет в небольшом городе Боровске Алексей Алексеевич Антипов — преподаватель техникума и неизменный энтузиаст сохранения калужской земли. Так и на Костромщине уже много лет помогает восстанавливать историческое прошлое участник Великой Отечественной войны Дмитрий Федорович Белоруков. Он сам живет в Москве, где нашел немало уникальных документов, переснял в архивах множество материалов, передав ценные сведения, собранные им, костромичам.

* * *

Идем по улицам Парфеньева. Вот мемориальная доска. Здесь родился писатель Сергей Васильевич Максимов. Еще совсем недавно мало кто знал об этом замечательном писателе. Сейчас его книги издают издательства «Современник», «Советская Россия», «Молодая гвардия». Перед читателем предстает писательская фигура первой величины. Его земляк С. Н. Марков сказал позднее: «Живя в Парфеньеве, я соприкоснулся с судьбой необычайного человека. Дело в том, что у нас в Парфеньеве родился Сергей Васильевич Максимов. Я не знаю, почему он ныне в какой-то мере забыт. За свою жизнь он выпустил двадцать томов великолепных сочинений, в том числе свою знаменитую классическую книгу «Год на Севере», издал «Путешествия» свои по Дальнему Востоку и Сибири. И, наконец, Максимов написал свой знаменитый труд «Сибирь и каторга», в котором собрал огромные данные из архивов и устных рассказов, посещая места заключения того времени. Однажды, придя к букинистам, я с удивлением, восхищением, восторгом увидел на прилавке книгу Максимова, которую свято с тех пор берегу, в которой нашел много необходимых для меня справок. Книги Максимова являются настольными для всякого человека, изучающего Сибирь...

Максимова я считаю классиком российской литературы, выдающимся историком-энциклопедистом в отношении жизни и быта русского народа. Более широкую популярность он приобрел своей книгой «Крылатые слова». Она издавалась в советское время...»

Наследие Максимова становится известным все шире, но многое еще надо сделать.

А вот и двухэтажный северный дом с разливным кружевом резьбы. Конечно, именно здесь должен был родиться Сергей Николаевич Марков. Мемориальная доска еще закрыта белым покрывалом. В небольшом палисаднике установлен микрофон. Между рейками забора воткнули свои любопытные мордашки самые маленькие парфяне. Над ними, ухватив острия реек, нависли школьники, и дальше, рядом с забором, и на другой стороне улицы чуть ли не все жители райцентра.

Открыли митинг. Сказали свое слово писатели, доярка, взволнованно выступил школьник. Закончил он свое выступление стихами:

...И всюду горизонты сини,
Светла туманов пелена,
Я видел тундры и пустыни
Твои, великая страна!

Запнулся, задумался, и тут учительница, стоящая рядом, школьный товарищ из-за забора, девушка-экскурсовод, не стесняясь, громко подсказали окончание. И Александр Данилович Викулов, первый секретарь райкома партии, шепнул что-то выступающему, и тот звонким, ясным голосом закончил:

Сочти сейчас мои скитанья,
Мои заботы и труды
И награди высоким званьем
Искателя живой воды...

Прекрасно это, все-таки, когда поэта знают на родине, могут восстановить забытую строку, переживать все вместе за ее точное звучание. А слово Сергея Николаевича помнят и чтят. В школе несколько раз звучало:

Чиста, как серебряный меч
И свет в глубине небосвода,
Великая русская речь —
Надежда и счастье народа.

В картинной галерее, собранной по инициативе местного мастера-краснодеревщика, в залах, посвященных Сергею Николаевичу, выписаны многие его слова о родном крае.

Слава приходила к писателю постепенно, он не был любимцем широкой шумной толпы, вокруг его имени не велись «модные» баталии критиков. К писателю, его трудам, его слову обращались любознательные и патриотические читатели. Количество их все время росло и сдерживалось лишь малыми тиражами его изданий. Печально, но двухтомник его избранных произведений увидел свет лишь после смерти писателя. Сейчас же авторитет С. Н. Маркова, прекрасного писателя, исследователя и поэта, безусловен. Первая книга рассказов, «Голубая ящерица», была замечена А. М. Горьким. В 1928 году он пишет А. Халатову: «Очень хорошо, что к работе в «Наших достижениях» привлечен... молодой писатель Марков, талантливый человек. Вы его приласкайте».

С. Марков не возводил, подобно некоторым, сам себя на пьедестал при жизни. Он писал книги, статьи, был занят общественными делами: добивался открытия памятника Семену Дежневу, хлопотал о переименовании города Каракола в Пржевальск, подготовил бумаги для того, чтобы именем автора «Алых парусов» А. Грина был назван новый остров. Он был весь в действии, поиске, устремлении к неизведанному и таинственному. Прозаические и поэтические произведения создавались им наряду с замечательной научно-художественной эпопеей, поведавшей советскому читателю о загоризонтных открытиях великих русских гигантов-первопроходцев.

Сегодня С. Н. Марков предстает перед читателем подлинным энциклопедистом, ученым, сумевшим воедино увязать историю великих географических открытий и историю великого подвига не очень известных подвижников русского Севера, замкнувших земной круг движения человечества к неизведанным землям, морям.

Как-то один полярник беседовал со школьниками о том, кого знают они из великих путешественников. Назвали Колумба, Магеллана, Васко да Гама, вспомнили Пржевальского и Миклухо-Маклая. И все. Ну, а куда затерялись из их памяти блистательные землепроходцы, ходившие вдоль Амура и Тихого океана: Василий Поярков, Ерофей Хабаров, разведчик Охотского моря Михаил Стадухин, храбрый открыватель «славной в свете и великой реки Лены» Василий Бугор, первооткрыватели Аляски, чудесник и искусник, художник, строитель, составитель карт Семен Ремезов, устроитель русской Америки Г. И. Шелехов? Да что там детская память, школьный учебник, если некоторых из этих имен нет и в энциклопедическом словаре. Как же мы будем говорить детям об уважении к своему великому прошлому, если некоторые взрослые сами к нему такового не имеют?

В старину русские мореходы вырезали на своих ладьях и кочах сказочного полузверя Китовраса, покровителя их и вдохновителя. Зубчатая корона этого кентавра Севера уже в XIII веке украшала новгородские здания и Софийский собор, обещая заступничество и надзор в странствиях и мореплаваниях.

С. Н. Марков писал, что новгородцы и не подозревали, что они были своеобразными соперниками предприимчивых генуэзцев. А затем испанцев, португальцев, англичан, устремившихся вперед к неизведанному. Бесстрашные искатели приключений поражали Европу открытиями новых островов, народов, целых континентов. Америка, принимаемая за Индию, была увидена ими с Востока. А с Запада к ней устремились отважные русские северяне, открывшие для себя эту страну, но никогда не почитаемую ими за Индию, куда в 1469—1472 годах ходил русобородый Афанасий Никитин, и которую россияне знали, где искать.

Удивительна эта история Великого движения землепроходцев, воссозданная С. Н. Марковым. Путь к Северу, начатый русским народом много веков назад, привел к Енисею и Лене, Камчатке и Чукотке. А затем освоение Аляски, движение вдоль Тихоокеанского побережья на байдарках из шкур морского зверя, высадка в Калифорнии, достижение пределов жаркой Мексики и зимовка в пальмовых рощах Сандвичевых островов.

Не будем наивными, многие из них отправлялись не «за туманом и за запахом тайги», а для того, чтобы приобрести меха, драгоценности, камни, серебро. Но среди них преобладал дух свободолюбия, среди них были и беглые холопы, и свободные казаки, и северные вольные люди романтического склада, рвавшиеся удовлетворить жажду человека к движению вперед.

Богатства Сибири, Севера вызывали трепет зависти у европейских королей и коммерсантов. И С. Н. Марков показал полную интриг и козней историю попыток проникнуть на русский Север у «недобрых гостей Московии». Немало пришлось потрудиться служилым людям и воинам, чтобы обезвредить действия соглядатаев папского и королевского дворов Англии, Испании, Швеции, Италии. Дорого стоили тайны этих путей, если даже самозванцы, появившиеся под стенами Кремля, расплачивались с наемниками разрешениями на прохождение через Север и Сибирь в Индию, Китай, Америку. Но пути эти так и остались достоянием русских людей, большая часть которых была из северных земель. Трудно на первый взгляд объяснить, почему в этих спокойных северных краях безбрежных русских лесов, у Новгорода, здесь у Костромы и дальше у Вятки рождались неугомонные романтики, герои книг С. Н. Маркова, взгляды которых да и они сами проникали в неизведанные, дальние края. Казалось, какой-то высший дух сопутствовал их удаче. Но нет, исследуя этот путь поисков и потерь, Сергей Николаевич Марков не ищет бестелесного покровительства. Только в бесстрашии северных витязей, беспредельных человеческих усилиях на пути беззаветной преданности своему народу видел он источник этих блистательных открытий. И в этом ценность его книг для сегодняшних и грядущих поколений.

Великий подвиг движения по пути земного круга свершили наши предки. Мужественный и кропотливый труд свершил Сергей Николаевич Марков — путешественник, землепроходец на путях нашей литературы.

ТЕЛИ ЖИВОЙ ВОДЫ

А. ЕРМОЛАЕВ,
старший лейтенант внутренней службы, инструктор МВД СССР

●

Кто-то сказал: «Как хрупка человеческая жизнь, но как тверда человеческая воля». Да, сильная воля делает людей счастливыми. Но это не дар, который дается от рождения. Ее надо воспитывать годами. И это не богатство, обретенное раз и навсегда. Стоит хоть немного пожалеть себя, усыпить на время совесть, и характер, выкованный годами, постепенно утратит способность выдерживать удары судьбы.

Я хочу рассказать историю одного человека. Ее вполне можно было назвать трагедией. Но трагедия — это нечто уже свершившееся, безнадежное, а Николаю Ивановичу Семенову не так много лет — под сорок пять. И потом, кое-какие моменты из его прошлого вселяют веру в добрые перемены в будущем...

...По раскаленному песку пляжа шагал мужчина в белом халате. Отдыхающий народ, разомлев на солнце, лениво следил за фигурой: видимо, кому-то плохо стало, разберутся.

Неожиданно с одного из лежаков поднялась женщина и, ведя за руку ребенка, громко крикнула:

— Николай Иванович, подождите минутку!

Человек в халате неспешно продолжал путь; то ли не слышал возгласа, то ли не обращал на него внимания.

— Доктор, остановитесь!

Мужчина резко обернулся и стал рассматривать подбегавших, поначалу слегка рассеянно, а потом с возрастающим интересом. Между тем окликавшие его мать с сыном явно засомневались.

— Ой, простите, кажется, ошиблась.

Возникла неловкая пауза.

— Да, нет же, Николай Иванович, это же вы!

— Я вас тоже узнал,— смущенно проговорил тот.— Как себя чувствует мальчик?

— Очень хорошо. И все благодаря вам. Большое спасибо, доктор!

— Я рад... Извините, спешу.

— Мы понимаем — работа...

Он явно торопился расстаться. Его действительно ждала работа. Только не отпускник, пострадавший от солнечного удара, а... кучи мусора. Николаю Ивановичу Семенову не хотелось рассказывать, почему же так вышло, что от старых времен, когда он был медиком, остался лишь белый халат. И тот ему выдали на складе — администрация городского пляжа считала такую форменную одежду наиболее подходящей для уборщиков...

Наша встреча с Николаем Ивановичем произошла в лечебно-трудовом профилактории. Даже у сотрудников ЛТП, видавших виды, этот человек вызывал особый интерес. Врач — алкоголик, казалось бы, совершенно несовместимые понятия. Мне предложили поговорить с ним. Соблазн был велик. Разобраться в истории его падения заставляло не только любопытство. Именно необычные случаи часто дают пищу для размышлений, в силу своей контрастности они особенно поучительны. Правда, чувствовал определенную неловкость: пусть и с благими намерениями, а все-таки придется лезть в чужую душу, сыпать соль на раны. Хотя желание выговориться перед свежим человеком далеко не редкость у людей, вынужденных жить в режимных условиях. Этот аргумент и решил сомнения. Если Семенов не замкнется — потолкуем. Насколько откровенной станет беседа? Это еще вопрос.

Мне часто приходилось замечать какое-то неуловимое сходство у представителей одной профессии. По-моему, у врачей оно проявляется особенно зримо. Виной ли тому манера держаться, своеобразный язык или чувство признательности и доверия, которое мы испытываем к врачам с самого детства,— трудно ответить однозначно. Важно, что это есть.

Как ни напрягал я свое воображение, но представить Семенова принимающим больных не смог. Хотя первые же его фразы были очень естественно насыщены медицинскими терминами.

Зато горящие глаза, порывистые движения, не к месту эмоциональная, с длинными паузами речь выдавали принадлежность Николая Ивановича к ущербному племени рабов спиртного.

Сразу вспомнилась запись из дела Семенова в общем-то трагическая по своей сути: «... полная деградация личности». Он о ней знает. Видимо, из лучших побуждений медицинские работники сказали об этом бывшему коллеге. Возможно, хотели остеречь на прощание. Николай Иванович считает иначе. Прежде всего ставит под сомнение компетенцию врачей (забыта заповедь клятвы Гиппократа, до того ли), потом звучит укор, полный сарказма:

— Разве я похож на ненормального?

Да нет. Семенов как раз производит впечатление начитанного, интеллигентного человека. Но ведь с того момента, когда был поставлен диагноз, минуло четыре месяца, значит, лечение явно пошло на пользу. Но такой вывод не приходит Николаю Ивановичу в голову. Он во всем видит подвох. Убеждать в своей правоте — это пожалуйста, а слушать чужие доводы — ни за что на свете.

Деградация личности — это, конечно, очень серьезно. Вообще-то пристрастие к водке до добра не доводит, хмельная гонка, как правило, кончается подобным финалом. Но все-таки деградация личности...

В селе Николаю Семенову завидовали. Всяк по-своему: кто по-доброму, кто со зла. Этот парень хорошо знал, что ему надо в жизни. Разве это не ценность? Еще какая!

И не просто знал, но и был готов ради задуманного пожертвовать чем угодно. Николай не верил в то, что счастье в прекрасный миг само падает в руки. Нет, оно должно вызреть, как хлеб, а для этого нужно потрудиться. Он станет врачом.

Сразу после школы поступить в институт не удалось. Знаний не хватило.

— Неинтересная история, — изрекает Николай Иванович. Между тем глаза его заметно оживляются. Ну, конечно, как можно оставаться равнодушным, когда вспоминаешь о своей юности, о годах, с которыми связано стольно надежд? — Устроился работать... медсестрой. Других мест в больнице не было. Кто-то сочтет это глупостью; но по-другому устраивать свою жизнь я не хотел. Молодость...

Семенов рассказывает и словно приглашает поиронизировать вместе с ним над сельским пареньком, решившим добиться своего во что бы то ни стало. Дескать, он в медсестры завербовался, а мамины сынки тем временем всякими скользкими путями пролезали в храм науки. Но создается впечатление, что сам в эту иронию не очень верит, скорее от глубины души симпатизирует тому парню, который днем крутился в палатах как белка в колесе: разносил градусники, вытаскивал «утки», а по вечерам садился за учебники.

Через два года его произвели в фельдшеры. Это был праздник. Должность вполне солидная, и теперь с легким сердцем он писал родным о работе. И все-таки радостей выпадало маловато. Главное — не получалось с институтом. Близко-близко подбирался он к заветному проходному баллу, но неудачи преследовали его.

Стиснув зубы, Семенов продолжал бороться, отказывал себе во многом, прежде всего в развлечениях, хмельном. А это было нелегко для человека, выросшего на Кубани, в краю виноделия. Соблазн велик, но тогда бы учеба отступила на второй план. С этим Николай смириться не мог.

И вот в августе 1963 года сбывается: Семенов в возрасте 24 лет становится студентом Крымского медицинского института. Незаметно пролетели годы учебы, и вот уже Николай Иванович терапевт районной больницы. Первый прием, первые пациенты... Разве забудется это? Молодой врач встретил женщину, которую полюбил. Сыграли свадьбу. Судьба, не раз испытывавшая на прочность его характер, стала благоволить к нему. И вот, когда, казалось, все испытания остались позади, внезапно обрушилось горе. Умерла жена. Сразила ее тяжелая болезнь, а он, врач, не сумел помочь самому дорогому человеку. Потрясение было столь велико, что Николай Иванович долго не мог прийти в себя. Да и теперь он с видимым усилием возвращается к тем временам.

— Свалилось тогда на меня. Еще и с главным стал конфликтовать. Безобразия творились в больнице сплошь и рядом. Небось знаете, как трудно добиться правды, если ты мелкая сошка. Написал о темных делишках администрации, а потом и сам же пострадал...

Что-то очень знакомое послышалось в его голосе. Сочувствие уступило в душе место настороженности. Ну, конечно, сколько раз приходилось слушать подобные исповеди, где любой факт окрашивается яркой эмоциональной краской. Чего ради? Да чтобы убедить собеседника в собственной безгрешности, дать волю своей озлобленности на весь свет. Кто же спорит с тем, что не гладко сложилась жизнь у Николая Семенова? Не сладкая ему выпала доля? Но прежние трудности только закаляли его, и казалось, ничто не сломит этого человека.

Твердый характер и энергия открыли ему дорогу к любимой профессии. Но вот лестница пошла вниз: «уволен за пьянство», «принят на временную работу в райбольницу... зачислен сторожем»...

Последние два года дипломированный специалист подвизался то на пляже в качестве уборщика, то в забегаловке в роли грузчика.

Ох уж эти красноречивые факты! Куда от них уйдешь? Медленно, но неотвратимо катился человек по кривой дорожке. Если учесть и то обстоятельство, что лишь за несколько месяцев бывший терапевт трижды побывал в вытрезвителе, картина вырисовывается очень четкая.

Изменил сам себе Семенов, своей мечте. Нет, не спишешь это на счет злого рока и интриг начальства.

Листая личное дело Николая Ивановича, я вспомнил о другом человеке, о Викторе Персуке, внешне совершенно непохожем на медика. Только в глазах есть что-то общее: горящие, бегающие. И неудивительно. Персук тоже лечится в ЛТП. Но в общем вид у него отменный. Виктор прямо пышет здоровьем. Есть тому и объяснение — срок его подходит к концу, а для Семенова в профилактории все еще в новинку. Но тем преимущества Персука и исчерпываются. По третьему заходу оказывается он в здешних местах. В ЛТП слывет человеком покладистым, спокойным, а

очутившись на воле, сразу меняется, спускает, так сказать, тормоза.

Считает ли себя виновным? Отнюдь. Абсолютно серьезно он заявляет о том, что все его беды... от близких. Они-де рады отправить сына в ЛТП. Правда, трудно понять, какой в том для них практический смысл. «Злые» родители растили парня, заботились о нем. Окончил Виктор школу, потом Севастопольский приборостроительный институт, стал неплохо зарабатывать. Только деньги большей частью тратились на выпивку. Начались в семье скандалы, дебоши. Думается, не от хорошей жизни родственники запросили помощи.

Было у Персука время, чтобы одуматься. Прикинуть, что называется, размеры надвигающейся катастрофы. Так нет: твердил он постоянно о вероломных родителях и ни о чем ином думать не хотел.

Вот и напрашивается вывод: не оттого ли так неудачно все складывается у Семенова и Персука, что не хотят они посмотреть правде в глаза? Ведь, безусловно, понимают эти люди: причины жизненных неурядиц — в них самих.

Но бороться с самим собой куда труднее, чем сваливать вину на других. Такое признание требует большого мужества, силы воли...

Запомнилась прощальная тирада Персука.

— ...Вы, конечно, не пробовали устраиваться на работу с «волчьим» билетом? Смотрят на тебя с прищуром, хорошего места не предлагают. Ну, значит, от этой неустроенности и начинается прежняя волынка. Накатывается «черная» полоса. Так что считайте меня неудачником, и теперешнее мое положение — ирония судьбы. Впрочем, боюсь, вы не поймете...

Нет, ошибался Виктор. Я отлично понимал его. Разумеется встречали Персука на производстве настороженно — все-таки не с курорта прибыл. Просто так в ЛТП не попадают. Следовательно, кидаться в амбицию из-за прохладной встречи было бы нелогичным. Но ведь Персук не чувствует за собой вины, а, наоборот, видит ореол мученика. И не сходятся точки зрения у него с коллегами. Зато в пивных Виктора «понимают». Оно и ясно — не те запросы.

Вот такие две, прямо скажем, нескладные судьбы. Но я далек от мысли считать их пропащими. Более того, для Семенова пребывание в ЛТП должно пойти на пользу. Прежнее его упорство, тягу к знаниям не перечеркнешь. О многом, на мой взгляд, говорит то, что Николай Иванович обратился к администрации с довольно-таки неожиданным предложением — позволить ему пройти практику у врача-нарколога. Выходит, жив в нем интерес к делу. Добрый знак. Да и Персук рано или поздно должен взяться за ум.

Но прозрение само не придет. От суровой, беспощадной борьбы с недугом, который одолел их, не увернуться. Нельзя перенести тяжесть на чужие плечи.

СТРОКА ИЗ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПРОГРАММЫ

НАШ САД

Генриетта **АЛОВА**

«Вся Россия — наш сад». Эти слова Пети Трофимова из чеховского «Вишневого сада» вспомнились мне в Научно-исследовательском зональном институте садоводства Нечерноземной полосы. Директор института доктор сельскохозяйственных наук Василий Григорьевич Трушечкин известен жителям Бирюлева не только как крупный ученый-садовод, селекционер, но и как депутат райсовета и член райкома партии. Естественно, что он участвует во многих делах, связанных с выполнением Продовольственной программы. Особенно когда вопрос касается садов. Сейчас ему за пятьдесят. Но мне помнится снимок, увиденный в послевоенные годы. Китель тогдашнего студента сельскохозяйственной Академии имени К. А. Тимирязева Василия Трушечкина украшали ордена, медали и Золотая Звезда Героя Советского Союза — он славно прошел четыре года Великой Отечественной войны.

В Институте садоводства много интереснейших, совсем новых работ. Взять хотя бы исследования созданной Трушечкиным лаборатории, где выпестовываются растения, неподвластные вирусным болезням. Полноценная их элита передается хозяйствам.

Некоторые помещения этой лаборатории представляют собой миниатюрнейший сад. Мне показывают «операционную» с лампой, излучающей ультрафиолет. Здесь все стерильно. Действуя хирургическим инструментом, экспериментаторы отрезают верхушки различных растений. Это — сложное дело. Ведь, например, у земляники верхушечка буквально микроскопическая, как точка.

В лаборатории полно пробирок. В каждой — питательная среда, в ней растет верхушка величиною в 200 микрон. А превратиться она может... в яблоню. Но до этого пока еще далеко. Однако зачем же делают эти опыты, названные учеными «культура ткани»? Дело в том, что, как считают некоторые специалисты, верхушки растений по своей природе безвирусные, а значит, дадут и здоровое потомство.

В другой лаборатории я видела землянику, уже выращенную из такой «точки». Из верхушки усика земляники в течение года можно получить 50 тысяч побегов! Практически здесь столько этой культуры, что ею можно снабжать все хозяйства страны. В институте планируется строительство такой же промышленной лаборатории.

Земляника, конечно, не дерево, но ученые института не теряют надежды получить таким же образом яблони, груши, сливы — все что угодно. Вся наша страна должна стать огромным садом!

...Уже созрели земляника и землянично-клубничный гибрид — победа селекционеров института. Девятнадцать лет тяжелого труда затратили на получение этого гибрида Татьяна Сергеевна Кантор и другие ученые института. Ягоды садовой земляники, как известно, приникают к земле, гибриды же тянутся вверх к солнечным лучам. Уже выведены: «Надежда Загорья», «Мускатная», «Бирюлевская», «Раиса» и «Пенелопа». Ягоды этих сортов вкусны и особенно ароматны, словно лесная клубника, от которой и ведут свою родословную. Московское общество испытателей природы отметило работу селекционеров дипломами первой степени...

В этом году, как и в прошлом, институт занял первое место в социалистическом соревновании с институтами садоводства Краснодара и Сочи — это сообщила мне биохимик кандидат биологических наук В. И. Деменко. Я встретила ее в саду со срезанной ветвью облепихи с еще зелеными плодами. Они поспеют лишь в сентябре—октябре.

В НИИ зонального института Нечерноземья работают сейчас над тем, чтобы вывести низкорослый сорт. Это облегчит механизированную уборку плодов. Плоды облепихи чрезвычайно ценны: целебные масла, витамины. Держатся «ягоды» на трехмиллиметровой плодоножке-черешке. Кажется, будто они прикреплены к самой ветви. Оторвать их совсем непросто — ученые рассчитали, что требуется усилие до 196 граммов на один плод. Даже при ручной уборке плоды снимают мятыми, но чаще они вообще лопаются, теряют целебные сок и жир.

— Выходит, положение безвыходное? — сочувствую я Деменко.

— Ну уж нет,— возражает она.— Алтайские ученые, например, пошли по линии увеличения длины черешка. Вывели сорт, у которого вместо трех миллиметров черешок удлинен до девяти. Это уже большая победа. Ну, а мы стали выводить облепиху, несколько похожую, не по вкусу, нет, по конструкции, на яблоню, вишню, маслину или смородину. Замечено было издавна, что их созревшие плоды падают на землю даже при ветре. Все зависит от так называемого отделительного слоя, который у таких растений находится между черешком и плодом. Клетки этого слоя быстро стареют и разрушаются при созревании плода, поэтому легко отделяются от черешка. Мы и решили научить облепиху стряхивать плоды, придав отделительному слою новые свойства. Для этого за 7—10 дней до полного созревания облепихи опрыскиваем ее физиологически активными веществами, гормонами. Надеемся, что в ближайшее время уборкой урожая облепихи займется комбайн кишиневского научно-производственного объединения «Плодсельхозмаш», оснащенный устройством, вызывающим вибрацию ветвей...

Мне уже было известно, что подобный комбайн работает на опытном участке, собирает урожай черной смородины, да так бережно, что эту ягоду с удовольствием приобретают самые придирчивые покупатели.

Не менее хороша в хозяйстве института и смородина, крупная, словно вишня. Над смородиной работает опытный селекционер Вера Митрофановна Литвинова.

— Этот не получился,— говорит она, проходя мимо одного из кустов.— У меня двести отборных форм, они изучаются на протяжении ряда лет. Два года черная смородина растет, три-четыре года она должна плодоносить. За это время можно определить, достоин ли отобранный вид стать сеянцем — породить качественное потомство.

Гордость селекционера сорт «Загадка» с очень крупными и вкусными ягодами. Он один из девяти, переданных сейчас на Государственное сортоиспытание.

Старший научный сотрудник Литвинова В. М. (в центре) на опытном хозяйстве.

ЗОЛОТОЙ ЮБИЛЕЙ «ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДСТВА»

И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН,
доктор искусствоведения,
лауреат Государственной премии СССР

Читателю, а тем более любителю и знатоку Л. Н. Толстого и в особенности литературоведческой науке в целом это будет весьма необычным, неожиданным подарком. Современники получат абсолютно новый, никогда еще не виданный роман «Война и мир». Увидит свет его первая завершенная редакция: 1500 страниц прозы, кропотливо расшифрованной, как бы заново переведенной с авторских сложнейших черновиков исследователем. Издание это осуществит «Литературное наследство», серия которого приближается теперь уже к ста томам, выпускаемым пятьдесят лет.

Итак, «Литнаследству», насущно необходимым материалам для всякого литературоведа,— полвека. Тогда, в кольцовском «Журнально-газетном объединении», в 1931 году, после выхода первой «сборной» книги никто не мог предвидеть, с какой быстротой это издание приобретет широчайшую отечественную и международную известность, популярность и станет чуть не главным пособием для каждого, кто изучает литературу.

Главное, что поражает воображение,— масштабы. Больше 50 000 страниц в размер фолианта, десятки тысяч малоизвестных, неизвестных, наконец, забытых текстов, сокровища архивов, двенадцать тысяч драгоценных, извлеченных из небытия иллюстраций: фотографий, рисунков, автографов — труд, энергия и воля издателей, составителей, филологов, обогатившие наше представление о литературе как таковой от XVIII века до сегодняшнего дня.

Меж этими двумя вехами — тома, посвященные Пушкину, декабристам, Лермонтову, Гоголю, Достоевскому, Тургеневу, Островскому, Гете, Белинскому, Герцену и Огареву, Добролюбову, Чернышевскому, Некрасову, Салтыкову-Щедрину, Горькому, Толстому, Чехову, Бунину, Брюсову, символистам, Маяковскому, западным классикам. Ожидаются книги со статьями и изысканиями, посвященными Ахматовой и Цветаевой, Лескову, неизданному Горькому.

Сказать, что «Литнаследство» не имеет прообразов в русской культуре, старших своих братьев,— значит погрешить против правды. Точно так же, как без «Литнаследства», не может ни один литературовед и историк обойтись и без «Русского архива», «Русской старины» — дореволюционных публикаторских журналов, кладезя интеллектуальных и духовных ценностей Отчизны, несказанно развитых в нашем издании-юбиляре, но что самое важное — снабжаемых теперь необходимым научным комментарием, так что ценности эти превращаются из случайно найденных жемчужин в их закономерную коллекцию, из сведений подчас гипотетических в сведения единственно возможные, канонические.

Наш корреспондент встретился с доктором искусствоведения Ильей Самойловичем **ЗИЛЬБЕРШТЕЙНОМ,** инициатором и создателем «Литнаследства» и бессменно работающим в нем на протяжении вот уже полувека.

— Позади пятьдесят с лишним лет существования «Литературного наследства» — издания, посвященного публикации неизданных материалов по истории русской литературы и общественной мысли. Недавно вышел фундаментальный 91-й том — «Русско-английские литературные связи», а только что не менее объемистая третья (из четырех) книга 92-го тома — «Александр Блок. Новые материалы и исследования». Интересно вспомнить историю «Литературного наследства».

В том, что это издание было создано, «повинен» и «Огонек». Живя с восемнадцатилетнего возраста — с 1923 года — в Ленинграде и завершая учебу, И. С. Зильберштейн неустанно занимался историко-литературными разысканиями и публикациями, благо позади университета, на Тифлисской улочке, находился Пушкинский Дом. В 1925 году он познакомился с М. Е. Кольцовым, замечательным писателем, главным редактором журнала «Огонек». Кольцов предложил молодому литературоведу стать ленинградским представителем редакции этого журнала.

В 1926 году в «Библиотеке «Огонек» вышла первая книжка И. С. Зильберштейна «Из бумаг Пушкина. Новые материалы», а на страницах самого журнала часто появлялись историко-литературные публикации, в основу которых он неизменно включал отысканные и ранее неизвестные творческие и эпистолярные рукописи выдающихся русских литераторов.

Уже к 1929 году вышли в свет или находились в производстве несколько книг, им подготовленных, снабженных подробными комментариями, а в некоторых случаях и с его сопроводительными статьями. Немалое место в этих изданиях занимали впервые выявленные мемуарные и документальные материалы. Вот названия некоторых из тех книг: «А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников», «А. Н. Вульф. Дневники. (Любовный быт пушкинской эпохи)», «История одной вражды. Переписка Ф. М. Достоевского и И. С. Тургенева», «А. П. Чехов. Несобранные рассказы».

В 1930 году М. Е. Кольцов предложил Зильберштейну переехать в Москву для работы в организованном им Журнально-газетном объединении, куда, кроме «Огонька», вошло около сорока периодических изданий.

— У меня была в то время сокровенная мечта,— начал рассказ Илья Самойлович,— осуществить подготовку и издание систематически выходящих сборников, в которых впервые печатались бы ранее неведомые художественные творения, статьи и переписка замечательных русских мастеров слова, оставшиеся неизвестными выступления по вопросам общественной мысли, литературы и искусства великих революционеров и публицистов, да и уже накопился немалый опыт подобного рода поисков и находок. Кольцов хорошо знал об этом. Вот что он написал на своей книге «Крупная дичь» (второй том собрания его сочинений): «И. С. Зильберштейну — неутомимому охотнику в литературных лесах. С дружбой Мих. Кольцов. 25.IX.30».

Когда спустя некоторое время я поведал Михаилу Ефимовичу о своей мечте, предложив назвать издание «Литературное наследство», он ответил, что постарается получить разрешение на выпуск подобного рода сборников в Журнально-газетном объединении. А именно это и было необходимо, так как издательство имело собственную типографию, к тому же именно в Жургазе можно было рассчитывать на помощь в добротном техническом оснащении сборников. Несколько раз я напоминал Кольцову о его обещании. И был счастлив, когда в марте 1931 года он сообщил, что дано разрешение выпустить три сборника «Литературного наследства». Меня освободили от редакторско-организационной работы по приложениям к «Огоньку», предоставили комнату на Страстном бульваре, 11 (где помещалась и редакция «Огонька»), для создания этих первых книг, а в помощь предоставили всего лишь машинистку. Вот так, на пустом месте, приступили мы к подготовке первой книги «Литературного наследства», а вернее сказать, к разработке планов всех трех.

— На самом деле понятны ваш энтузиазм и ваше трудное положение, но один вы не справились бы с таким серьезным академическим изданием.

— Да, действительно на этом начальном и сложнейшем этапе оказали мне большое содействие люди не только хорошие, но и в полной мере оценившие идею создания такого рода сборников. Это прежде всего Ипполит Константинович Ситковский (псевдоним И. Ипполит), окончивший тогда Институт Красной профессуры, наш первый ответственный редактор; Павел Федорович Юдин, доктор философских наук, позже академик; Франц Петрович Шиллер, научный сотрудник Института Маркса — Энгельса — Ленина; Розалия Марковна Плеханова, вдова Г. В. Плеханова.

Основным служебным занятием Ф. П. Шиллера была тогда расшифровка рукописей Маркса, Энгельса и их корреспондентов. Узнав, что в числе этих рукописей имеется неизданная переписка по вопросам литературы и искусства, мы обратились к руководству института с просьбой разрешить обнародовать эти документы. Таким образом, благодаря содействию Ф. П. Шиллера первую книгу нашего издания удалось открыть публикацией «Фридрих Энгельс о литературе. Неизданная переписка Энгельса с Паулем Эрнстом», вторую книгу — публикацией «Фридрих Энгельс о Бальзаке. Неизданная переписка Энгельса с Маргарэт Гаркнесс», третью книгу — публикацией «Маркс и Энгельс о трагедии Лассаля «Франц фон Зикинген», а в дальнейшем дать публикации «Фридрих Энгельс о тенденциозности в литературе. Неизданная переписка Энгельса с Минной Каутской» и «Эксцерпты Маркса из «Эстетики» Фишера». Эти впервые нами обнародованные документы имели основополагающее значение для советского литературоведения, в котором тогда немалое место занимал вульгарный социологизм. Вот как откликнулась «Правда» на те наши публикации: «Письма Маркса и Энгельса, опубликованные в первых трех номерах «Литературного наследства», имеют громадное значение для развития нашей литературы; в них изложены мысли, которые могут разрешить многие вопросы, связанные с выработкой творческих путей советской литературы».

В первом номере нашего издания после переписки Энгельса с Паулем Эрнстом мы дали с предисловием П. Ф. Юдина публикацию «Из неизданных протоколов совещания расширенной редакции «Пролетария». Борьба Ленина с богостроительством». Вскоре напечатали два сообщения, связанных с В. И. Лениным и, конечно, построенных на ранее неизвестных материалах: его пометки на «Книжной летописи» 1917, 1918 и 1919 годов, а также пометки на книге Ю. М. Стеклова о Чернышевском.

Третья публикация в первой книге «Литературного наследства» называлась «Неизданные и забытые литературоведческие работы Г. В. Плеханова».

— Но ведь известно, что Плеханов много лет прожил в эмиграции, где и работал. Как же удалось осуществить публикацию его наследия?

— Еще живя в Ленинграде, я знал, что в 1928 году Р. М. Плеханова перевезла из Франции на родину огромный архив покойного мужа, библиотеку, состоящую из 8000 томов, а также обстановку его рабочего кабинета. Все это передавалось в ведение Ленинградской публичной библиотеки с тем, чтобы в качестве ее филиала был организован Дом Плеханова. Знал я и о том, что Дом Плеханова разместился к концу 1930 года в специально построенном здании на Красноармейской улице. Естественно, предположил, что именно там и следует искать нужные материалы.

Навсегда запомнил первую встречу с Розалией Марковной. Поразило, с какой дотошностью она расспрашивала о задуманном издании — о содержании первой книги, о планах дальнейших томов, а таких планов было множество. И когда я остановился, Розалия Марковна сказала: «Для того, чтобы осуществить то, что вы задумали, вам придется отдать всю жизнь». И теперь, когда прошло пятьдесят лет, почти целиком отданных созданию томов «Литературного наследства», я все чаще и чаще вспоминаю те оказавшиеся вещими слова.

Предположение о наличии интересующих нас материалов было превзойдено: для первой книги удалось тогда получить тринадцать весьма интересных плехановских работ. Для этой обширной публикации нашлись в разных местах 30 иллюстраций. А вступительную статью к книге написал И. Ипполит.

Вышедшая в свет первая книга «Литературного наследства» пришлась по душе Р. М. Плехановой и подсказала ей идею создания сборников «Литературное наследие Г. В. Плеханова».

— Илья Самойлович, вы говорили, что, приступая к изданию «Литнаследства», одновременно готовили планы сразу трех книг. Что же вошло в эти книги, ставшие теперь уже библиографической редкостью?

— В первых трех книгах «Литературного наследства», кроме упомянутых публикаций неизданных рукописей Маркса, Энгельса, Ленина, были обнародованы остававшиеся неизвестными и извлеченные из небытия художественные и публицистические произведения Н. А. Добролюбова и Н. Г. Чернышевского, М. Е. Салтыкова-Щедрина и Ф. М. Решетникова, В. А. Слепцова и В. В. Берви-Флеровского, Козьмы Пруткова и В. С. Курочкина, Л. Н. Трефолева и Л. Н. Андреева, А. М. Горького и В. В. Маяковского. Весьма любопытны историко-революционные документы: «Виселица» — листовки о Парижской коммуне, «Рабочий» — ростовский журнал 1883 года. Напечатаны были также неизвестная статья Поля Лафарга о романе Эмиля Золя «Деньги» и неизданные страницы Анатоля Франса. Наконец, немалое место в первых трех книгах занимали содержательные обзоры и сообщения.

Доброжелательные печатные и читательские отклики на эти книги, вышедшие в 1931—1932 годах, дали возможность дальнейшей жизни «Литературному наследству». В это время в редакцию поступили С. А. Макашин (который напечатал в первой книге забытый очерк Щедрина «Испорченные дети», а в третьей книге — обзор, посвященный судьбе творческого наследия этого писателя) и И. В. Сергиевский. Началась наша первая совместная работа над созданием тома, целиком посвященного теме «Гете и русская культура».

— Это был, кажется, первый тематический том, посвященный одному «герою»?

— Совершенно верно. Именно по принципу тематического единства мы строили значительную часть всех дальнейших томов.

И так как гетевский том мы выпустили в связи со столетием со дня кончины лучшего, по словам Ленина, представителя старой великой германской поэзии, все полиграфические работы по данному изданию проводились в, так сказать главной типографии Советского Союза — Гознаке.

С той поры начались мои разыскания неизданных материалов, находящихся за рубежом, то есть, говоря словами Ираклия Андроникова, была совершена попытка «поставить мировые архивы на службу советской культуре».

Полным успехом увенчалось обращение в архив Гете — Шиллера в Веймаре с просьбой сообщить, сохранились ли письма русских корреспондентов Гете; вскоре получил фотографии 35 таких писем, в их числе — В. А. Жуковского, В. К. Кюхельбекера, А. И. Тургенева, художника Федора Толстого, обращенных к великому немецкому поэту. Узнав, что исследованием «Гете и русские люди в Веймаре» занимается живший тогда в Киржаче С. Н. Дурылин, я поехал к нему, передал все полученные мною фотографии из гетевского архива, и это, естественно, весьма обогатило исследование. Мы включили исследование в наш том, украшением которого оно явилось.

Многообразно содержание тома — в нем 1060 страниц и 357 иллюстраций,— превосходна работа Гознака. Все это стало как бы этапом в деле подготовки новых томов. Трудились мы самозабвенно и, казалось, без малейшей устали. На создание очередных томов, на редакторскую работу, на поиски неизданных материалов, на большую переписку с авторами, наконец, на общее руководство редакцией уходило по 10—12 часов в сутки. Большую работу вели С. А. Макашин и И. В. Сергиевский. Ведь за пять лет существования «Литературного наследства», кроме первых трех книг, мы выпустили в свет еще десять томов — в числе которых ряд тематически единых,— посвященных XVIII веку, Пушкину, двухтомник, посвященный Салтыкову-Щедрину.

— Особо известен знаменитый пушкинский том «Литнаследства». Расскажите, пожалуйста, как он рождался?

— Как большое культурное событие, оценила печать, в частности «Правда», выход в 1934 году, в преддверии столетия со дня гибели великого русского поэта, пушкинского тома. Он был великолепно оформлен Гознаком, количество страниц составило 1184, одноцветных иллюстраций — 328, вкладок — цветных 5 и фототипных 4. Хотя уже прошло 48 лет со времени выхода тома, до сих пор он является настольной книгой для тех, кто изучает творческий путь Пушкина и его эпоху.

Трудно рассказать подробно о содержании этого огромного тома, перечислю лишь заголовки семи разделов: проблемы изучения Пушкина; разыскания по истории творчества и биографии Пушкина; из неизданной переписки поэта; неизданные воспоминания о нем; сообщения; разработка литературного наследия и биографии Пушкина после Октября; хроника.

Вспоминаю об одной удачной инициативе. Я предложил просмотреть в архивных фондах Москвы и Ленинграда нетронутые источники сведений о Пушкине: неизданную переписку его родных, друзей и знакомых, дабы извлечь из этой переписки имеющиеся там упоминания о нем (ранее подобные разыскания не практиковались).

Результаты оказались весьма ценными: свыше 250 содержательных свидетельств о встречах и беседах с поэтом, о спорах с ним, отзывы о его произведениях были отысканы в письмах П. А. Вяземского к жене, в письмах к С. А. Соболевскому и М. П. Погодину, в переписке родственников Пушкина. И для некоторых последующих томов «Литературного наследства» были организованы подобного рода поиски, которые неизменно увенчивались успехом. Так, в 56-м томе дана подборка «Белинский в неизданной переписке современников». А в 58-м томе — «Пушкин, Лермонтов, Гоголь» — напечатаны коллективная подборка «Пушкин в неизданной переписке современников», в которой свыше 210 свидетельств о нем, а также весьма объемистая и превосходно выполненная подборка «Гоголь в неизданной переписке современников», которую подготовил Л. Р. Ланский. Он же создал еще две подборки — «Достоевский в неизданной переписке современников» (в 86-м томе — «Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования»), а также «Островский в неизданной переписке современников» (в первой книге 88-го тома — «А. Н. Островский. Новые материалы и исследования»). Под руководством Н. В. Котрелева было просмотрено свыше 5000 писем родных и друзей Александра Блока, а наиболее содержательные сведения о нем, отысканные в тех письмах, легли в основу огромной публикации «Блок в неизданной переписке современников» (третья книга 92-го тома). В настоящее время такого рода подборки готовятся для новых томов «Литературного наследства», в частности по Н. С. Лескову. А разработка темы «Горький в неизданной переписке современников», безусловно, приведет к весьма богатым результатам.

Я так подробно остановился на этих разысканиях потому, что они явились неким новаторством в поисках еще не тронутых документальных первоисточников. Ведь когда знакомишься с подобными материалами, невольно вспоминаются мудрые слова А. И. Герцена: «Письма больше чем воспоминания: на них запеклась кровь событий, это — само прошедшее, как оно было, задержанное и нетленное».

— Какие же тома вышли вслед за пушкинским?

— В увидевших свет в довоенные годы сборных томах были напечатаны запрещенные цензурой стихотворения А. И. Полежаева; пять философических писем П. Я. Чаадаева и проект его прокламации 1848 года; стихотворения и переписка Н. М. Языкова; дневник В. Ф. Одоевского; стихотворения и переписка Ф. И. Тютчева; письмо Т. Н. Грановского о революции 1848 года; письма и художнические работы Т. Г. Шевченко; о запрещенных и уничтоженных книгах В. В. Берви-Флеровского; переписка П. Л. Лаврова, в частности с Плехановым о Чернышевском; публикация «Гражданская смерть Достоевского» — здесь обнародовано 65 документов, в числе которых его стихотворения; письма И. А. Гончарова из кругосветного путешествия; неизданное литературное наследие Н. Е. Федосеева, который был, по словам В. И. Ленина, «одним из первых, начавших провозглашать свою принадлежность к марксистскому направлению».

Благодаря большой помощи Бориса Павловича Козьмина удалось создать и выпустить в 1936 году интереснейший том (№ 25—26), посвященный Добролюбову, Чернышевскому и другим представителям революционно-демократического движения.

Новым словом в советском литературоведении явился подготовленный нами с И. В. Сергиевским и вышедший в 1937 году том (№ 27—28), в котором рассматривались проблемы изучения русского символизма. Что касается публикаций, то здесь их было множество — по Валерию Брюсову, Александру Блоку, Андрею Белому. Редакторскую работу по трехтомнику «Русская культура и Франция» вел С. А. Макашин. В создание этого трехтомника, выявление и получение архивных и изобразительных материалов, выпуск в превосходнейшим гознаковском оформлении вложен и мой труд. В 1939 году появился толстовский двухтомник, а в 1941 году — герценовский, в работе над которым принимал деятельное участие Б. П. Козьмин.

Желая отметить столетие со времени гибели М. Ю. Лермонтова, мы с И. В. Сергиевским очень усердно готовили двухтомник, посвященный великому поэту. Первый том находился в производстве, когда наступил грозный 1941 год. Несмотря на большие трудности, том удалось выпустить, а второй вышел после окончания Великой Отечественной войны.

Еще в 1939 году «Литнаследство» перешло в систему АН СССР, а с 1959-го стало органом Института мировой литературы имени Горького АН СССР. На протяжении последних двенадцати лет главный редактор нашего издания — член-корреспондент АН СССР В. Р. Щербина.

Первое десятилетие существования «Литературного наследства» было временем становления этого издания — оно получило признание не только в нашей стране, но и у зарубежных славистов.

С той поры появилось много десятков томов «Литературного наследства», каждый из которых, говоря словами одного из рецензентов, открытие.

— Со времен выхода первого тома прошло пятьдесят лет. Тот период, когда штат «Литнаследства» составляли вы с машинисткой, давно миновал. Кто же участвовал и участвует в редакционной подготовке томов «Литературного наследства»?

— Я говорил, что в эту работу, начиная с гётевского тома, включились С. А. Макашин и И. В. Сергиевский. Большой утратой для нашего издания была кончина Ивана Васильевича в 1954 году. Настоящий товарищ и многогранный литературовед — таким он живет в нашей памяти. Много труда отдал и продолжает отдавать подготовке томов «Литературного наследства» С. А. Макашин. Около сорока лет с большим энтузиазмом относились к своей работе у нас Н. Д. Эфрос и М. И. Беляева. Превосходным тружеником зарекомендовал себя Л. Р. Ланский, ставший с 1945 года сотрудником редакции. Достойный вклад в подготовку многих томов на протяжении трех десятилетий вносила К. П. Богаевская. Усердно работал в нашем коллективе А. Н. Дубовиков. А в числе нынешних редакционных сотрудников «Литературного наследства» — Т. Г. Динесман, Н. А. Трифонов, Ю. П. Благоволина, Е. Г. Коляда и К. А. Афонина.

Более двадцати пяти лет над созданием томов «Литературного наследства» работает Л. М. Розенблюм, и ее труд всегда вызывает чувство сердечной признательности.

— Илья Самойлович, вы не только литературовед, но и автор «Парижских находок», искусствовед, исследователь творчества художника-декабриста Бестужева. Как совмещаете вы эту свою работу с выпуском томов «Литнаследства»?

— Подчас месяцами я не могу уделить времени собственной исследовательской работе, так как вынужден читать рукописи, верстку и просматривать сверку очередных томов. Ведь для того, чтобы объемистые тома нашего издания выходили равномерно, необходимо вести работу над тремя-четырьмя книгами одновременно. Огромное место в моей жизни занимает «Литературное наследство»!

Я уже упоминал, что с первого года существования «Литературного наследства» занялся поисками неизданных материалов по отечественной культуре, хранящихся за рубежом, путем запросов, переписки. Приведу лишь несколько примеров результатов этих запросов.

Для второго тома «Русская культура и Франция» получил фотографии хранящихся в отделе рукописей Национальной библиотеки в Париже и в библиотеке Французской Академии шестидесяти писем И. С. Тургенева к Гюставу Флоберу, Максиму Дю-Кану и Эдмонду Гонкуру. Из Нью-Йорка мне прислали автографы семи писем А. П. Чехова к лечившему его врачу И. Н. Альтшулеру и воспоминания этого врача о писателе, а из Парижа пришли две книги Чехова с его дарственными надписями Евдокии Коновицер, — все это опубликовано в чеховском томе «Литературного наследства», а в отдел рукописей Ленинской библиотеки я передал автографы и обе книги. Большой удачей смею считать получение из Колумбийского университета в Нью-Йорке фотографий хранящихся там девяноста трех писем А. М. Горького к Леониду Андрееву, а старший его сын, Вадим Андреев, живущий в Женеве, прислал мне фотографии находившихся у него десяти писем Горького к Леониду Андрееву. Именно эти 103 письма и явились основой 72-го тома — «Горький и Леонид Андреев. Неизданная переписка». На присланной мне своей книге «Детство», выпущенной в 1966 году издательством «Советский писатель», Вадим Леонидович сделал такую надпись: «Илье Самойловичу Зильберштейну с восхищением перед его неукротимой энергией и благодарностью за его великолепную работу над перепиской Андреева и Горького, с самым дружеским чувством. Вадим Андреев. 6 октября 1966 г. Женева».

Следующий наш том (73-й, в двух книгах) — «Из парижского архива И. С. Тургенева» — был почти целиком построен на хранящихся во французских архивах и личных собраниях интереснейших неизданных материалах, фотографии которых мне удалось получить. Осуществить это удалось благодаря многолетней переписке с директором Национальной библиотеки в Париже Жюльеном Кэном и помощи, оказанной главой французской школы славистов, иностранным членом Академии наук СССР Андре Мазоном. С ним меня связывала давняя дружба. Были присланы сотни фотографий, автографов нигде ранее не публиковавшихся произведений Тургенева, его дневника, переписки, литературной «Игры в портреты», в которой он принимал участие, заполняя лист за листом изображениями выдуманных лиц и тут же давая им словесные характеристики. Всего удалось выявить и получить фотографии около двухсот таких листов, 118 из которых принадлежали г-же Анри Больё, внучке Полины Виардо. Наконец, немало интересного отыскалось по Тургеневу в тогдашней французской периодической прессе — в частности, его статья «Выставка художника В. В. Верещагина», а также письма Тургенева благодаря каталогам антикварных фирм по продаже автографов.

Горестно вспоминать об одном из лучших томов «Литературного наследства», работа над которым длилась долгие годы. Том этот, являющийся исследованием академика М. П. Алексеева, называется «Русско-английские литературные связи. XVIII век — первая половина XIX века». Еще в 1946 году мне прислали из Эдинбурга, где хранится архив Вальтера Скотта, фотографии ему адресованных писем русских корреспондентов. Увенчались значительным успехом мои поиски в нашей стране материалов по русско-английским культурным отношениям. Все это я передал М. П. Алексееву, который в предисловии к своему исследованию вспоминает, что, увидев эти рукописи, он сразу же понял: их необходимо изучить и издать. Это были неизвестные исследователям автографические тексты произведений и писем Байрона, Вальтера Скотта и других английских писателей XVIII—XIX веков.

Напечатанная в 91-м томе «Литературного наследства» работа М. П. Алексеева является первым капитальным исследованием о русско-английских литературных связях. Мы глубоко скорбим, что труд М. П. Алексеева — наиболее фундаментальное его исследование — выходит в свет после кончины автора, выдающегося литературоведа, чье имя почтительно произносится не только учеными нашей страны, но и зарубежными филологами.

Из библиотеки Джакомо Фельтринелли в Милане я получил в свое время фотографии 15 писем А. И. Герцена к выдающемуся английскому поэту, публицисту и граверу Вильяму Линтону. Эти фотографии поступили в готовившееся тогда собрание сочинений Герцена, где впервые они и были опубликованы. Перечень этот можно продолжать и продолжать.

— Известны пражские и многие другие зарубежные связи «Литнаследства». Расскажите о них.

— Да, это так. К самым неожиданным, уникальным результатам привела переписка с заведующим русским отделом Славянской библиотеки в Праге В. Н. Тукалевским. Было известно, что в 1913 году Тукалевский вместе с В. И. Срезневским выпустил книжку «Толстовский музей в С.-Петербурге. Краткое описание музея».

В конце 1932 года я получил от незнакомого мне лично В. Тукалевского оттиск его статьи «Культурная хроника. Гётевские празднества в славянских странах», напечатанной в № 3 пражского журнала «Славише Рундшау» за 1932 год с дарственной надписью, а в начале 1934 года оттиск его обширной статьи «Гёте в Советской России», целиком посвященной нашему гётевскому тому; статья появилась в славяноведческом сборнике, вышедшем в Праге в 1933 году.

С той поры и началась наша интенсивная переписка. Я посылал в Чехословакию новые тома «Литературного наследства», а в Москву приходили сведения о находящихся в Праге автографах великих русских писателей. Именно тогда мы впервые узнали о существовании в Праге Русского заграничного исторического архива. Мое внимание привлекли сведения о хранящихся в архиве бумагах Герцена и Огарева. А так как тогда готовились толстовские тома, я попросил Тукалевского выяснить, нет ли в тех бумагах писем Л. Н. Толстого. Вскоре пришли фотографии трех писем, отправленных Толстым Герцену в 1865 году. Тексты этих писем были затем опубликованы в «Литературном наследстве», а фотографии переданы в московский Государственный музей Л. Н. Толстого.

Прошло немного лет, и Чехословакию оккупировали фашисты. Затем они напали на Советский Союз. Когда же советские войска приступили к освобождению Чехословакии, у меня возникла тревожная мысль о том, что, отступая из Праги, гитлеровцы могут все там уничтожить, как это произошло в Варшаве. Я сразу же написал подробную докладную записку «О переводе в СССР Русского заграничного исторического архива» и в тот же день передал ее академику С. И. Вавилову.

9 мая советские войска освободили Прагу, спасли ее от возможного вандализма. Тосканский дворец, в котором находился Русский заграничный исторический архив, был взят, как сообщили С. И. Вавилову, под охрану. Затем чехословацкое правительство всю эту огромнейшую массу рукописей передало в дар Академии наук СССР, поместившей его на хранение в Центральный государственный архив Октябрьской революции.

В томах «Литературного наследства» обрели и продолжают обретать жизнь материалы из фондов Русского заграничного исторического архива. Так, бумаги Герцена и Огарева легли в основу трех томов, бумаги Лескова войдут в состав посвященного ему двухтомника.

И по сей день я делаю все возможное, чтобы способствовать возвращению на Родину находящихся за рубежом архивов русских писателей, автографов наших прославленных революционеров и деятелей общественной мысли, книг с дарственными надписями или редчайших отечественных старинных изданий, отсутствующих в наших лучших библиотеках, произведений русской живописи и графики. В крайнем случае стараюсь получить фотографии всего того, что представляет интерес для истории литературы и изобразительного искусства нашей страны.

Многое из добытого за рубежом войдет в дальнейшие тома «Литературного наследства», а также в ряд готовящихся изданий, посвященных публикации творческих и эпистолярных документов выдающихся деятелей русской культуры.

Могу сообщить, что в результате трех поездок во Францию и одной в Монако удалось вернуть на Родину большое количество реликвий русской культуры, причем за тремя исключениями они были получены безвозмездно. Все это поступило в семнадцать архивов, отделов рукописей, библиотек, музеев нашей страны, в том числе около 18 000 документов — в Центральный государственный архив литературы и искусства СССР.

— Над какими очередными томами работает сегодня редакция «Литературного наследства»?

— Что касается тех очередных томов, в создании которых мы с Л. М. Розенблюм принимаем участие, то вот их краткий перечень. В издательство «Наука», выпускающее наши книги свыше сорока лет, сдан том «Первая завершенная редакция «Войны и мира». Чтобы восстановить эту редакцию, Э. Е. Зайденшнур пришлось изучить свыше 5000 листов рукописного фонда романа. И в результате ее большого труда теперь читатели впервые смогут ознакомиться с первой редакцией великого творения Л. Н. Толстого. На протяже-

Я. Крыжевский. Род. 1948. ДЕНЬ, ВОСХОДЯЩИЙ В ЗАВТРА. 1981.

А. Власов. Род. 1952. НОВАЯ КАМПУЧИЯ. 1981.

нии десятилетий тесно связанный с «Литературным наследством» академик М. Б. Храпченко, входящий и ныне в состав редколлегии этого издания, посоветовал нам создать новые горьковские тома. И теперь вместе с Архивом Горького ведем работу над двухтомником «Неизданный Горький», куда войдут, кроме впервые публикуемой переписки Алексея Максимовича, его остававшаяся неведомой публицистика, а также открытые письма в редакции газет и журналов, интервью, дарственные надписи на книгах (в подготовке двухтомника принимают участие Н. И. Дикушина и Е. Г. Коляда). Уже начали мы выявлять материалы по теме «Горький в неизданной переписке современников», и у меня нет сомнений, что их наберется на два больших тома. Таким же, несомненно, будет и объем предпринятой нами по предложению директора Института мировой литературы, члена-корреспондента АН СССР Г. П. Бердникова работы по созданию уникального коллективного труда — «Чехов и мировая литература». Десятки зарубежных исследователей не только положительно откликнулись на предложение участвовать в этом издании, но свыше тридцати из них уже прислали свои разыскания, в которых, в частности, приводятся сведения о переводах произведений Чехова, откликах критики, о постановках пьес, о влиянии Чехова на литературу данной страны... Разыскания подобного рода свидетельствуют, что в настоящее время безгранична популярность произведений Чехова во всем мире. Опять-таки двухтомником станет выявленное по теме «Н. С. Лесков. Новые материалы и исследования» (в этой работе деятельное участие принимают К. П. Богаевская и А. Д. Романенко). Широко развернулись предпринятые нами поиски для тома «Анна Ахматова. Новые материалы и исследования».

В дальнейшем намечаю выпуск еще трех томов: «Неизданный Константин Федин», «Русская сатира первых десятилетий XX века. Неизданное и забытое», «Новое о Марине Цветаевой». В основу двух последних томов будут положены материалы, привезенные или полученные мною из-за рубежа.

Особо хочется отметить подготовленный сотрудниками Ленинской библиотеки фундаментальный двухтомник «Литературное наследство» за пятьдесят лет. Путеводитель». Он охватывает 90 номеров нашего издания, в которых около 50 000 страниц, свыше 12 000 иллюстраций, а количество исследователей, принимавших участие в этих книгах, доходит до тысячи.

Итак, позади полвека работы. Замечательное издание сыграло огромную роль в культурной жизни. «Литературное наследство» нашло широкий и благодарный отклик и у всех читателей, интересующихся историей отечественной культуры, и у специалистов самого высокого уровня.

Около 450 статей и рецензий появилось в нашей и зарубежной печати о вышедших томах «Литературного наследства». Были, конечно, и критические отклики, но они буквально единичны. А 99 процентов этих статей и рецензий давали высокую оценку отдельным книгам «Литературного наследства» или изданию в целом. Приведем лишь несколько примеров.

В статье Александра Фадеева «О литературной критике», напечатанной в 1947 году в журнале «Большевик», имеются такие строки: «Новое представление о классиках в значительной части воспитано советскими литературоведами. Показателем этого может служить недавно вышедший прекрасный некрасовский сборник «Литературного наследства», прекрасный и по подбору архивного материала и по сопровождающим статьям». В том же году на заседании ученого совета Института русской литературы, посвященном докладам о перспективных планах «Литературного наследства», выступавший в прениях академик В. М. Жирмунский сказал: «Все, здесь присутствующие, единодушны в оценке «Литературного наследства». Это прекрасное издание». А в заключение Виктор Максимович отметил одну особенность нашего труда по созданию томов «Литературного наследства»: «Я хотел бы как автор и от лица многих авторов, присутствующих здесь, поблагодарить издание за работу, потому что издание не только давало нам возможность печататься, но и помогало нам самую работу делать, собирая материалы, на которых строились дальнейшие наши самостоятельные изыскания».

А в 1973 году на VII Международном конгрессе славистов в Варшаве, после доклада И. С. Зильберштейна «Вклад «Литературного наследства» в изучение истории русской литературы и общественной мысли», известный австрийский русист, профессор Г. Витженс сказал в прениях слова, которые являются высшей оценкой полувекового труда редакции этого уникального издания: «Все мы вышли из «Литературного наследства».

Беседу вел А. БАСМАНОВ.

К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЛАДИМИРА КАРПОВА

ЭТОТ БОЙ НИКОГДА НЕ КОНЧАЕТСЯ...

Его путь к воинской славе и широкому литературному признанию был не легок. Писать он начал еще в школе, а на фронт попал девятнадцатилетним пареньком, рядовым бойцом. Войну закончил Героем Советского Союза — на счету разведчика Владимира Карпова было 79 «языков». После войны служба в армии, учеба — по военной линии и по линии писательской, литературной. Прослужив четверть века, уволился из армии в звании гвардии полковника уже будучи членом Союза писателей СССР, автором нескольких книг. Наиболее известные из произведений Владимира Васильевича — «Двадцать четыре часа из жизни разведчика», «Маршальский жезл», «Командиры седеют рано», «Взять живым!». Новая его работа «Полководец» получила широкий общественный резонанс. Как писатель В. Карпов формировался под непосредственным наблюдением прекрасных учителей К. Федина, К. Паустовского, А. Чаковского.

«Долго ждал я хорошего романа на темы армейской жизни в мирных условиях. И наконец дождался»,— написал однажды о книге Карпова Валентин Овечкин. А вот мнение Маршала Советского Союза И. Х. Баграмяна: «Прочитал повести Владимира Карпова, и первое, что захотелось воскликнуть,— как быстролетно время! Кажется, совсем недавно я, будучи командующим Первым Прибалтийским фронтом, встречал в разведывательных сводках фамилию старшего лейтенанта Карпова. И вот он, тот же самый лихой, смелый разведчик, теперь известный писатель. Нам всем очень повезло, что Владимир Карпов остался жив, пишет для нас и для нового поколения замечательные книги... Произведениям Владимира Карпова предстоит долгая жизнь...»

— Для того, чтобы написать новую книгу, мне не нужно ехать в командировку. Я провел в армии почти всю жизнь. Но и сегодня, чтобы держать сухим свой писательский порох, чтобы быть в курсе всей жизни современной армии, я бываю в войсковых частях, дружу с ракетчиками, летчиками, моряками. Корреспондентом «Красной звезды» побывал на учениях «Запад-81». Меня считают писателем военной темы. Может быть, это и так, но мне думается, что книги об армии воспитывают не только солдат и офицеров, но и самые широкие слои наших читателей всех возрастов и поколений. Ведь воспитательная работа — это вечный бой. Он никогда не кончается, в нем нет имитаций и условностей. Он всегда настоящий. И еще одна особенность этого боя: в нем не погибают, а рождаются люди...

Мы беседуем с известным писателем, секретарем правления Союза писателей СССР, главным редактором журнала «Новый мир» В. В. Карповым. В эти юбилейные дни писатель вспоминает свою фронтовую молодость, подытоживает сделанное в литературе, задумывается о новых произведениях. Все они связаны с войной, с нашей великой победой.

— Владимир Васильевич, вы один из немногих членов Союза писателей СССР — Героев Советского Союза. Как отразились ваши личные боевые дела в годы Великой Отечественной войны на страницах ваших книг?

— Читатель, знакомый с моим романом «Взять живым!», помнит его героя Василия Ромашкина, которому я во многом «подарил» свою фронтовую биографию. В частности, в романе воспроизводится один из эпизодов, очень рискованный и опасный, моей разведслужбы.

Перед выполнением этого задания меня инструктировал командующий 3-м Белорусским фронтом генерал армии Иван Данилович Черняховский. В то время штаб фронта очень интересовала оборона противника в районе Витебска. От данных о ней многое зависело, в первую очередь жизни десятков тысяч советских людей — солдат и офицеров. Так вот, меня пригласили к Черняховскому. Я, признаться, очень волновался.

«В Витебске вас ждут,— сказал Черняховский.— Там наши товарищи подготовили фотопленки со снимками вражеской обороны. Но передать их нам не могут. От переднего края до города километров восемнадцать. Это тактическая зона, она насыщена войсками. Прыжок с парашютом исключается. Группой добраться трудно, поэтому пойдете один. Помните: каждую минуту мы будем следить за вами, чтобы оказать помощь, если понадобится. К выполнению задания приступайте сегодня же. Время не ждет».

«Ясно, товарищ командующий!» — ответил я. Иван Данилович пожал руку и сказал:

«Нелегкое тебе предстоит дело. Будь осторожен! Помни, что разведчик должен обладать горячим сердцем и холодной головой».

Той же ночью я благополучно миновал немецкие позиции и добрался до Витебска. Удалось разыскать нужных людей и получить от них все, что требовалось. В городе чуть было не попался в руки патрульных. Однако удалось уйти. Возвращаясь, вблизи передовых позиций врага наткнулся на часового. Успел стукнуть его пистолетом по голове, но он закричал. Немцы подняли тревогу. Заговорили фашистские пулеметы. На них обрушила огонь наша артиллерия. Пуля настигла меня за проволочным заграждением. Собрав последние силы, я добрался до первой траншеи. И тут потерял сознание...

— В литературе последнего времени определилась тенденция более широкого осмысления событий Великой Отечественной войны, разных ее этапов, роли высшего командного состава в руководстве боевыми действиями. Что вы об этом думаете?

—Действительно, осмысление событий войны становится все шире, глубже, масштабнее. Правильно сказал поэт: большое видится на расстоянии. В годы войны и сразу после нее романы, повести, рассказы писались по горячим следам — это было необходимо. С годами, с опытом осмысления военной истории писательский взгляд на войну трансформировался. О чем, например, я мог писать двадцатитрехлетним парнем, кроме того личного, что пережил на фронте? Лично пережитое—это, конечно, для писателя немаловажное, но все-таки этого недостаточно, чтобы осветить события всеохватно, сделать определенные обобщения. Уже после войны я окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе, Высшие академические курсы Генерального штаба, Литературный институт имени Горького. Я проработал несколько лет в Генштабе, командовал полковыми подразделениями, служил в далеких гарнизонах, общался со множеством очевидцев войны, фронтовиками, многое передумал. И, конечно же, все это, вместе взятое, дало мне возможность по-своему, особым глазом взглянуть на нашу великую Победу и все что ей предшествовало.

Беседу вел Ф. МЕДВЕДЕВ.

Анатолий ИВАНОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки М. ПИНКИСЕВИЧ

ПОВЕСТЬ О НЕСБ

1

Валентин Михайлович Чернышов, известный на всю страну писатель, давным-давно удостоенный всех возможных почетных званий, государственных наград и премий, стоял на высоком яру. Сверху отчетливо различалось высохшее русло небольшой речки, засыпанное белесым песком, мелкой галькой и во многих местах поросшее травой. Стеблистая, почти без листьев трава росла пучками, берега исчезнувшей речки были покрыты тоже всякого рода чахлой растительностью, поближе к ярам торчали жиденькие кустарники.

Рядом с Чернышовым стоял Сапожников Леонид Гаврилович, его друг и товарищ с детских лет, учитель и директор местной школы. Ни слова не сказав ему, Чернышов повернулся и пошел в сторону крутого спуска к бывшей речке. Несмотря на то, что спуск был каменист и тверд, словно кость, узкая тропинка тоже во многих местах затравенела, ибо люди ею почти не пользовались.

Исчезнувшая речка звалась Белояркой, потому что текла когда-то меж крутых яров с выпиравшими из земли известняковыми глыбами, по ней и возникшую в незапамятные времена деревеньку наименовали Белояркой, и весь район назывался Белоярским. Это была родина Валентина Михайловича Чернышова, здесь он родился и, как говорится, крестился, тут окончил среднюю школу, а потом, в голодном сорок шестом, уехал на учебу в Новосибирск. Теперь же, где-то еще с середины пятидесятых, живет в Москве, но почти каждый год приезжает в родную Белоярку, ставшую после войны большим районным селом.

Еще в прошлом году умирающая речка немного дышала, по камешкам, хоть и едва-едва, сочилась вода, а нынче русло высохло совершенно. Сбежав вниз, Чернышов встал посреди него, топчась на песке, поворачивался то в одну, то в другую сторону, будто все еще удивляясь, что с верховьев вода больше не течет, что остатки влаги скатились вниз без остатка.

Сапожников тоже сошел вниз, и, когда остановился возле Чернышова, тот воскликнул:

— Чудовищно! Мы сами себе роем могилу.

Сапожников, не однажды бывший свидетелем различных эмоциональных состояний своего друга детских лет, только грустновато усмехнулся.

— Нынче с самой середины лета дождей не было,— тихо сказал он.— Вот и высохли последние капли.

— При чем тут были дожди или не было дождей? Там, где шумели когда-то древние цивилизации, ныне простираются пустыни.

— Ну, не везде так, обобщать не надо,— сказал Сапожников.— Но планета наша, видимо, сохнет, воды становится все меньше.

— Видимо... Без всяких «видимо»,— опять начал горячиться Чернышов.— Ученые и писатели давно бьют тревогу, что варварски сводятся леса, уничтожается травяной покров, нарушается структура почв, бездумно проводятся мелиоративные работы. Поговаривают даже о возможности переброски части сибирских вод на юг. Это может вызвать какие-нибудь необратимые природные процессы... для людей, для земли...

Чернышов Валентин Михайлович, несмотря на шестой десяток, по-юношески стройный и подтянутый, как-то сразу вдруг отяжелел, еще потоптавшись на песке, он медленно опустился на бережок сухого русла.

Стоял на земле конец сентября, золотое время, если погода теплая и солнечная. Погода как раз и была такой. Небо, то ли оттого, что уже утратило голубизну, или по той причине, что поредели в нем птицы, стало еще выше и безбрежнее. Все просторнее становилось и на земле, потихоньку сгорали на ней леса и перелески. Деревья, росшие отдельно, тоже сыпали вниз янтарные угли, эти угольки медленно гасли, а сверху подсыпались и подсыпались свеженькие.

Чернышов любил и понимал природу. Из всех времен года он, как Пушкин, больше любил осень, из всех состояний земли он лучше всего понимал и умел выразить в повестях и рассказах вот эту ее высокую осеннюю целомудренность, когда она, очищаясь от пыльных летних бурь, отдыхая от буйных огненных гроз, готовилась к чему-то огромному и таинственному, как сон, как небытие. Таких теплых и светлых сентябрьских дней в иной год и не бывает, тогда Чернышов чувствует себя усталым и будто обкраденным, душа его стонет от обиды и надолго закрывается для восприятия тех главных, тех единственных красок, звуков, запахов, которые ему надо услышать, чтобы отразить их потом в своих произведениях. В такие времена он бывает хмур, раздражен, избегает друзей, говорит грубости. В душе он был музыкантом и, пытаясь победить такое свое состояние, включая магнитофон, без конца слушал обожаемых им Бетховена, Глюка, Вебера, Гайдна, Генделя, Россини. Но великая музыка их вдруг начинала казаться ему примитивной, нисколько не выразительной, а главное — чужой, и в памяти сами собой всплывали все те саркастические слова, которыми эти гиганты награждали друг друга: Россини говорил, что музыка Вебера вызывает у него колики, Гайдн называл Бетховена всего лишь великим пианистом, а Гендель всерьез убеждал друзей, что его повар лучший музыкант, чем Глюк... И Чернышову на время казалось, что и Россини, и Гайдн, и Гендель, увы, правы. Валентин Михайлович слушал, наконец, самого Мусоргского, которого ставил на самую высшую точку мировой музыкальной пирамиды, а у Мусоргского — величайшее из величайших, по его мнению, творений — «Рассвет над Москвой-рекой» из так и не законченной им «Хованщины». Но и здесь слышал нагромождения беспорядочных тягучих звуков, унылый и бессмысленный плач флейт и скрипок. Но зато если сентябрь был солнечный и теплый, в душе его открывалась не одна дверца, а все, сколько там их ни было, он весь превращался в какую-то ненасытную губку, в него обвалом лилась и лилась гремящая на тысячи мелодий музыка всего этого бесконечного и непонятного бытия.

А сейчас ни одна дверца не открывалась, хотя и было много теплого осеннего солнца, никаких мелодий он не слышал. Как бы ни велики были любимые им композиторы, их музыка была ничто в сравнении со звуками обыкновенного ручья. Речка Белоярка как раз и была большим ручьем с неширокими перекатами, с небольшими, хотя и довольно глубокими омутками и заводями. В весенние паводки она гремела и ревела, но этого шума Чернышов не любил. Зато летом и особенно осенью, когда воздух чист и легок до того, что малейший шорох разносится на сотни шагов, Белоярка нежно позванивала и на сотни мелодий пела бесконечную и в каждое мгновение всегда новую свою песню.

«Бесконечную...— усмехнулся Чернышов.— Веками текла она по земле, поила людей и зверей. И вдруг стала слабеть, мелеть с каждым годом и вот исчезла. А как написать об этом? Как создать прозаическую поэму о гибели целой речки?»

Чернышов подумал, что композитору сделать это было бы проще. Вот у Мусоргского по мере наступления рассвета Москва-река звенит и поет все чище, все радостнее и торжественнее, во всяком случае, он, Чернышов, слышит в музыке все нарастающий, все более певучий звон прозрачной и текучей речной воды. Здесь же надо делать все наоборот, наоборот... И когда затихнет последний всплеск ручья, когда мучительно умрет песня живой воды, каждый инструмент оркестра должен исторгнуть человеческий стон — в музыке должна прозвучать не выразимая никакими словами человеческая боль по поводу этой уже никогда не восстановимой потери, которая обездолила не только живущих на земле сейчас, но все последующие человеческие поколения...

И Валентин Михайлович Чернышов, как бывало уже не раз и не десять раз, пожалел, что не стал профессиональным музыкантом, ему всегда казалось, что он мог бы стать выдающимся композитором и сделать в музыке намного больше, чем сделал в литературе.

Да, «чем сделал в литературе...». Эта мысленная фраза задержалась в сознании, причинив щемящую боль в сердце. И раньше, давненько уже, подобные мысли приходили ему в голову, вызывали какие-то неприятные и неосознанные ощущения, портили настроение, но сегодня боль в сердце была настоящей и острой, и Чернышов достал таблетку валидола.

— Тебе плохо?— тотчас вскинул брови Сапожников.

— Да нет... Это я для профилактики,— улыбнулся Чернышов, но как-то мучительно, через силу и снова стал угрюмым.

Помолчав так некоторое время, он вдруг произнес:

— А я ведь знаю, Леонид, ты не высоко ставишь мои литературные творения.

— Вот это... сказал!— растерялся Сапожников, уронил неловкий смешок.— Тебя знает вся страна, твои книги издаются за рубежом.

«Меня знает вся страна, мои книги издаются за рубежом,— уныло думал Чернышов.— Это верно. Но это еще не значит, друг мой Ленька, что их высоко ценят. И ты вот не стал сейчас убеждать меня в этом. Ты лишь сказал очевидное. И не ты первый мне это сказал. А кто же? Да, действительно, кто же? Или мне лишь кажется, что кто-то об этом говорил раньше?»

Но вопрос этот, возникнув, исчез. Чернышов стал думать, что Ленька Сапог, как он называл его в юности, да и теперь частенько так именует, никогда не высказывал восторгов по поводу его произведений. На присланные ему и его жене Марии Ивановне книги с автографами он каждый раз откликался благодарностью, при встречах поздравлял с выходом новых повестей и рассказов, прибавляя при этом что-нибудь шутливое, вроде: даешь, мол, прикурить этим самым радетелям дряхлых деревень с их курными избами. И по таким даже самым общим фразам чувствовалось, что все его книги Сапожников читал. «Ну, а все-таки что тебе нравится в моих вещах, а что нет?»— спросил однажды Чернышов напрямик. И Сапожников уклончиво ответил: «Видишь ли, я физик по образованию, в литературе разбираюсь плохо. О книгах твоих спо-

рят, это, наверное, хорошо». Даже здесь — не просто «хорошо», а, «наверное, хорошо». Но увы, о его рассказах и повестях не спорили. Лишь о первых его произведениях в газетах и журналах появлялись разноречивые мнения, но это было еще до переезда в Москву. Здесь он встретился с Сеней Куприком, работавшим в одном захудалом литературном журнальчике. Встретился в ресторане Дома литераторов, куда робко зашел пообедать. Он не доковырял еще какой-то салат, как к столу подошел невысокий, полноватый, но юркий человек с темными острыми глазами и огромным пустым портфелем. «Если не ошибаюсь, В. Чернышов?» «Да...» — несмело сознался Чернышов. «Узнал вас по портрету в книге. Я читал вашу последнюю удивительную повесть «Ненастье». «Так уж и удивительную?» Хотя он и возразил таким образом юркому человеку, все равно приятно было слышать похвалу в адрес своей повести, которая в прессе получила разноречивую оценку и в общем-то, к обиде Чернышова, не очень лестную. И этот человек с острыми глазами будто почувствовал обиду Чернышова, проговорил: «Читал я также критику на вашу повесть и с большой ее частью не согласен». «Ну, критики — это такой народ... Им не укажешь». «Да?» — строго не то спросил, не то возразил человек с пустым портфелем. — Без указаний жизнь невозможна. Позвольте представиться — Семен Куприк, тоже в некотором роде критик». Сказав это, в некотором роде критик замолчал. Стоял и сверлил Чернышова колючими зрачками. И как-то само собой у Чернышова сказалось: «Если располагаете временем, присаживайтесь». «Временем располагаю, — сказал Куприк. — А деньгами, извините, нет. Я постоянно беден, как церковная крыса». Произнес это он с такой интонацией, что Чернышову стало неловко и за свое приглашение и за то, что у этого полнеющего, с виду благополучного и сытого человека нет денег. «Да что вы, раз я приглашаю... У меня есть», — сказал Чернышов, встал и пододвинул ему стул...

Часа через два, пьяненькие, они ввалились в квартиру Куприка, грязную, давно не ремонтировавшуюся, расположенную где-то в запутанных переулках старой Москвы. «Живу, брат, один как перст, убирать некому, поэтому того... немного неуютно у меня, — говорил Куприк, опоражнивая портфель от коньячных бутылок и свертков. — А я, знаете, Валя, люблю помогать молодым талантам. Кроме того, вы нравитесь мне как человек. И я не позволю, чтобы вас критиковали теперь в печати. Не позволю...»

И с тех пор его произведения не критиковали, о его рассказах и повестях не спорили. Их просто хвалили, сперва осторожно и сдержанно, а потом все восторженнее...

2

— Что наша Белоярка?! Мелеют Обь, Енисей, Лена, Волга... Недавно я был в верховьях Дона, в сельце Монастырщина, там, где шестьсот лет назад войска великого князя Дмитрия Ивановича переправлялись через реку, чтобы вступить в битву с ордами Мамая. Мария Ивановна, как историк, знает, что тогда через Дон были построены мосты, а после переправы русских войск, чтобы ликвидировать возможность отступления, мосты были сожжены. А сейчас Дон в том месте — лошади по колено, ширина его ну метров с пятнадцать. А то и меньше.

— Неужели? — не поверила Мария Ивановна.

— Именно! А речки Смолки, куда упиралось левое крыло русских войск, вообще нету. Давно высохла, русло ее затравенело, там деревенские козы да гуси пасутся.

— А что тебя занесло туда? — спросил Сапожников. — Никак о Куликовской битве что-то пишешь?

— Пишешь... — вздохнул невесело Чернышов, отодвинул пустую чайную чашку. — Спасибо. Пойду к себе в гостиницу.

— Мы с Машей тебя проводим, — сказал Сапожников.

Леонид Гаврилович и Мария Ивановна жили в стандартной двухкомнатной квартире неподалеку от школы, их дети — дочь и сын — выросли, дочь была замужем за агрономом

ЫВШЕЙСЯ ЛЮБВИ

местного колхоза, сын оканчивал тот же педагогический институт, в котором учились в свое время и Чернышов, и Сапожников, и Мария Ивановна, бывшая тогда Машей Дмитренко.

Родители Маши были выходцами с Украины, отец, как и у Чернышова, погиб в конце сорок второго под Сталинградом, а через год сгорел худенький домишко, в котором она жила с матерью. Несчастье случилось поздним зимним вечером, часов в десять. Маша сидела за обеденным столом и готовила уроки, перед ней стояла старинная, расписного фарфора лампа, заправленная бензином с солью. Керосина не было, мать за ведро картошки выменяла у кого-то литра четыре бензина, его крепко посолили, ибо считалось, что так пользоваться им более безопасно. Соленый бензин горел в лампе с громким треском, пламя сильно вздрагивало, по комнате метались темные всполохи. Но все же это было освещение, только вот лампа при пользовании бензином почему-то сильно раскалялась, мать то и дело говорила: «Долго-то не жги, лопнет, язви ее, так заживо спалимся». Опасения матери были не напрасны, лампа вдруг разлетелась с треском, на столе вспыхнул огненный шар, отшвырнул девушку прочь, обрызгав и деревянные стены горящим бензином. Мать, лежавшая уже в постели, сорвалась с кровати, подскочила к ведру с водой, стоящему у печки, окатила корчившуюся в огне дочь.

Дом Дмитренков стоял рядом с чернышовским. Когда Валентин выскочил на улицу, у горящего дома метались люди с ведрами, бегали метров за двести к речке, черпали из проруби воду, выплескивали ее на взявшиеся сплошным пламенем стены. Возле дома стояла на снегу завернутая в ватное одеяло Маша Дмитренко, ее мать сидела рядом на стуле, обе молча и мрачно глядели, как погибает в ненасытном пламени их сиротское жилье.

Это одеяло, этот стул только и были вынесены из огня. Да из горящего хлева спасли корову. Когда огонь взметнулся над поветями, мать Валентина закричала: «Валька, корова-то вон орет! Отмахни ворота живо, скорейча!» Валентин бросился к хлеву, дощатые ворота были заложены изнутри на деревянный засов. Тогда Валентин кинулся домой, схватил топор, снова подбежал к запертым воротам, за которыми обезумело металась корова, высадил несколько досок, просунул руку, отодвинул засов. Шерсть на корове уже дымилась, животное ринулось из хлева, едва не стоптав Валентина.

Мать увела погорельцев к себе в дом, да так Дмитренки у них и остались. У Чернышовых главным богатством тоже была корова, поэтому последние полтора военных года, самые суровые и голодные, они прожили хоть и в тесноте, но более или менее сытно.

Маша Дмитренко была девчонкой несмелой, застенчивой, а после пожара стала какой-то пугливой. Большей частью она таилась от всех по укромным уголкам, готовилась там к урокам, читала книжки или просто сидела и задумчиво смотрела куда-то перед собой. Руки она по привычке прятала под фартук или под платок. Буквально за секунду до того зловещего мгновения, как лопнуть лампе с бензином, она положила обе ладони на лицо и стала тереть слипающиеся от усталости глаза. Этим она спасла себе лицо и зрение, но тыльные стороны ладоней, опаленные пламенем, взялись сплошными волдырями. «Господи!— без конца повторяла ее мать, смазывая руки дочери каким-то жиром.— Да ведь есть ты, есть на небушке! Спасибо тебе от нас, горемычных. Каково бы девке без глаз-то... А язвы на руках заживут, доченька, и опаленные волосы отрастут».

Наполовину сожженные волосы отросли, и язвы на руках зажили, только от солнечных лучей тыльные стороны ладоней каждую весну покрывались какими-то белесыми пятнами. Поэтому Маша и привыкла прятать руки от солнца, а заодно и от людей.

Перед концом войны, зимой сорок пятого, учась еще в восьмом классе, Маша вдруг обнаружила, что она красива и что сидящий на задней парте Ленька Сапожников начал оказывать ей различные знаки внимания: то на уроке пульнет бумажным катышком в нее, то на перемене плечом ненароком заденет... А как-то сказал: «Слушай, попроси у меня чего-нибудь». «Зачем?»— удивилась она. «Ну, так! Ты попроси, а я сделаю для тебя». «Ну, ладно...— И поковыряв носком снег, проговорила:— Достань мне книжку одну почитать. «Три мушкетера» называется». «Сделаю»,— сказал он. «Ой, не хвались! Где ты ее достанешь?!» «Не знаю. Буду искать».

В те суровые военные годы художественной литературы было мало, а о «Трех мушкетерах» просто ходили легенды — не то у кого-то в деревне есть эта книга, да владелец держит ее под замком, не то составлена на книгу такая очередь желающих почитать, что последним придется ждать до глубокой старости. Поэтому Маша не поверила Ленькиному обещанию, а со временем забыла даже об этом разговоре.

Сапожников жил с родителями на той же улице, что и Чернышов с Дмитренками, только в дальнем ее конце, на самом краю деревни. С Валькой Чернышовым, учившимся на класс вперед, они дружили с давних пор, и с давних пор было установлено, что Ленька, идя в школу, громким свистом вызывает из дома своего дружка. К этому сигналу привыкла и Маша, она хватала облезлый портфель, выбегала одновременно с Валькой на свист, и так втроем из года в год — и когда Маша жила еще в своем доме и после пожара — они и ходили в школу.

Но однажды многолетний, установленный когда-то сам собою порядок нарушился. На привычный сигнал Валентин вышел в тот день чуть попозже Маши Дмитренко. Стоял конец апреля, день был солнечный и веселый, отовсюду уже лезла зелень. Когда появился Валентин, Сапожников Ленька передавал Маше какую-то толстую книжку без обложки, с разлохмаченными страницами. «Ой, спасибо, Лень, я прочитаю быстро, нисколько не задержу»,— говорила радостно Маша.

Валентин подошел хмурый, молча взял из рук Маши книгу. «Три мушкетера» это,— радостно сказала она.— Полгода мне ее Леня доставал». «Вижу, что «Три мушкетера»,— сказал Валентин.— То-то побежала ты... Я еще подумал: как бы не запнулась». «Чего?»— оторопела она. «Ничего. Четвертый, гляжу, мушкетер объявился»,— ответил Валентин, отдал Маше книгу, повернулся и пошел.

Он шел вдоль улицы, не оглядываясь, Леонид и Маша растерянно топтались на месте, у Маши глаза переполнились слезами. Она чувствовала, что Валентин чем-то оскорбил и ее и Леньку. И надо было ему соваться именно сейчас с этой книгой.

«Возьми ты ее назад, не надо мне!» — И она сунула растрепанную книгу в руки Сапожникову.

Леонид взял ее молча, только в глазах его заплескалась боль. «И еще я, еще я, дура несусветная, обидела вот Леньку!»— мелькнуло в ее сознании, и, понимая это, все равно остановиться не могла, закричала ему в лицо: «Отвяжитесь вы от меня! И ты и он... Отвяжитесь!» И, зарыдав, убежала обратно в дом.

А Ленька, постояв немного в одиночестве, двинулся прочь. Но пошел не в школу, не домой, а так, неизвестно куда. Свернул в ближайший переулок, вышел на соседнюю улицу, пошагал на окраину, неся в одной руке сумку с учебниками, а в другой злополучных «Трех мушкетеров».

Жизнь с тех пор протекла длинная...

Мария Ивановна, идя рядом с мужем и Чернышовым вдоль улицы, на которой прожила всю жизнь, вдруг вспомнила все это. Нет, никаких чувств, кроме дружеских, меж Марией Ивановной и Чернышовым давным-давно нет, все затушило и затерло безжалостное, а может, и мудрое время, она нашла единственное свое счастье с Леонидом Сапожниковым. А вот Чернышов Валя, с грустью подумала она, не нашел его со своей Ниночкой, Ниной Васильевной, и он, несмотря на свою громкую славу и благоустроенную жизнь там, в Москве, в сущности, никем не любимый и несчастный человек.

В первые же послевоенные годы рядом с домом Чернышовых была построена новая двухэтажная школа из красного кирпича, в которой и директорствовал сейчас Сапожников, обветшалое бывшее жилье Чернышовых снесли, разбив на месте усадьбы школьную спортивную площадку. Вдоль улицы, на которую выходили когда-то два окна и крыльцо чернышовского дома, тянулась сейчас высокая железная сетка, ограждающая школьный спортивный комплекс. Поравнявшись с этой сеткой, Чернышов остановился.

Был вечер, солнце где-то опускалось за горизонт, окрашивая последним неярким светом и без того желтые верхушки тополей. В дальнем углу спортивной площадки ребятишки гоняли мяч, громко кричали. Чернышов некоторое время слушал эти крики, потом произнес два слова:

— Да, жизнь...

И сожаление и грусть прозвучали в его голосе.

— Если бы белоярцы знали, что ты станешь таким знаменитым, ваш дом сохранили бы под твой музей, который ютится сейчас при районной библиотеке,— тихо произнес Сапожников.

— Оставь ты... Разве я об этом?

— Да, я понимаю, что не об этом. И все-таки досадно, что снесли.

«Досадно...— отметил про себя Чернышов.— Ему не жалко, а всего лишь досадно...»

Ребятишки все покрикивали на спортивной площадке, желтые, облитые вечерним солнцем деревья негромко шумели под слабым ветерком, то и дело роняли сухие, легкие листья. От всего этого Чернышову стало еще тоскливее, и он спросил:

— Не чувствуете, как в самом воздухе разливается тоска? Где-то звучат и звучат тоскливые ноты.

Сапожников промолчал, а Мария Ивановна сказала с улыбкой:

— Вы, писатели, устроены по-особому. А мы учителя. Сентябрь для нас месяц радостный — начало учебного года, начало новой большой работы.

— Ну, как по-особому...— возразил Чернышов.— И я всегда в осенних красках слышал какую-то... вдохновляющую, что ли, музыку. Я знал, что в той точке, где держался опавший лист, весной возникнет новая веточка. Возникнет, затрепещет под солнцем новыми листочками...

— А сейчас что же, забыл об этом? — спросил Сапожников.

— Не забыл, но это меня почему-то уже не радует. Что-то со мной происходит.

У входа в гостиницу стали прощаться.

— Раньше, когда на меня находила тоска, я пил водку. Но сейчас и это не помогает.— Помедлив, Чернышов невесело усмехнулся.— На спирт, что ли, попробовать перейти?

— Ты просто устал,— сказал опять Сапожников.

— Ты так думаешь? — уныло спросил Чернышов.

— Конечно. Отдохнешь — и все пройдет.

— Да, возможно, возможно,— проговорил Чернышов, глядя на Марию Ивановну.— Значит, вы, учителя, устроены по-особому?

— Ну что ты...— смутилась Мария Ивановна, полнеющая пятидесятилетняя женщина.— Я сказала, что это вы...

— А что там Борсенковы пруды, тоже высохли? — обернулся Чернышов к Сапожникову.

— Да так... лужицы еще плещутся...— ответил Леонид Гаврилович.

— И рыба есть?

— Кое-где по ямкам даже щуки пока живут.

— Завтра воскресенье. Может, махнем туда... Вспомним детство, а? Я машину в райкоме попрошу. Всякие удочки, как я знаю, у тебя есть. Отдохнем. Машенька, ты отпустишь нас?! — снова обернулся Чернышов к Марии Ивановне.

Жена Сапожникова подняла голову, в ее больших сероватых глазах мелькнуло беспокойство.

— Да уж отдохнете... За вами же районное начальство увяжется с полным багажником бутылок да свертков. А у Лени сердце пошаливать стало.

— От начальства я отделаюсь. Ну так что?

— Если хочешь — давай съездим,— сказал Сапожников.

3

Ночью Чернышов почти не спал. С вечера по тесным коридорчикам гостиницы все хо-

дили постояльцы, скрипели половицами, громко разговаривали, хохотали, хлопали дверями. Потом пошел дождь, шел долго, чуть ли не до самого рассвета, то затихая, то опять усиливаясь, уныло стуча по стеклам.

Но заснуть Чернышову мешали не звуки, а собственные мысли, какие-то не очень и ясные, но тревожные. Перед ним все стояли обеспокоенные глаза Марии Ивановны, до сих пор чистые и доверчивые, которые он когда-то любил целовать и которые он обманул. Как это случилось? А черт его знает как! Была в его жизни Машка Дмитренко, застенчивая и доверчивая, как ребенок. А потом появилась Нина Лебедева, стремительная и веселая, для которой в жизни не существовало никаких преград. Она была единственной дочерью директора крупного завода, эвакуированного в начале еще войны в Новосибирск, училась до этого в Москве, в новосибирский институт перевелась в связи с болезнью матери, сразу же стала самой беспокойной и недисциплинированной студенткой на факультете, на лекциях появлялась время от времени. На экзаменах сильно трусила, но, к удивлению всех, сдавала их только на пятерки. На последнем курсе она стала его женой, а Маша кинулась под поезд. И опоздай Ленька Сапожников буквально на секунду, не было бы на свете Маши Дмитренко.

Слушая шум дождя за окном, Чернышов думал обо всем этом и в то же время остро чувствовал, что причина его бессонницы другая, другая... Черт меня дернул, больно ныло у него в голове, сказать, что Сапожников не высоко ставит мои творения. «Тебя знает вся страна, твои книги издаются за рубежом...» А глаза опустил, и в голосе — не насмешка, нет — просто обыкновенный холодок, равнодушие. И еще: «Если бы белоярцы знали, что ты станешь таким знаменитым, ваш дом сохранили бы под твой музей... Досадно, что снесли». И Маша, Мария Ивановна: «Вы, писатели, устроены по-особому...»

Каждая из этих фраз причиняла ему настоящую физическую боль. Он и раньше догадывался, знал, что и Маша и Сапожников не высоко ценят его книги. Поделился как-то об этом с Сеней Куприком, тот по своему обыкновению отмахнулся: «А, наплюй! Художник не может быть принят всеми». И он в общем-то плевал. Но сейчас ему вдруг стало небезразлично, как относятся к его творчеству люди, рядом с которыми прошли его детство и юность. Сеня Куприк тогда еще сказал: «Знаешь, я где-то читал, Жорж Санд написала однажды Флоберу: что для художника равнодушная к его творениям толпа, если в мире есть хоть один-два человека, понимающих и любящих его творчество! Сечешь?» «Где это она написала?» «Не припомню. Да и в том ли дело где. Ты в мысль вдумайся».

Валентин Михайлович в мысль вдумался и как-то успокоился. А сейчас ему остро, прямо до какой-то болезненности хотелось, чтобы этими двумя людьми в мире были Мария Ивановна и Леонид Гаврилович Сапожниковы. Но они не были ими, и осознание этого все больше и больше терзало ему душу. И зря он, видимо, приехал нынче сюда, и, может быть, к черту завтра всякую рыбалку, сесть в поезд да обратно в Москву. А там на Ярославском вокзале встретит его давний друг Сеня Куприк и сразу же успокоит. Конечно, не спирту и не водки, а коньячку они со встречи выпьют, ибо Сеня еще на перроне с искренней и радостной улыбкой скажет: «Валенька, я ведь знаю, как вы любите меня кормить! Так что я готов зайти даже в этот захудалый привокзальный ресторанишко». Успокоит тем, что, едва они выпьют по рюмочке марочного коньяка, ибо никаких грубых напитков Сеня не употребляет, он спросит: «Ну-с, Валенька, что нас тревожит, какие возникли в жизни проблемы? Скажите их вашему верному другу, он все устроит и все разрешит».

Да, он все устроит, разрешит он своей доброй улыбкой, своими словами, своим спокойствием и уверенностью, что все земное и неземное подвластно ему, а значит, им двоим, успокоит его, Валентина Чернышова, но только он чувствует он: теперь ненадолго, ненадолго.

У Чернышова впервые мелькнуло, что душа его давно, видимо, больна, больна...

Продолжение следует.

ХЛОПОК ИЛИ ВИСКОЗА?

Мотив моего письма? Бережливость. А поводом послужили статья в вашем журнале «Золотой ярлык» и отклики на нее. Они-то и натолкнули меня на мысль: нельзя ли заменить применяющиеся у нас в цехе хлопчатобумажные ремни на, скажем, веревку из вискозной нити?

Мы применяем от полутора до двух тонн в год таких ремней. Их назначение: завернутый прибор обхватывают еще и этим ремнем. Рабочие взялись за этот ремень, опустили прибор в ящик, забили, а где-то в другом месте другие рабочие сняли крышку, взялись за эти ремни и вынули прибор из ящика. Все отвязали и выбросили, ибо короткие отрезки применить практически негде.

А если эти тонны превратить в полотенца или простыни? Вот бы здорово вышло! Может, и не только у нас, потому что такие же ремни используют, видимо, и другие. И всем бы предложить отказаться от такого растранжиривания.

Но, увы! Мне в моем предложении отказали. Прошу, попробуйте убедить тех, от кого зависит.

А. Н. Разуваев

Черкассы.

Читатель подсказывает еще один источник экономии. Мы передали письмо в Минлегпром СССР. Начальник Управления развития трикотажной и текстильно-галантерейной промышленности С. Н. Чупрыгина сообщает:

«Управление рассмотрело письмо с предложением о замене хлопчатобумажных лент на другие упаковочные материалы из химических видов сырья и сообщает, что в настоящее время Министерством легкой промышленности СССР проводится анализ использования потребителями продукции легкой промышленности из хлопчатобумажной пряжи для технических целей.

Предложение о замене хлопчатобумажных лент на синтетические для упаковки аппаратуры будет учтено при согласии потребителя».

Конечно, можно было рассчитывать на более активную позицию Минлегпрома, но хорошо и то, что предложение читателя не осталось незамеченным, правда, после вмешательства редакции. Видимо, скоро мы узнаем, как решится этот вопрос. А пока приходится отметить, что ранее принятые решения не всегда выполняются. Оказывается, несмотря на то, что заверения, будто хлопчатобумажная лента ныне уже не расходуется на этикетки (о чем и говорилось в публикациях «Золотой ярлык» и «Не золотой ярлык, а бриллиантовый»), эта практика пока не стала днем вчерашним. В подтверждение можно было бы привести письма читателей, но, прежде чем предоставить им слово, мы передали письма специалистам.

И вот на сообщение А. Т. Нечаева из Свердловска, писавшего о том, что добротная хлопчатобумажная ткань по-прежнему переводится на маркировку обуви, отвечает начальник Роскожобувьпрома Министерства легкой промышленности РСФСР В. В. Гоголев.

Он пишет: «Рассмотрев ваше предложение относительно улучшения и сокращения маркировки обуви, Роскожобувьпром отмечает, что высказанное вами критическое замечание, справедливо. Однако обувные предприятия обязаны маркировать обувь в соответствии с ГОСТом. Предложения по улучшению маркировки обуви в части ее сокращения были направлены Роскожобувьпромом разработчику указанного ГОСТа — Украинскому научно-исследовательскому институту кожевенно-обувной промышленности. Институтом разработана новая артикуляция обуви, предусматривающая проставление на ярлыке только шести цифр. Это предложение не принято Государственным комитетом СССР по ценам в связи с тем, что проставляемые при маркировке реквизиты служат не только для информации покупателей о цене, размере обуви, но и для осуществления цены в зависимости от применяемых материалов».

Ну, а какова позиция министерства? Если оно признаёт, что критическое замечание справедливо, и тем самым говорит «а», логично было бы ожидать, что будет сказано и «б», то есть что министерство активно и настойчиво будет добиваться того, чтобы заботливое предложение читателя было принято и осуществлено. Несмотря на сопротивление некоторых ведомств...

НАКАЗЫВАТЬ СТРОЖЕ

Прочитав в № 24 «Огонька» обзор писем Б. Протопопова «Проступок или преступление?» в связи с его фельетоном «Варварство», не могу успокоиться, настолько меня взволновала эта история. Молодые люди разбили на станции Орел-2 средства сигнализации и вывели из строя сразу четыре светофора. Что же они получили за свою хулиганскую выходку? Условное наказание! Правда, в конце материала приведено письмо секретаря Орловского горкома КПСС Е. Троицкого, в котором говорится о мерах по улучшению воспитательной работы среди молодежи, о мерах по усилению борьбы с хулиганством и другими нарушениями общественного порядка.

Но родители этих четырех подростков не упомянуты. А есть хорошая русская пословица: «Дети учатся тому, что видят у себя в дому».

Поэтому у меня встал вопрос: кто и что из себя представляют родители этих молодых преступников? Как они воспитали таких подонков, которые совершили не проступок, а далеко идущее опасное преступление. К сожалению, случай этот не единичный. Еще очень много молодых людей нигде не учатся, не работают, иногда только числятся учащимися или работающими, живут за счет родителей, то есть ведут паразитический образ жизни. Ведь это старая истина, что труд воспитывает порядочного человека и гражданина, а молодежь, не занимающаяся учебой и трудом, превращается в паразитов и преступников.

В газетах можно часто прочитать, как в конце лета горят скирды сена, соломы, телятники, откормочные пункты молодняка из-за небрежного отношения с огнем некоторых молодых людей. Так сколько же можно терпеть эти «проступки»? Не пора ли эти проступки квалифицировать как злостные преступления и карать за них по всей строгости закона?

Я защищал Советскую власть в годы гражданской войны. Работал на строительстве Турксиба, потом был переведен на Кузбасс в Сибстройпуть, после в Ленинград. Строил Ленинградский метрополитен.

С октября 1956 года нахожусь на пенсии.

Мне в мои 83 года больно видеть, как иногда наши труды сводятся на нет пьянством, хулиганством, воровством, браком в работе, безответственным отношением к своим обязанностям. Ответственность нередко ограничивается отеческим внушением, переводом на другую работу и в крайнем случае выговором. Дело от этого не улучшается.

Борьба на идеологическом фронте для нас остается еще очень актуальной, важной проблемой.

П. Герасимов

Ленинград.

А. АЛЕКСЕЕВ

БОЛЬШОЙ НОВОСИБИРСКИЙ

Новосибирский оперный театр не первый раз в Москве. Однако каждые столичные гастроли этого коллектива привлекают внимание любителей оперы и балета. Вот и в этот приезд новосибирцев, несмотря на проходивший в Москве VII Международный конкурс имени П. И. Чайковского и телевизионные футбольные баталии, спектакли гостей создавали в заполненных залах Большого театра и Кремлевского Дворца съездов приподнятую атмосферу праздника.

Не случаен интерес к Новосибирскому академическому театру оперы и балета. Он давно зарекомендовал себя как один из ведущих музыкальных коллективов страны, и его часто называют «Большим театром Сибири». А во время гастролей новосибирцев во Франции один из критиков прямо писал, что у почитаемого Большого театра и неподражаемого Кировского есть отныне в глубине России соперник.

Ровесник Великой Победы, театр, открытый в мае 1945 года, за сравнительно короткий срок стал подлинной академией музыкально-театрального искусства. Творчество новосибирцев широко известно сегодня и в нашей стране и за ее пределами, но все же главной задачей театра была и остается его художественная и просветительская миссия прежде всего в регионах Сибири и Дальнего Востока. Вот лишь несколько примеров. Новосибирский оперный был первым музыкальным театром, который принимали у себя новоселы Ангарска. Первыми были новосибирцы и у жителей Комсомольска-на-Амуре, которые присвоили театру звание Почетного строителя своего города. Или еще пример. Артисты театра приехали в далекую бухту Находка; по случаю их приезда занятия в школе были отменены: школьники слушали оперу «Евгений Онегин»...

Шестой раз приезжает Новосибирский оперный в столицу, и всякий раз открывает для москвичей оригинальные, порой незнакомые названия. Этой традиции театр верен и теперь: в числе тринадцати привезенных спектаклей «Крылатый всадник» и «Мадам Бовари».

Опера «Крылатый всадник» советского композитора В. Рубина — произведение, написанное в необычном жанре, который сам автор определяет как «поэтический театр».

Создан «Крылатый всадник» по мотивам творчества испанского поэта Гарсиа Лорки, трагически погибшего в годы господства фашистской диктатуры Франко. Воплощая образ героя, В. Рубин стремился к широким обобщениям, и тема борьбы с фашизмом, низменным и жестоким, бесчеловечным, в равной степени звучит в опере как обращение и к прошлому и к настоящему: трагическая гибель Гарсиа Лорки перекликается со столь же трагическими судьбами американца Джо Хилла, чилийца Виктора Хара... Важность затронутой автором темы многократно подчеркнута еще и тем, что, помимо стихов Гарсиа Лорки, в либретто оперы включены фрагменты из произведений Пушкина, Гете, Блока, Пастернака, Светлова, Булгакова, Кулиева...

Осуществляя постановку «Крылатого всадника», театр подчеркивает высокий гражданственный пафос произведения. Строгость и лаконичность, а порой сложная метафоричность постановочных приемов в сочетании с глубокой страстностью артистического выражения захватывают зрителя. Зал становится участником происходящего, переживая все то, что несут с собой наиболее острые проблемы нашей современности, проблемы ответственности за судьбы человечества...

Другое, неизвестное доселе произведение, с которым новосибирцы познакомили москвичей,— опера «Мадам Бовари» современного французского композитора Эммануэля Бондевилля. Видный музыкально-общественный деятель Франции, член Французской Академии изящных искусств, он создал оперу в 1951 году; это самое крупное и наиболее значительное творение композитора, где он, по собственным его словам, стремился «думать по-флоберовски». Иначе говоря, стремился найти музыкальный язык, отвечающий духу и психологической глубине литературного первоисточника. И те, кому довелось услышать «Мадам Бовари», согласятся, что автор достиг своей цели, особенно в трех последних картинах, где развертывается душевная трагедия Эммы, где рушится и гибнет внутренний мир человека, сталкивающегося с рутиной окружающей жизни, алчностью, жестокостью, лицемерием...

Первый гастрольный спектакль «Мадам Бовари» символически совпал со знаменательным событием — возвращением из космоса советско-французского экипажа. И в тот день московская премьера оперы французского композитора как бы еще раз подтвердила дружеские связи наших двух стран. Э. Бондевилль специально прилетел из Парижа на этот спектакль, хотя ранее он присутствовал на премьере в Новосибирске.

Мне довелось беседовать с автором оперы.

В антрактах спектакля Э. Бондевилль взволнованно говорил о давних связях русской и французской музыкальных культур, о шедеврах русской музыкальной классики: произведения Чайковского, Мусоргского, Римского-Корсакова. Еще в молодости они произвели на него глубочайшее впечатление и во многом повлияли на его творческое развитие как композитора. Он снова благодарил русскую музыку. И снова благодарил коллектив Новосибирского оперного театра за превосходную постановку оперы.

Русская классика всегда была основой репертуара Новосибирского театра. Все наиболее значительные творения русских композиторов: «Хованщина» и «Борис Годунов», «Царская невеста» и «Князь Игорь», «Садко» и «Пиковая дама»— увидели свет рампы на новосибирской сцене. Однако театр не ограничивал свои поиски только лишь теми произведениями, которые уже снискали себе славу признанных шедевров: коллектив всегда стремился глубже проникнуть в творчество великих корифеев русского музыкального театра. Так, в прошлый свой приезд новосибирцы с успехом показали в Москве редко идущую на наших сценах оперу П. И. Чайковского «Орлеанская дева». На нынешних гастролях представлены редко исполняемые оперы: «Кащей Бессмертный» Н. А. Римского-Корсакова и «Мазепа» П. И. Чайковского; оба спектакля прошли с успехом.

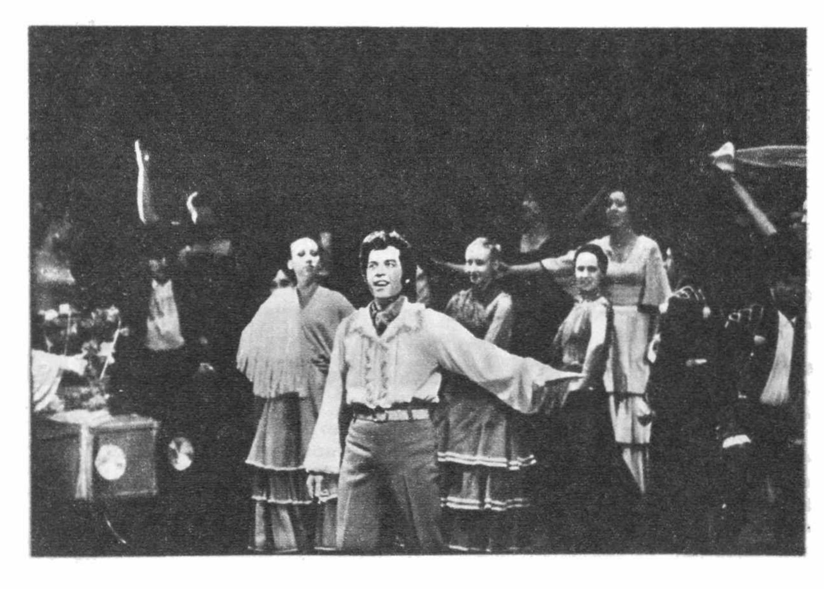
В «Мазепе» особенно запомнились прозвучавшие с необычайной силой знаменитые сцены казни Кочубея и Искры, сцена безумия Марии.

Западноевропейское классическое наследие было представлено в гастрольной афише новосибирцев свежим названием: «Фиделио» Л. Бетховена. Эта единственная опера великого композитора, к сожалению, редко ставится на сценах наших театров, виною чему известные слабости либретто. Но гениальная музыкальная драматургия, а главное, атмосфера эпохи Великой французской революции театром переданы мощно. Театр славит подвиги героев, поднимает высоко идею самопожертвования во имя любви и справедливости.

Несколько слов о балетном репертуаре.

«Лебеди с берегов Оби»... Так называют мастеров балетной труппы Новосибирского оперного театра. Действительно, новосибирский балет вот уже многие годы выступает на равных с балетными труппами Москвы и Ленинграда. Нынешние гастроли дали возможность заново оценить мастерство артистов новосибирского балета. Притом опять же в репертуаре, ранее незнакомом.

Отмечая знаменательную дату — 60-ю годовщину образования Союза ССР,— театр включил в гастрольный репертуар балет «Гаянэ» А. Хачатуряна (в постановке балетмейстера из Азербайджана Н. Назировой).

В этом спектакле, пленяющем красочностью сценографии и костюмов, мастерством и артистизмом исполнения солистов и кордебалета, слаженностью музыки и пластики, следует отметить прежде всего проникновение в национальное своеобразие произведения, не только в форму, но в самую сущность музыкальной и хореографической образности.

Нельзя не отметить и успех классических балетов: «Тщетная предосторожность» П. Гертеля и «Сильфида» Ж. Шнейцгоффера.

История постановки последнего балета восходит к 30-м годам прошлого столетия. В наше время бывший танцовщик Парижской оперы Пьер Лакотт восстановил хореографию этого классического произведения; по приглашению театра Пьер Лакотт поставил «Сильфиду» на новосибирской сцене. И любители балета теперь по достоинству оценили тонкую поэтичность, первозданность и одновременно изысканность хореографического рисунка, непередаваемую прелесть простоты, которую несет в себе этот шедевр классики.

Высокое исполнительское мастерство продемонстрировали в спектаклях солисты оперы Г. Яковлева (Мария в «Мазепе»), В. Урбанович (Рудольф в «Мадам Бовари» и Поэт в «Крылатом всаднике»). Запомнились солисты балета: Л. Гершунова — Сильфида, Т. Капустина — Гаянэ, Т. Кладничкина и В. Рябов — Лиза и Колен в «Тщетной предосторожности». Да и многие радуют в этом интересном, постоянно ищущем коллективе! Ведь уже третье поколение артистов активно включилось в творческую жизнь театра, продолжая его лучшие традиции.

На снимке: сцена из спектакля «Крылатый всадник».

Фото А. Степанова

ПЛАНЕРКА

Г. ЛЯТЬЕВ

Юмористический рассказ

— Товарищи, товарищи! — Начальник цеха перестал почесывать карандашом лоб и постучал им (карандашом) по столу.— Прошу бросить посторонние разговоры и быть потише. В коридоре все слышно.

Планерка подходила к концу. Начальник цеха оглядел прикусивших губы подчиненных.

— Ну что ж? Дела у нас сегодня идут хорошо. Ставлю на повестку дня последний, двадцать четвертый вопрос: механизированный инструмент. Его для цеха нужно... сейчас подсчитаю по вертикали, то есть по рабочим местам... девять штук. Какие у кого будут предложения?

— Дрель! Я бы порекомендовал... — боясь, что его опередят, выпалил главный энергетик.

— Товарищ Новосидоров! Мест девять, а дрелей же у тебя только пять. Так? — осадил его заместитель начцеха.

— Есть нужда в напильниках,— не совсем уверенно сказал и. о. инженера по охране труда и технике безопасности Незамужний.

Начцеха сделал страдальческое лицо:

— Степан Хрисанфович, мы же занимаемся механизированным инструментом, а напильник испокон веков был ручным.

— По-моему, в таком разе заслуживает внимания коловорот,— задумчиво сказал начплан.

— Коловорот — тоже ручной инструмент,— взял реванш за свой промах Незамужний.

— Предлагайте, предлагайте, товарищи, механизированный инструмент,— поторопил начцеха.

— Я знаю, что нам надо! — размахивая густо исписанным листом бумаги, радостно воскликнул главмех.— Парошабот!

— Парошабот? — поднял с груди голову зам.— Что за инструмент? Почему не знаю?

— Мы про такой не слыхали...— Лица участников планерки вытянулись.

— Ну как же! — взвился главмех.— «Шабот» — по-старинному молот, «паро» — значит паросиловой. Применяют для свободной ковки. Точно совершенно.

— Ладушки. Пожалуй, это нам подойдет,— подытожил начцеха.— Ну, Мордиенко,— молоток! Такой инструмент предложил!

Лица приняли свои обычные размеры.

— Сами с усами! — зарделся Мордиенко, действительно кавалер вислых славянских усов.

— Все! — сказал начцеха.— Записываем и расходимся. Следующая планерка, как обычно, в понедельник. За кем в субботу по графику техчертеж?

— За мной,— отозвался зам, просыпаясь.

— Ладушки. Все. Спасибо, товарищи.

* * *

В субботу вечером в квартире начальника цеха раздался телефонный звонок.

— Антимон Антимирович! — закричал зам.— У меня тут новая «Вечерка» с ответами на техчертеж, фу-у ты, кроссворд, что мы на последней планерке решали. Так Мордиенко-то, старый черт, надул нас. Механизированный инструмент из девяти букв — никакой не парошабот, а гайковерт. Вот!

— Да? Что ж, придется премиальных его лишить, чтоб лучше соображал,— рассердился начцеха.

Борис РЯБИКИН

ЗАДУМКА

Молодые клоуны Бим и Бом искали острое, сатирическое...

— А что, если... Давай распилим женщину! — предложил Бом.

Более подкованный Бим поморщился.

— Старо! Тысячи женщин были распилены еще в прошлом веке.

— Тогда мужчину. Юру, например. Молодой, гибкий.

— Юру нельзя. Хороший парень.

— Возьмем постарше. Аркадия.

— Аркадий — профорг. Мы же сами за него голосовали.

— Хорошо. Распилим рядового униформиста. Не имеющего общественных нагрузок. Чтобы знал, как отлынивать.

— Униформиста можно... Погоди, погоди. А не упрекнут ли нас в мелкотемье? Если уж распиливать, то фигуру покрупнее.

— Покрупнее? Согласен! Сейчас-сейчас... Вот! Нашего главного бухгалтера! До сих пор суточные не оформил и переработку. Распилим главного, а?

Бим хлопнул друга по плечу.

— Молодец! Хорошо придумал. Сатира должна брать крупные цели. А если... Если еще крупнее?

На следующее утро молодые клоуны уже ждали возле двери с табличкой «Директор».

— Есть задумка... — прошептал Бом, оглядываясь.— Давай еще крупнее возьмем. Давай распилим Макса. Нашего слона.

ДВЕРЬ

Скрипела дверь.

Марина не могла снять ее с петель и смазать — не хватало сил.

У Олега силы были, недоставало смазочного материала.

Смазочный материал хранился у Анатолия. Конечно, без указаний он не мог.

Указания обычно давал Леопольд Казимирович, но у него были дела поважнее.

Семен Семенович занимался менее важными делами. Но ему сейчас было не до двери, а до лампочки — любимый «Бульдозер» проиграл на выезде.

А дверь продолжала скрипеть.

Прибыла делегация—дверь скрипела.

Пожаловал замминистра — она приветливо скрипнула.

Отдохнув за субботу и воскресенье, дверь исправно скрипела всю рабочую неделю.

Наконец чьи-то нервы дрогнули.

— До каких пор?!

И понадобилось-то всего пол-листа ватмана, чтобы написать:

«Объявляется месячник по борьбе с дверным скрипом!»

Юмор

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Неподвижная часть горизонтального оперения летательного аппарата. 8. Ритмическое окончание фразы, стихотворной строки. 9. Популярный итальянский тенор. 11. Озеро в Приморском крае. 13. Город в Витебской области. 14. Отрезок, соединяющий точку окружности с ее центром. 16. Небесное тело в составе Солнечной системы. 17. Многолетняя трава семейства осоковых. 18. Советский искусственный спутник Земли для ретрансляции телевизионных программ. 19. Изделия, продукция металлургии. 21. Столица Республики Нигер. 23. Остров на Онежском озере. 25. Духовой инструмент, распространенный в Закавказье и Средней Азии. 27. Деталь плуга. 28. Употребление слова, выражения в переносном значении. 29. Наука о происхождении и эволюции человека.

По вертикали: 1. Венгерский писатель. 2. Действующее лицо оперы Дж. Россини «Севильский цирюльник». 3. Алфавит. 4. Пьеса А. Н. Афиногенова. 6. Промысловая рыба семейства тресковых. 7. Римский комедиограф. 10. Персонаж комедии В. В. Маяковского «Клоп». 12. Первая азербайджанская балерина, народная артистка СССР. 15. Резкое увеличение темпа в спортивных состязаниях на скорость. 16. Камчатский бобр. 20. Химический элемент, жидкий металл. 22. Специалист в охотничьих хозяйствах. 23. Французский ученый-физик, участница движения Сопротивления, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». 24. Приток Дона. 26. Семья итальянских мастеров смычковых инструментов. 27. Тюлень.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 31

По горизонтали: 4. «Большевик». 8. Кассава. 10. «Болеро». 11. Терьер. 12. Варвара. 15. Непал. 17. Ситец. 18. «Риголетто». 19. Целлюлоза. 21. Балка. 23. Тунец. 25. Давыдов. 27. Минога. 28. Аманов. 29. Ротатор. 30. Кипрегель.

По вертикали: 1. «Нашествие». 2. Волков. 3. Цитата. 5. Диета. 6. Марти. 7. Хореография. 9. Железобетон. 13. Акстафа. 14. Ремесло. 16. Лиепа. 17. «Салют». 20. «Обыватели». 22. Кроль. 24. Умань. 25. Дарвин. 26. Варела.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Крепко дорожит своей трудовой честью молодой комбайнер Николай Сирошган. О его мастерстве знают не только в колхозе «Днипро», где он работает. Вот уже шесть лет кряду Николай по итогам жатвы неизменно занимает призовые места в своем Кобелякском районе, входит в число лучших комбайнеров Полтавщины. Делегат XXVI съезда КПСС, член бюро Центрального Комитета комсомола Украины, он отличился на уборке урожая второго года пятилетки.

Фото Н. Козловского

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Старший научный сотрудник отдела селекции (НИЗИСНП) кандидат сельскохозяйственных наук А. М. Михеев занимается изучением и размножением сортов облепихи зелеными черешками с помощью туманообразующей установки * Новые сорта клубники. (См. в номере материал «Наш сад».)

Фото А. Бочинина

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

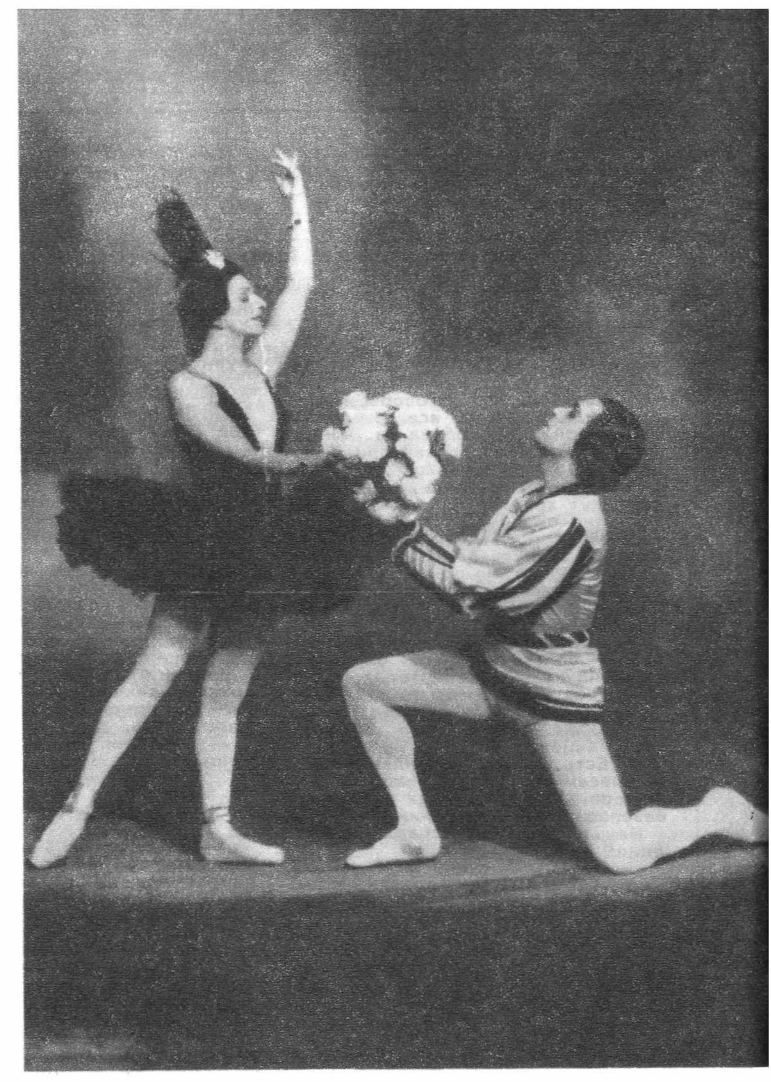
Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 19.07.82. Подписано к печати 3.08.82. А 00387. Формат 70×108⅛. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 810 000 экз. Изд. № 1825. Заказ № 2682.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

«Баядерка».

«Лебединое озеро». Зигфрид — К. Сергеев.

НАТА ДУДИ

«На крыльях песни» Мендельсона (концертный номер).

Г. ГОГОТИШВИЛИ

В любом виде искусства художник оставляет после себя нечто ощутимое, конечный результат творчества: картину, книгу, симфонию или песню, скульптуру. Эфемерное же искусство хореографии живет в кинолентах, работах критиков, фотографиях. Им, увы, не всегда удается передать живое очарование танца прославленной балерины или танцовщика... И все же вглядимся в фотографии Натальи Михайловны Дудинской. Ее имя знакомо каждому, кто хоть сколько-нибудь интересовался балетом. Роли, созданные ею, живы в памяти тех, кому посчастливилось видеть ее на сцене,—забыть великолепный, одухотворенный танец Дудинской невозможно. Была ли она Одеттой — Одиллией, Авророй, Никией, Раймондой, Лауренсией, балерина всегда трогала сердце, заставляя восхищаться всемогуществом классического танца, самыми сложными секретами которого она владела в совершенстве. Всегда чувствовалось, на каком подъеме танцует балерина,— он выливался в редкой красоты удлиненный прыжок или стремительные вращения, исполняемые ею в поразительном темпе. Но никогда виртуозная техника не становилась для Дудинской самоценной, бьющим на эффект трюком, а всегда подчинялась задаче создания образа. Зрителю ничего не нужно было растолковывать, когда танцевала Дудинская,— так выразителен, почти «говорящ» был ее танец.

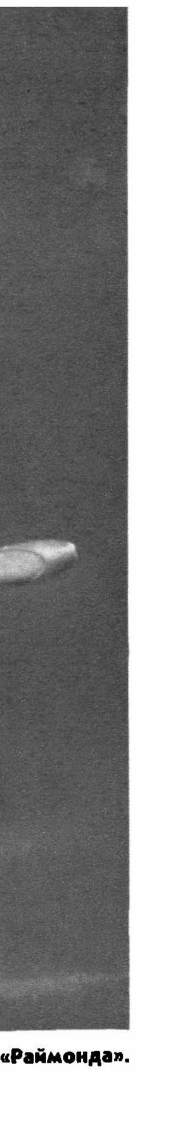
...В черной пачке и колышущихся на голове черных перьях выбегала на сцену Одиллия и на мгновение замирала, словно давая принцу и придворным лучше разглядеть свою торжествующую красоту. Она явилась, чтобы победить, и победа далась ей без труда. Где уж романтичному принцу было задуматься, та ли это незнакомка, которой он дал клятву на озере,—когда по сцене мчался черный вихрь, сметая на своем пути все сомнения,—вихрь стремительный, коварный, но обольстительный. Казалось, нет предела техническому совершенству Н. Дудинской — Одиллии, так блестящ был ее танец. Но искрометная в партии Одиллии, балерина была мягкой, женственной, танцуя Одетту,— очаровывая строгим совершенством формы, тонкой пластикой каждого движения, трагическим обликом своей Одетты напоминая врубелевскую Царевну-лебедь.

«Она горит, когда творит на сцене. Все ее переживания так глубоки, так ясно понятны и доходят быстро до зрителя, и он рукоплещет ей от всей души»,—оценивала танец Дудинской ее педагог А. Я. Ваганова, чью похвалу заслужить было совсем непросто. Вряд ли одарила бы Ваганова своей требовательной любовью ученицу только за талант — Дудинская была невероятно, даже для артистки балета, работоспособна, почти одержима.

Легко и уверенно вошла Дудинская в репертуар Ленинградского театра оперы и балета имени Кирова. Через полгода после окончания школы она уже танцевала Одетту—Одиллию в «Лебедином озере», чуть позже — Аврору в «Спящей красавице», вдохновенно и тонко чувствуя музыку Чайковского. Никия в «Баядерке», гордая Раймонда, задорная, кокетливая Китри в «Дон-Кихоте» (как упивалась здесь Дудинская танцем, как зажигала она зрительный зал!) — она словно родилась, чтобы танцевать лучшие партии классического репертуара. Но у каждого артиста бывают роли, в которых его творческая натура выражается наиболее полно. У Дудинской это была Лауренсия. И Сари в балете «Тропою грома». «Лауренсию» поставил В. Чабукиани, увидев героиней своего балета именно Дудинскую, с ее драматическим, волевым танцем, с ее талантом танцующей актрисы. Создав образ свободолюбивой испанской крестьянки, балерина словно поднялась на ступеньку выше в своем творчестве. Еще более психологически сложный образ Сари предложил Дудинской К. Сергеев. Любовь белой девушки к цветному юноше — как удивительно тонко передала балерина противоречия в характере своей героини, трагедийный, поистине шекспировский накал чувств.

Может быть, именно К. Сергеев, постоянный партнер Дудинской и тонкий, вдохновенный балетмейстер, лучше других почувствовал своеобразие ее таланта, расцветшего в его постановках — в «Золушке», в «Тропою грома», в концертных миниатюрах, которые так же значительны, как ее образы в балетах.

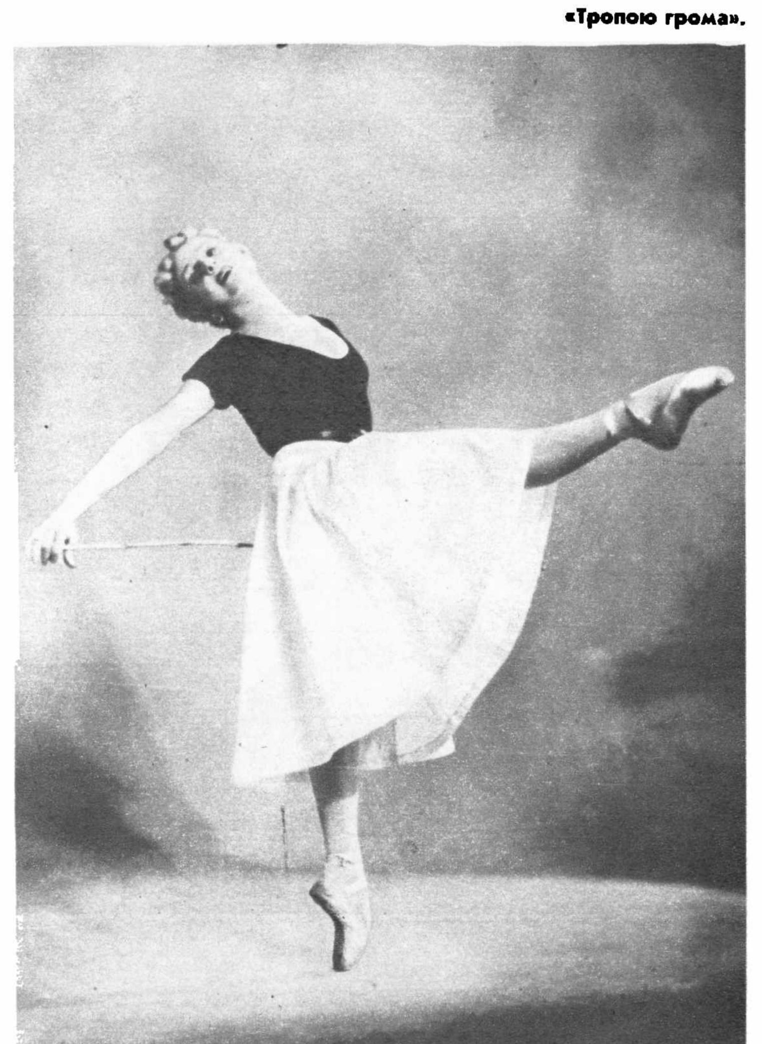
Лучшие роли Н. Дудинской стали уже легендой, отошли в историю советского балета. Но, оставив сцену, балерина не оставила искусство хореографии, которое она начала постигать с детских лет в студии своей матери Н. А. Тальори. Теперь народная артистка СССР, лауреат Государственной премии СССР Наталья Дудинская передает свое мастерство ученицам в Ленинградском хореографическом училище. И, может быть, в ком-либо из учениц Дудинской воскреснет ее прекрасное искусство — живое, темпераментное, «обыкновенное чудо» танца.

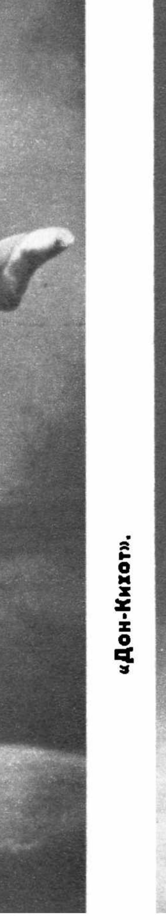

«Раймонда».

ЛЬЯ НСКАЯ

«Тропою грома».

«Дон-Кихот».

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663

